ВЕЧЕРНІЕ ЧАСЫ,

ИЛИ

ДРЕВНІЯ СКАЗКИ

СЛАВЯНЪ

древлянскихъ.

ЧАСТЬ V.

МОСКВА,

ВЪ Типографіи Компаніи Типографической,
съ Указнаго дозволенія,
1788.

СКАЗКИ ДРЕВЛЯНСКІЯ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

ВЕЧЕРЪ XLIX.

О Славорадѣ и Свѣтанѣ.

Украшеніе твоего пола, цвѣтъ человѣчества, слава моего престола и всей природы! прими отъ меня, возлюбленная *Свѣтана*, наставленіе какъ отъ родителя, и повелѣніе какъ отъ Государя; умножь, естьли только можно, нѣжность къ себѣ *Браниславову* твоимъ повиновеніемъ къ его безпристрастному намѣренію. Отрасль обладателей Волгарскихъ! я желаю опредѣлить участь твою достойно моему чину и твоихъ предковъ. *Судиславъ*, старшій братъ твой, долженъ здѣсь послѣ меня царствовать; надлежитъ,

БИБЛІОТЕКА М.П.М *

чтобъ ты владычествовала въ иномъ мѣстѣ съ супругомъ милымъ и тебя почитающимъ.

Такъ говорилъ въ нѣкоторой день строгій *Браниславъ*, Государь Хвалисовъ (*), въ чертогѣ обширнаго Дворца своего, прекрасной своей дочери. Оная не отвѣтствуя ему ни слова, премѣняется въ лицѣ, вздыхаетъ и потупляетъ взоры. Изумленный тѣмъ *Браниславъ* на нѣсколько минутъ умолкаетъ; по томъ продолжаетъ тако:

Извѣ-

(*) Хвалисы, народъ Славянскій, обитали около Каспійскаго моря, и область ихъ, занимая пространство отъ предѣловъ Персіи по Восточному и Западному берегу моря Каспійскаго, простиралась къ Азову до Меотискаго залива. Древнее названіе Каспійскаго моря Хвалынскимъ произошло отъ сего народа, которой, какъ утверждаютъ нѣкоторые Историки, происходитъ отъ Болгаровъ; однако другіе Писатели мнятъ, что сами Болгары произошли отъ Хвалисовъ. Впрочемъ вѣрно лишь то, что Хвалисы народъ самой древній изъ обитавшихъ въ предѣлахъ Россіи; что оный соединенъ былъ повсегда съ Болгарами и Руссами; что употреблялъ Славянскій языкъ (какъ свидѣтельствуютъ оставшіяся

Извѣстно мнѣ, что *Гиразъ* пораженъ твоими прелестьми. Но возгордившись нѣкоторыми подвигами и уваженіемъ, оказываемымъ при Дворѣ моемъ, не ужь ли осмѣливается онъ простирать даже до тебя свои желанія? Однако знай, что онъ высокомѣренъ, золъ и бѣшенъ въ страстяхъ своихъ; онъ не вѣдаетъ даже и о томъ, кому онъ долженъ жизнію, и не можетъ ничего ожидать, кромѣ чести служить вѣчно подобнымъ мнѣ Монархамъ. Я ничего не скажу тебѣ *Свѣтана*, опричь того, что малѣйшее

шіяся въ Исторія названія городовъ ихъ), и что иногда у розныхъ Исторіографовъ прозывался то Хвалисами, то Команами, или Куманами, а иногда Болгарами и Волгарами. Главный городъ ихъ Моджаръ, при рѣкѣ Кумѣ лежалъ близь нынѣшней Астрахани, и коего развалины поднесь видимы. Другой ихъ городъ изъ извѣстныхъ былъ Тартупъ на рѣкѣ Теркѣ, отъ Кизляра верстахъ въ 200; третій Орна при Донѣ рѣкѣ; а четвертый Тмутаракань, получившій названіе отъ древняго города Тархи, или Терки рѣки, близь коей находился, и который по перенесеніи на новое мѣсто прозванъ Астарханью, и сообщилъ именованіе нынѣшней Астрахани.

чувствованіе склонности твоей къ сему человѣку, можетъ имѣть послѣдствіемъ гнѣвъ на тебя отъ Небесъ и твоего родителя.

Наконецъ младшій сынъ Князя Косожскаго, сей храбрый *Славорадъ*, коего учинилъ я славнымъ Воеводою войскъ моихъ, также не есть особа, о которой бы позволялось тебѣ думать, хотя онъ и льститъ себѣ, что можетъ быть нѣкогда тебя получить. Правда то, что онъ весьма богатъ имѣніемъ, пріобрѣтеннымъ чрезъ свою храбрость; что онъ щедръ и покрытъ славою: но не будетъ царствоватъ. Онъ могъ бы уповать въ иное время покорить себѣ какую ни есть область, и тѣмъ открыть путь къ высочайшей степени; но въ нынѣшнемъ вѣкѣ судьба всѣхъ Государей, участвующихъ въ обладаніи пространныхъ предѣловъ Славянскихъ, обезпечена взаимнымъ союзомъ, миръ укрѣпленъ навѣки и враждующіе Скифы не смѣютъ начать войны, страшась воздвигнуть на себя оружіе всеобщее племянъ Славянскихъ. И такъ *Славорадъ* есть только рабъ, и подумай; какое различіе между имъ и моею дщерію. - - - -

На словѣ семъ *Свѣтана* прерываетъ слова своего родителя. Вы Государь позволяете мнѣ иногда (сказала она) смѣлость говорить вамъ истину; я хочу родитель мой днесь, какъ и всегда, быть чистосердечною. Естьли произвожу я въ *Славорадѣ* нѣжныя любви

ви

ви чувствованія: человѣкъ, подобный ему, не кажется мнѣ супругомъ меня недостойнымъ. Справедливо, что старшій братъ его долженъ по праву первородства наслѣдовать престолъ Косожскій; но онъ равенъ ему свѣтлѣйшею природою, и подтверждаетъ оную славными своими дѣяніями, коихъ плоды большею частію достались вамъ. Сверьхъ того Герой, подобный ему, можетъ почтенъ быть за мужа знаменитаго въ государствѣ, и которое нѣкогда можетъ сохранить своею храбростію. Сей столько твердымъ считаемый союзъ Славянскихъ Дворовъ можетъ легко разорваться отъ малѣйшей причины и отъ неожидаемыхъ обстоятельствъ; ибо всѣ Князи только первые изъ рода смертныхъ, но во всемъ блистаніи своего величества не рѣдко бываютъ не больше какъ человѣки.

Браниславъ казался быть изумленъ таковымъ отвѣтомъ; и всякой другой, кромѣ *Свѣтаны*, не могъ бы совершить онаго безъ наказанія: однакожь онъ принудилъ себя, чтобъ лучше поспѣшествовать исполненію своего намѣренія. И такъ перебивъ слова своей дочери, сказалъ: — Ты не допустила меня окончать; по чему обратимся къ главному предмету нашего разговора. Нѣкоторой Факиръ (*), пріѣхавшій съ Персидскими

 куп-

(*) Факиры, какъ извѣстно, составляютъ одинъ Духовный орденъ изъ двадцати Индѣйскихъ.

купцами ко Двору нашему, послѣдователь ученію Равандсвъ (*), мужъ просвѣщенный и прилѣпленный ревностію къ нашему дому, давно уже открылъ мнѣ часть судьбы моей. Событія поднесь всегда подтверждали его предсказанія. Вѣдай, о *Свѣтана*! что благо и зло моей жизни должно зависѣть отъ твоего замужства. Когда ты знаешь свою должность, естьли ты любишь еще отца твоего, остерегайся то нарушить. Напослѣдокъ знай, въ каковой странѣ должна ты быть Царицею. Престарѣлый *Ратиборъ*, мой союзникъ, владычествующій надъ частію единородцевъ нашихъ Югровъ, намѣренъ уступить престолъ свой *Позвизду*, своему племяннику. Сей юный Князь, услышавъ славу о твоей красотѣ и твоемъ разумѣ, горитъ желаніемъ соединиться съ тобою. Онъ предложилъ о томъ своему дядѣ, а сей пи-

---

(*) Секту эту основалъ Абдаллъ - Эбнъ - Раванъ, которой послѣдователи всегда вѣрны были къ сторонѣ Абассидовъ. Преселеніе душъ составляло главную часть изъ системы ихъ ученія: они уповали, что души добродѣтельныхъ плаваютъ усладительно въ Дельфинахъ, лобзаютъ цвѣты въ бабочкахъ, ласкаются нѣжнымъ поломъ въ маленькихъ собачкахъ, воркуютъ въ голубяхъ, или поютъ въ пѣтухахъ, и такъ далѣе.

писалъ ко мнѣ своеручно. Я уступилъ его убѣжденіямъ, далъ наше священное слово, и ты будешь прежде великаго празднества Свѣтовидова (*) обожаемою супругою наслѣдника *Ратиборова*. Сей Князь (примолвилъ *Браниславъ*) изъ почтенія къ тебѣ отступилъ отъ нашихъ обычаевъ; онъ лично желаетъ снискать любовь твою, и навѣрное завтра сюда прибудетъ. — Сказавъ

(*) Свѣтовидъ былъ Фебъ Славянскій; покланялись въ немъ солнцу, или вѣчному огню. Служеніе это легко могло войти по сосѣдству и торговому обращенію Хвалисовъ съ Персіянами, у коихъ оное въ древности было всеобщее, и поднесь еще тамъ есть у Гебровъ. Чтожъ у Славянъ, оное составляло часть богослуженія; свидѣтельствуетъ то Кіевскій Зничъ, истребленный уже великимъ Владиміромъ по принятіи Христіянскаго Закона. — Великое празднество Свѣтовиду отправлялось со многими обрядами въ весеннее равноденствіе во всѣхъ тѣхъ городахъ, гдѣ были капища Зничевы, и начиналось при самомъ вступленіи солнца на полдни; при чемъ главный жрецъ сводилъ огнь съ неба, безъ сомнѣнія помощію зажигательнаго стекла, или тому подобнаго физическаго дѣйствія.

это и не хотя дожидаться отвѣту, вышелъ онъ поспѣшно отъ *Свѣтаны*, которую оставилъ блѣднѣющую и едва могущую удерживать слезы, готовыя проливаться.

Душа ея учинилась добычею жесточайшей печали. Оный гордый *Гиразъ*, о которомъ упоминалъ *Браниславъ*, не преставалъ гоняться по слѣдамъ ея, открывать ей страсть свою, которую она презирала, и докучать ей съ дерзостію. Но сего было еще мало; сердце ея тронуто было воздыханіями, добродѣтелію и красотою Героя, служившаго ея родителю. Любви достойный и щедрый *Славорадъ* постепенно покорялъ себѣ ея чувства. Сего еще не довольно: чета нѣжныхъ любовниковъ вскорѣ увѣрилась, что любовь ихъ произведетъ милый и бѣдственный плодъ свой. Суровая душа Государя Хвалисскаго была имъ совершенно извѣстна; они вѣдали, что таковыя преступленія не рѣдко наказываны были смертію по его повелѣніямъ. Въ ожиданіи случая къ предваренію того, или къ умягченію строгости *Браниславовой*, странствующій жрецъ совершилъ тайно обряды законные ихъ бракосочетанія.

Таково было бѣдственное состояніе *Свѣтаны*! Когда осталась она на единѣ, предалась б[е]зпрепятственно внушеніямъ своей горести: она испускала тысячи вздоховъ

ковъ, прерываемыхъ рыданіями, и прелестныя очи ея смочились потоками слезъ. *Славорадъ* входитъ тогда въ ея чертоги, и видя ее въ таковомъ жалостномъ положеніи, ощущаетъ всю силу злочастія, имъ угрожающаго. Она спѣшитъ открыть ему о новомъ бѣдствіи, которому они подвергаются. Тщетно старается онъ утѣшать ее; безплодно ищетъ онъ средствъ освободиться изъ пропасти, въ кою ввергла ихъ любовь. Во время прибытія того Князя, которому отецъ *Свѣтаны* обѣщалъ ея руку, возможно ли было имъ осмѣлиться говорить о той страсти, въ коей не смѣли они признаться, прежде нежели дано было его слово? Какая участь ожидаетъ ихъ, естьли откроется оная при таковомъ Дворѣ, гдѣ малѣйшія вины наказываются смертію! Но *Славорадъ* трепеталъ токмо объ единой *Свѣтанѣ*, а она ужасалась токмо объ немъ. —— Должно тебѣ признаться своему родителю! вскричалъ онъ наконецъ, чтобъ онъ изъ любви къ своей *Свѣтанѣ*, изъ жалости къ залогу, существующему въ твоихъ нѣдрахъ, въ сей же день почувствовалъ вопль природы; онъ проститъ тебя, и тогда пусть я погибну. Довольно того, что я спасу драгоцѣнную жизнь твою; а я послужу возмездіемъ преступленію, которое считалъ извинительнымъ, обожая толикія пре-

лести

лести, произведъ въ тебѣ чувствованія нѣжнѣйшія, вкусивъ безпредѣльное блаженство, и нашедъ съ тобою на земли тѣ утѣхи, кои обѣщаются добродѣтельнымъ душамъ въ злачныхъ поляхъ Черноботовыхъ. —— Однако *Свѣтанѣ* ли можно было рѣшиться пожертвовать *Славорадомъ*? Моя жизнь ничто! отвѣтствуетъ она ему; дни твои составляютъ для меня все на свѣтѣ: я умру, когда ты погибнешь. Но что я говорю! даже въ самую сію минуту готова я разстаться съ жизнію, чтобъ освободить тебя отъ всего, и извлечь отъ подозрѣнія, которое обнаруживаетъ плодъ. . . . . . Ахъ, возлюбленный супругъ! для чего бы намъ еще не имѣть надежды? Я поговорю моему родителю; онъ узнаетъ отъ меня. . . . и по крайней мѣрѣ я удалю срокъ нашего злочастія. Я не могу (продолжала она) въ нынѣшнюю ночь достигнуть къ нему: онъ запирается въ своихъ чертогахъ и входъ къ нему неприступенъ. Но завтра я послѣдую стопамъ его и осмѣлюсь. . . . . Поди, удались отъ меня; избѣжимъ малѣйшихъ подозрѣній и остережемся всякой нечаянности.

Славорадъ съ жестокимъ принужденіемъ оставляетъ свою супругу; благоразумный звукъ словъ ея удаляетъ его, и онъ возвращается въ свой домъ для совѣщанія въ остатокъ ночи съ *Зовратомъ*, тѣмъ странствующимъ жрецомъ, который совер-

шилъ

шилъ ихъ бракосочетаніе. Сей ученый и остроумный мужъ обыкновенно просвѣщалъ его своими совѣтами, принималъ участіе во всѣхъ его огорченіяхъ, и словомъ сказать, былъ истинный ему другъ.

Въ самую тужъ ночь дерзкій *Гиразъ* бодрствовалъ подъ окнами *Свѣтаны*: онъ слышалъ молву о скоромъ прибытіи Князя *Поэвизда* и о причинѣ сего путешествія; онъ искалъ произвести послѣднее покушеніе въ той надеждѣ, которую питалъ и которая льстила всѣмъ его намѣреніямъ. Склонивъ на свою сторону часть стражи, последуемый нѣсколькими злодѣями въ скрытомъ переодѣяніи, рѣшился онъ увезти *Свѣтану*. Но по щастію другая часть вѣрныхъ тѣлохранителей возпрепятствовала его намѣренію, и произвела съ сообщниками его битву, которая учинилась кровопролитною. Волненіе распространилось по всему Дворцу: со всѣхъ сторонъ бѣжали на помощь *Свѣтанѣ*, и тотчасъ разсѣяны умышленники сего покушенія. Однакожъ какъ они не оставили унести съ собою побитыхъ и раненыхъ, не можно было узнать никого изъ участвовавшихъ въ семъ заговорѣ. Вѣроломный *Гиразъ* ушелъ домой, выдумывать новое разположеніе къ злодѣянію.

Наутро Государь Хвалисскій, увѣдавъ о смятеніи, произшедшемъ въ ночи, безъ успѣха

успѣха старался открыть виновныхъ; но возъимѣлъ только нѣкоторыя слабыя подозрѣнія. Въ ожиданіи, что оныя яснѣе утвердятся, умножилъ онъ стражу къ чертогамъ своей дочери, и рѣшился скорѣе поспѣшить бракомъ ея за *Позвизда*. Заботы государственныхъ дѣлъ отвели его и препятствовали во все утро *Свѣтанѣ* найти случай переговорить съ нимъ; но какъ имѣлъ онъ обыкновеніе послѣ обѣда уединенно прогуливаться въ садахъ своихъ, дочь его возпользовалась тѣми благопріятными минутами. По нѣкоторыхъ исканіяхъ вошла она въ тѣнистую рощицу, въ которой нашла она родителя своего опочивающаго на травѣ. Она приближается къ нему съ трепетомъ, и читаетъ на челѣ его, что онъ смущается какою нибудь жестокою страстію. Вскорѣ изумленіе ея умножается. *Браниславъ* во снѣ своемъ начинаетъ продолжать разговоръ недоконченный. Онъ жалуется на свою нещастную участь; онъ говоритъ обѣ *Гиразѣ*, и открываетъ ужасную тайну. *Свѣтана* приходитъ въ трепетъ, желаетъ удалиться и избрать другое способнѣйшее время для своего намѣренія. Но вдругъ родитель ея пробуждается, кличетъ ее съ гнѣвомъ и повелѣваетъ сѣсть близъ себя. На лицѣ своей дочери *Браниславъ* усматриваетъ уже, что должно произойти изъ устъ

ея,

ея, и показавъ на лежавшую близъ него книгу, говоритъ ей: —— *Свѣтана*! отъ чтенія сей проклятой книги чувства мои по нещастію покорились с ну, и въ ономъ разпаленное мое воображеніе явило мнѣ предметы печальные. Признайся чистосердечно и не колеблясь, не говорилъ ли я чего во снѣ моемъ? Я хочу также вѣдать, выслушала ли ты свова мои?

Княжна открыла истинну: она пересказала отцу своему всѣ произнесенныя имъ слова, коихъ связь заключала въ себѣ нѣкоторый таинственный смыслъ. И такъ тщетно, вскричалъ онъ, до сего дня старался я предпринимать мѣры, чтобъ никто, кромѣ меня, не вѣдалъ объ этой бѣдственной тайнѣ! узнай любезная дочь, что родитель твой не можетъ заснуть безъ того, чтобъ не представлялось его памяти все, объ чемъ бы онъ ни думалъ, и особливо, чтобъ не говорилъ онъ, подобно какъ бы бодрствуя. Съ самой кончины твоей родительницы, которая открыла мнѣ сіи бѣдствія, я препровожу ночи одинъ, и запершись тритцатью замками. Сверьхъ того нужно тебѣ вѣдать въ особливости смыслъ тѣхъ словъ, коихъ ты разумѣть не могла. Вчера упоминалъ я тебѣ объ одномъ Факирѣ Равандіанова ученія: этотъ почтенный мужъ препроводилъ дни свои въ глубокомъ изученіи вѣры, набак-

блюденіяхъ звѣздословія и предреченій. Княгиня *Азарнія* была тогда беременна; я вопросилъ его о судьбѣ моего семейства; и и вотъ, *Свѣтана*, что мнѣ онъ отвѣтствовалъ:

„Сугубый плодъ есть во чревѣ *Азар*„*ніи*: она родитъ, она погибнетъ - - - - - „Какая красавица! - - - какое чудовище! „- - - отецъ его скончаетъ вѣкъ въ ту „самую минуту, когда имъ будетъ познанъ. „- - - Варваръ! пощади по крайней мѣ„рѣ сестру твою! - - - - не доводи ее до „участвованія въ величайшемъ преступленіи. „- - - Праведное Небо! какимъ злоклю„ченіямъ я зрю ее предоставленну, когда „родитель ея допуститъ ей самой учинить „избраніе себѣ супруга!„

Я ни чуть не суевѣренъ, продолжалъ *Браниславъ*, но мать твоя точно по предсказанію родила двойни и такого полу; ты родилась съ *Гиразомъ*, которой разтерзалъ чресла *Азарніи*. Я скрылъ отъ придворныхъ моихъ рожденіе сего опаснаго мнѣ сына; оный тайно отданъ былъ самому последнему изъ моихъ подданныхъ; а тебя воспиталъ я самъ во Дворцѣ моемъ. Вскорѣ свойства души *Гиразовой* открылись; оныя были еще безобразнѣе, нежели наружный видъ тѣла. Я вознамѣрился не признавать его моимъ сыномъ, и утвердился во мнѣніи,

что

что Факиръ проникъ въ нѣдра самой истины. Время лишь только подтвердило страшное это предсказаніе. *Гиразъ*, служа въ моихъ войскахъ, меньше производилъ опустошенія въ странахъ непріятельскихъ, какъ въ моемъ государствѣ. Оттуда возвратился онъ ко Двору, при коемъ изъ жалости терпѣлъ я его присутствіе: но сколько съ самаго начала учинилось оное злочастно? Онъ гонялся по слѣдамъ твоимъ и предлагалъ тебѣ исканія, безъ сомнѣнія осужденія достойныя; и нѣтъ сомнѣнія, чтобъ въ прошедшую ночь не онъ покушался увезти тебя и учинить участницею своего преступленія. Опустимъ завѣсу, о дочь моя! на то, что можетъ случиться впредь, и помыслимъ только о настоящемъ, чтобъ постановить щастливыя послѣдствія. Мое столько важное таинство не извѣстно никому, опричь двоихъ насъ. Узнавъ о твоемъ братѣ, конечно не похочешь ты вонзить кинжалъ въ грудь мою и тѣмъ ускорить моею смертію. Напослѣдокъ, чтобъ избѣжать золъ, можетъ быть величайшихъ, необходимо нужно, чтобъ ты изъ рукъ моихъ возпріяла супруга.

Таковой разговоръ поразилъ *Свѣтану*, и умножилъ ужасъ ея состоянія. Послѣ сей повѣренности со стороны ея родителя, какимъ образомъ можно было ей признаться ему въ своей любви и въ своемъ состояніи! По крайней мѣрѣ она возмогла преодолѣть се-

бя: она сказала, что никакъ не можетъ вытти за *Позвизда*; она содрогаясь готова была произнести имя того, котораго обожала. . . . Въ то мгновеніе ока приближается придворной и возвѣщаетъ о прибытіи племянника *Ратиборова*. По пятамъ за онымъ слѣдуетъ невольникъ: Государь! доноситъ онъ съ робостію, не въ дальности отсюду *Гиразъ*, подкрѣпляемой своими единомышленниками, обидѣлъ *Славорада* и напалъ на него вооруженною рукою. Этотъ еще не обороняясь, далъ пощечину своему противнику: послѣ чего сабли ихъ засверкали, и можетъ быть въ сію минуту одинъ изъ нихъ утратилъ жизнь. . . . *Свѣтана* не могла дослушать; она испускаетъ вопль, и упадаетъ безчувственна въ объятія своего родителя. Оной повелѣваетъ бѣжать къ сражающимся, взять ихъ подъ стражу, и наложивъ оковы, посадить порознь; и чтобъ *Свѣтанѣ*, отнесши въ ея покой, старались подать надлежащую помощь.

Между тѣмъ, какъ *Браниславъ* принималъ *Позвизда*, печальная *Свѣтана* отверзаетъ глаза, и видитъ себя на постелѣ окруженну своими женщинами. Въ то же время освѣдомляется она объ участи сражавшихся: доносятъ ей, что они не получили ранъ, но только посажены въ разныхъ темницахъ.

При дворѣ *Браниславовомъ* въ столичномъ городѣ Моджарѣ, *Славорадъ* былъ почти

чши не разлученъ съ сыномъ верьховнаго боярина *Саора*. Этотъ младый человѣкъ назывался *Вратоборъ*, и получивъ многія милости отъ *Славорада*, тѣмъ больше привязанъ былъ къ пользамъ сего сына своего Государя, и слѣдовалъ за нимъ въ Хвалисы. Онъ не вѣдалъ о священномъ союзѣ *Славорада* съ *Свѣтаною*; но не получивъ о томъ повѣренности, не сомнѣвался о взаимной ихъ любви. *Свѣтана* повелѣла его позвать къ себѣ, и узнала о молвѣ, происходящей при Дворѣ. Говорили, что будутъ держать долгое время во узахъ, и можетъ быть строго накажутъ *Славорада* и *Гираэа*; одного за то, что напалъ безъ причины, а другаго, что далъ пощечину своему непріятелю; что между тѣмъ готовятся къ свадьбѣ *Позвиздовой*; и *Браниславъ* посылаетъ гонца къ Князю *Ратибору* съ извѣстіемъ, что оная совершится чрезъ три дни.

Выслушавъ таковую печальную новость, *Свѣтана* поспѣшаетъ дрожащею рукою написать нѣсколько строкъ, кои орошаетъ своими слезами. Возьми, говоритъ она *Вратобору*, прошу тебя, отнеси сію бумажку къ *Славораду*, и остерегайся; потому что оная содержитъ его и мое таинство. Я вѣряю тебѣ начертаніе, отъ коего можетъ зависѣть наша участь; но вѣдая твою душу, не могу въ томъ сомнѣваться: отъ дружества твоего

къ намъ я ожидаю еще всякой помощи, каковая только тебѣ возможна.

Вратоборъ, возпламененный ревностію усердія къ двумъ симъ Свѣтлѣйшимъ и нещастнымъ особамъ, летитъ въ темницу къ *Славораду*. Князь этотъ покрываетъ поцалуями писаніе, которое ему другъ его вручаетъ; развертываетъ и читаетъ въ немъ слѣдующее: „Достойный предметъ любви „моей и половина бытія моего! *Вратоборъ* „извѣститъ тебя, каковой бѣдствіе наше „доходитъ крайности. Съ одной стороны „готовятся меня принудить вступить въ „беззаконный союзъ, которымъ я гнушаюсь; „а съ другой тебя содержатъ въ оковахъ. „Притомъ же, поношеніе, учиненное тобою „твоему обидчику, должно напослѣдокъ „быть омыто кровію твоею, естьли только „будешь ты противиться самъ себѣ. „- - - О супругъ дражайшій! какой ужасъ! „- - - тебѣ не извѣстна еще вся его великость! - - - - Должно рѣшиться, возлюбленной мой *Славорадъ*. При истеченіи „дня, злато, ослѣпляющее глаза смертныхъ, „долженствуетъ тотчасъ исторгнуть тебя „изъ твоего заточенія. Тогда спѣши въ домъ „свой; вели приготовить за городомъ коней „самыхъ быстрыхъ; обремени своими алмазами и прочими драгоцѣнностьми *Вратобора* и *Зоврата*; и чтобъ напослѣдокъ „одинъ изъ нихъ пришелъ проводить меня

„къ

„ къ тебѣ. Мы всѣ четверо удалимся изъ „ того мѣста, въ которомъ опасаюсь я не„ щастія, ужаснѣйшаго самой смерти. „

Славорадъ, рѣшившись исполнить предложеніе своей супруги, открылъ обо всемъ *Вратобору*. Перстень немалой цѣны свергаетъ съ него оковы; онъ поспѣшаетъ въ домъ свой; и словомъ сказать въ малые часы выполняетъ всѣ желанія *Свѣтанины*, такъ что прежде восхожденія солнца, перескакали они пространную степь, и уклонились въ лѣво въ горы, слѣдуя по пути къ заливу Меотійскому, и свернувъ съ прямой дороги опасаясь погони. *Вратоборъ*, равно какъ и *Славорадъ*, вооруженъ былъ съ ногъ до головы, для неминуемаго сраженія; а почтенія достойный жрецъ взывалъ безпрестанно на Небо о помощи.

Таковымъ образомъ среди опасностей проѣхали они горы, безъ препятственно совершили путь чрезъ часть степей Куманскихъ. Они достигли наконецъ до града Обеза, лежавшаго при морѣ Меотійскомъ (*).

(*) Обезъ городъ, стоявшій при заливѣ Меотійскомъ, или нынѣшнемъ Азовскомъ морѣ, былъ на самомъ томъ мѣстѣ, или по близости, гдѣ нынѣ Азовъ. — Кумане и Югры, составляли первыхъ обитателей Кіева и его окрестностей, и праотцевъ нынѣшнихъ Венгровъ.

ВЕЧЕРЪ L.

Хотя *Славорадъ* удаленъ былъ отъ Моджаръ и нѣсколько отъ областей Государя Хвалисскаго, не считалъ однако себя въ безопасности: чѣмъ драгоцѣннѣе была ему супруга его, тѣмъ больше страшился онъ ее лишиться. Притомъ же оная безпрестанно просила его удалиться съ нею въ какую ни есть страну мало извѣстную, или необитаемую. Тамъ мы, говорила она, будемъ жить въ благоденствіи: безъ подданныхъ и безъ Государя насладимся мы тамъ въ покоѣ едиными дарованіями щедраго Естества; можемъ безъ принужденія предаваться нашимъ склонностямъ, всегда добродѣтельнымъ; и оставимъ прочій родъ человѣческій въ добычу неминуемыхъ ихъ нуждъ, страстей и рабства.

Славорадъ, упреждающій желанія своей супруги, купилъ корабль и двѣсти невольниковъ, изъ коихъ большая часть была мореходцевъ: онъ обѣщалъ имъ самое щедрое содержаніе во время предпринимаемаго плаванія и свободу съ награжденіемъ по достиженіи въ способное мѣсто. *Славорадъ* былъ самъ искусенъ въ мореплаваніи, не имѣлъ нужды въ кормчемъ, и отплылъ изъ

Обезъ

Обезъ, желая пробраться мимо береговъ Еллинскихъ, и далѣе мимо столповъ Иракловыхъ къ островамъ, находящимся въ безмѣрномъ Океанѣ, о которыхъ слыхалъ онъ отъ купцовъ Еллинскихъ и Персидскихъ, что есть оныхъ много въ моряхъ Африканскихъ.

Едва корабль нашелся въ открытомъ морѣ, огорченная и однакожь довольная *Свѣтана* выпустила изъ за пазухи двухъ голубей съ привязанными письмами (*). Ахъ! что вы сдѣлали? сказалъ ей испужавшійся *Зовратъ*; не ужь ли осмѣлились вы открыть о себѣ письмами? — Такъ, отвѣтствовала *Свѣтана*; я люблю моего родителя, не взирая на строгую его несправедливость. Я извѣщаю его о намѣреніи, которое онъ возпріять меня принудилъ; я объявила ему, что среди морей ищемъ мы убѣжища, въ которомъ можемъ жить въ покоѣ и добродѣтели.

 Онъ

(*) Почта, употребляемая въ странахъ Восточныхъ, не могла быть не извѣстна Славянамъ; ибо они оттуда преселились къ Сѣверу. Отправляется оная такимъ образомъ: берутъ голубку отъ молодыхъ птенцовъ изъ того мѣста, въ которое писать надобно, и подвязавъ письмецо подъ крыло, пускаютъ изъ желаемаго мѣста; оная навѣрное возвращается къ своимъ дѣтямъ.

ли. Онъ узнаетъ, что я свято храню таинство, которое столько для него важно. — Но развѣ забыли вы, сказалъ жрецъ, что *Гиразъ* пребываетъ еще въ Моджарѣ? Говорятъ, что онъ коварнѣйшій и предпріимчивый изъ всѣхъ человѣковъ; онъ же получилъ безславіе отъ руки вашего супруга. Получивъ свѣденіе изъ вашего письма, онъ можетъ гнаться по нашимъ слѣдамъ, и нападетъ на вашего *Славорада*. — Ахъ, *Зовратъ*! вскричалъ *Славорадъ*, я желаю того, чего вы опасаетеесь! Естьли я сожалѣю, оставивъ страну Хвалисовъ, то объ томъ лишь, что не повергъ къ ногамъ моимъ сего гонителя моей супруги. — Постараемся забыть наши нещастія прошедшія, сказала ему нѣжная *Свѣтана*; станемъ помышлять только о благоденствіи, которымъ наслаждаемся, и пожелаемъ скорѣе увидѣть Океанъ, раздѣляющій насъ безднами своими отъ человѣковъ. Удалимся изъ опасныхъ сихъ предѣловъ, и на концѣ свѣта поищетъ какого нибудь пустаго острова, для мира и тишины, которыхъ насъ лишали.

Между тѣмъ плаваніе продолжалось, корабль пробѣжалъ Восфоръ Фракійскій, стесненные между собою острова Еллинскіе, и наконецъ Проливъ, отверзтый рукою сильнаго Иракла. *Вратоборъ* въ свободные часы вмѣши-

шивался въ разговоры жреца и супруговъ. Хотя Дворъ Хвалисской изобиловалъ увеселеніями, но онъ оставилъ его безъ огорченія. Сколько ни молодъ былъ онъ, но столько привыкъ къ обыкновеннымъ придворнымъ забавамъ, что оныя за долго уже престали производить въ душѣ его впечатленія. Ежедневно встрѣчающіеся новые предметы въ пути, и надежда находить оные вновь, оживили веселый нравъ его. Мы ожидаемъ, сказалъ онъ въ одинъ день *Славораду* отрасли отъ вашей Княгини, которая благодаря вашимъ попеченіямъ, готова исполнить нашу надежду. Но въ семъ ли жилищѣ долженъ узрѣть свѣтъ дневной вашъ наслѣдникъ? Качаніе корабля можетъ препятствовать нужному для него покою: вамъ слѣдуетъ помыслить о томъ, чтобъ приставать на время къ какому нибудь острову.

Предложеніе *Вратоборово* уважено было тѣмъ больше, что *Свѣтана* чувствовала нѣкоторые легкіе припадки болѣзней. Призвали на помощь Небо, слабый совѣтъ невѣрныхъ картъ морскихъ, и поворотили корабль въ ту сторону, гдѣ чаяли найти острова. По щастію на разсвѣтѣ оные усмотрѣли; и какъ безпокойства *Свѣтанины* умножались, то и вошли немедленно въ первую представшую глазамъ пристань.

Пристань эта была только отрогъ горы, составляющей берегъ настоящаго острова, и за которою можно было корабль поставить на якорѣ въ безопасности; вышли на оный съ надлежащими предосторожностьми. На берегу нашли два дома пространные и покойные, у которыхъ ворота и двери были отворены, но ни одного человѣка не находилось въ семъ пріятномъ убѣжищѣ. Покои немедленно были заняты, и самые лучшіе назначены для *Свѣтаны*.

На другой день люди *Славорадовы*, готовясь итти на ловлю, въ немалое приведены были удивленіе, разсмотрѣвъ, что они находятся на пустомъ каменномъ мысу, и на концѣ острова, обведеннаго вокругъ крѣпкою каменною стѣною. *Славорадъ* увѣдавъ о томъ, пошелъ самъ, взявъ съ собою *Вратобора* и *Зоврата*, и безъ труда достигли они къ стѣнѣ. Шествуя около оной, нашли они ворота, крѣпко запертыя желѣзными затворами; они постучались въ оныя. Тогда на ближней башнѣ появилось множество вооруженныхъ женщинъ, охраняющихъ крѣпость: кто бы вы ни были, вскричала одна изъ нихъ, не надѣйтесь войти въ нашу ограду; это Абролхо, или островъ дѣвицъ. По нашимъ непремѣннымъ законамъ всякой мущина долженъ быть изъ онаго изгнанъ. Вы на берегу безъ сомнѣнія на-

нашли два убѣжища, посвященныя проѣзжающимъ; вы можете оными пользоваться, сколько вамъ угодно. И естьли имѣете нужду въ съѣстныхъ припасахъ, Правительство наше снабдитъ васъ оными безплатно; пусть люди ваши подойдутъ къ стѣнѣ этой, и мы спустимъ къ нимъ на веревкахъ все, что надобно. Вотъ законы довольно странные! сказалъ своимъ *Славорадъ*: жрецъ молвилъ, что оные могутъ быть благоразумные; а *Вратоборъ* съ своей стороны сказалъ: я вижу по глазамъ сихъ дѣвокъ, что оныя не могутъ быть прочны.

Между тѣмъ призвали служителей, и получили со стѣны на веревкахъ воду, хлѣбъ и живность. *Славорадъ* приказалъ въ отплату за оное принесть нѣсколько тюковъ съ дорогими товарами, и подарилъ имъ. Послѣ многихъ благодарностей дѣвицы готовились удалиться; но *Вратоборъ* кричалъ имъ, что еще не все дѣло кончено: въ одномъ изъ вашихъ домовъ для странствующихъ имѣемъ мы прекрасную Княжну; вы очень поступите неблагопристойно, когда отпустите ее съ своего острова, не сдѣлавъ ей удовольствія съ вами познакомиться. Пусть самая непоколебимая изъ васъ выдетъ по крайней мѣрѣ переговорить съ нею; а чтобъ удостовѣриться въ безопасномъ ея назадъ возвращеніи, возьмите меня; а охотно

но отдаю себя вамъ въ *Аманаты*. Стража отвѣтствовала на это громкимъ смѣхомъ. однакожъ пошли посовѣтовать въ башнк. вскорѣ за тѣмъ ворота отворились, и вышла изъ оныхъ самая прекраснѣйщая изъ сихъ Амазонокъ.

Была то *Барэана*, которой по очереди въ тотъ день досталось начальствовать надъ городскою стражею. Вы видите, сказала она *Славораду*, сколько мало имѣю я недовѣрчивости: я полагаюсь на вашу справедливость и на твердость души моей. Говоря сіе и тому подобное, *Барэана* прибыла къ *Свѣтанѣ*, которая за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ разрѣшилась сыномъ.

Радость началась всеобщая у всѣхъ надлежавшихъ *Славораду*: оная ознаменовалась играніемъ на разныхъ музыкальныхъ орудіяхъ и плясаніями. Сынъ *Славорадовъ* названъ былъ *Свѣтлосаномъ*. Уже отецъ его готовъ былъ по уставамъ вѣры своей сдѣлать надъ нимъ первыя посвященія; но жрецъ *Зовратъ* тому возпротивился. Мы находимся днесь не въ странѣ Слявянской, сказалъ онъ изумленному *Славораду*: между столь многихъ сектъ, дѣлающихъ человѣковъ невольниками и производящими между ими ненависть, для чего принуждать младенца принимать на себя узы невольныя, которыми онъ можетъ быть нѣкогда

будетъ

будетъ гнушаться? Какое право имѣешь ты надъ свободною душею дѣтей своихъ? Для всевышнихъ боговъ нужны ли признаки притомъ, что должно ему покланяться? Почтимъ вольность *Свѣтлосанову*; пусть не мы первые приключимъ ему болѣзни чрезъ обряды, кои могутъ быть только суетные, и изъ жалости не будемъ совершать надъ нимъ настоящаго мучительства (*).

Славорадъ согласился на его разсужденія. Всѣ послѣдующіе ему окружили постелю прекрасной его супруги, которая съ радостію приняла поздравленія отъ друзей своихъ. Представленная ей *Варзана* упрошена была разсказать повѣсть своего острова; и она начала тако:

—„ За пятнатцать лѣтъ предъ симъ на островѣ Алдеріи, въ маломъ отстояніи отсюда находящемся, произошла странная перемѣна во нравахъ молодыхъ мущинъ тамошнихъ. До сего нещастнаго времени каза-

---

(*) Изъ вышеписанныхъ словъ *Зовратовыхъ* усматривается, что не всѣ Славяне и во многобожествѣ своемъ имѣли одинъ законъ, но находились между ими разныя секты вѣръ и законныхъ обрядовъ; и что между прочими было древнее обыкновеніе обрѣзанія.

зались они женщинамъ живы, чувствительны, искательны и вѣрны: но вдругъ учинились равнодушны, грубы, вѣтрены и вѣроломны. Между тѣмъ, не взирая на ихъ пороки, умѣли они еще намъ нравиться: они играли честностію, обольщали невинность, развращали добродѣтель, и оставляли почти всѣхъ своихъ нещастныхъ любовницъ. Подобно мнѣ, большая часть Алдиріянокъ едва достигли четырнатцатилѣтняго возрасту, какъ уже поношеніе наше было всенародно. Мы принуждены были всегда видѣть измѣнниковъ, коимъ не въ силахъ находились мстить; мы должны были стыдиться предъ нѣкоторыми младыми женщинами не столько чувствительными, какъ мы, или больше насъ скромными. Въ таковомъ состояніи находилось насъ пять сотъ дѣвицъ: мы рѣшились втайнѣ освободиться вдругъ отъ нашей страны и нашего мученія. Послѣ нѣсколькихъ собраній и здравыхъ разсужденій отплыли мы оттуда вночи на двухъ корабляхъ, и прибыли на этотъ малый островъ, о которомъ прежде развѣдали обстоятельно.

Занявъ оный, сначала опасались мы, чтобъ родственники наши не сдѣлали за нами погони и не принудили бы насъ возвратиться въ домы; но толкъ вѣры ихъ подвергалъ проклятію морскія путешествія: по

чему

чему не появилось ни одного человѣка, насъ преслѣдующаго. Въ горныхъ пещерахъ и разсѣлинахъ нашли мы себѣ спокойное жилище. Первое наше стараніе по томъ состояло въ обнесеніи острова нашего укрѣпленною стѣною: мы желали вдругъ и защитить себя и отмстить мущинамъ.

Дабы лучше усовершить этотъ предметъ, мы учредили республиканское правленіе. Жеребій, подобно какъ и въ другихъ странахъ, разпредѣлилъ между нами должности и труды. По записочкамъ, вынутымъ изъ сосуда, однѣмъ досталось сочинять законы, другимъ содержать стражу на стѣнахъ, а прочимъ щастливѣйшимъ стеречь стада и производить хлѣбопашество. По нашему первенствующему постановленію, обязаны мы были всѣ не жить больше съ мущинами. Мы опредѣлили ту достойною сожженія, которая будетъ имѣть слабость прельститься и войти съ которымъ ни есть изъ оныхъ въ тѣсныя обязательства. Мы построили внѣ нашихъ стѣнъ, сіи два дома для проѣзжающихъ.

По прошествіи четырехъ мѣсяцовъ съ того времени, какъ взяли мы столько мудрыя мѣры, въ одинъ день случилось десяти моимъ подругамъ прогуливаться въ лугахъ и рвать фіалки: какъ вдругъ съ воздуху опустился и сѣлъ близь ихъ орелъ; онъ

онъ держалъ въ когтяхъ своихъ нѣчто странное. Онѣ вскочили; орелъ испугался, и поднявшись на воздухъ, оставилъ свою добычу. Подруги мои приближились изъ любопытства, бывъ притомъ привлекаемы необыкновеннымъ ушамъ ихъ крикомъ, и нашли младенца, завернутаго въ ягнячьей кожѣ.

Находка таковая показалась имъ важною и достойною того, чтобъ отнести ее въ Сенатъ; въ самомъ дѣлѣ произвела оная споры между всѣхъ нашихъ Сенаторшь. Между тѣмъ освидѣтельствовали полъ младенца, и споръ кончился; ибо нашли, что это не мальчикъ. Сей подарокъ судьбы названъ *Зебееѣю*, и отданъ *Сефилирѣ*, самой младшей изъ нашихъ ратницъ. Съ того времени принимали мы въ нашъ островъ съ островъ сосѣдственныхъ младыхъ дѣвицъ, учинившихся подобно намъ жертвою вѣроломства мущинъ; и видѣли множество мимоѣдущихъ путешественниковъ, кои всѣ оказывали почтенiе къ нашему убѣжищу.

Въ нѣдрахъ невинности, въ союзѣ нѣжнаго дружества, жили мы довольно мирно и не ощущая нещастiй. Но гдѣ можетъ быть общество, въ коемъ бы какой нибудь членъ не развратился! *Сефилира* за два года уже начала убѣгать всѣхъ насъ, для того чтобы слѣдовать всюду за *Зебееѣю*,

бею, своею питомицею. Мы дѣлали ей въ томъ нѣжныя упреканія; но она отвѣтствовала намъ, что имѣетъ причину быть прилѣпленною къ младой особѣ, которую воспитала и отъ которой желаетъ получить полезные плоды.

Не имѣли мы причины подозрѣвать о родѣ упоминаемыхъ ею плодовъ, и не прежде, какъ два мѣсяца спустивъ послѣ того, оные открылись. По случаю произшествія чрезвычайнаго, но естественнаго, *Зебея*, достигнувъ двѣнатцатилѣтняго возрасту, вдругъ превратилась въ мущину (*). Странность эта была отъ насъ сокрыта, и дружество *Зеби* съ *Сефилирою* премѣнилось въ любовь. Чрезъ два мѣсяца напослѣдокъ, когда *Сефилирѣ* слѣдовало присутствовать въ нѣкоторой церемоніи, показалась намъ оная въ состояніи совсѣмъ необыкновенномъ для нашего острова. Мы не безъ причины судили, что она вскорѣ учинится ма-

 терью.

(*) Это значитъ, что *Зебея* никогда не бывала дѣвочкою.

Между примѣрами, упоминаемыми многими Авторами, есть одинъ, что младая пастушка, желая перепрыгнуть чрезъ ручей, очутилась мущиною. Съ того времени дѣвицы въ той странѣ безпрестанно прыгаютъ,

терью. Чтобъ исполнить разумъ законовъ, взяли ее подъ стражу и посадили въ оковы. Въ тотъ же часъ хотѣли взять и *Зебею*: но любовница его тому возпрепятствовала; она открыла о произшествіи, за два года предъ тѣмъ случившемся, и признала одну себя виновною. Она примолвила къ тому, что мы не имѣемъ въ разсужденіи сего законоположенія на мущинъ. Она открыла также, что за полтора года предъ тѣмъ, жители острова Алхерія пріѣзжали освѣдомляться, не опустился ли орелъ на нашъ островъ съ младенцемъ, похищеннымъ у нихъ въ тотъ самый часъ, когда посвящали его въ первой разъ *Лунѣ*. Въ этотъ день, продолжала она, была я начальницею стражи у морской пристани; я обманула обывателей Алхерскихъ и не сказала имъ ни слова о моемъ любовникѣ. По чему несправедливо вамъ наказать его за мое собственное преступленіе. Казните меня, я согласна и подвергаюсь силѣ закона весьма строгаго; но не препятствуйте моему любовнику шествовать повергнуться въ объятія ищущихъ его родственниковъ. *Зебей* при словѣ этомъ, не взирая на наши препятствія, бѣжитъ и объемлетъ свою *Сефилиру*: онъ не хочетъ разлучиться съ нею, и предпріемлетъ защищать ее; онъ ищетъ меча, чтобъ пронзить себя предъ нашими глазами....

Но вскорѣ успокоившись нѣсколько, вопрошаетъ только о томъ, какая участь будетъ его любовницы. Отвѣтствуютъ ему, что дожидаются разрѣшенія ея отъ бремени, а по томъ предана будетъ огню. Казалось, что отвѣтъ таковый уменьшилъ его печаль. Онъ получилъ позволеніе оставить нашъ островъ; и въ тотъ же день сѣвъ въ ладью, сокрылся изъ глазъ за морскими валами. Между тѣмъ время истекаетъ; *Сефилира* въ народной нашей темницѣ разрѣшилась дочерью. Младенецъ сей будетъ воспитанъ млекомъ домашнихъ животныхъ; а родительница его въ самый нынѣшній день конечно выведена будетъ на долину, и безъ сомнѣнія ввергнута въ костеръ, которой вы видите: вонъ - - - тамъ уже приготовленъ. — „

Таковымъ образомъ *Барэана* окончила свое повѣствованіе. Но едва только престала она говорить, вдругъ со стороны моря приносятъ зефиры согласные звуки пріятнѣйшей музыки: оные проливаются съ трехъ судовъ, приближающихся къ пристани. Парусы на оныхъ были изъ разноцвѣтныхъ и дорогихъ шелковыхъ тканей: цѣпи художественныхъ цвѣтовъ оплетали веревки и снасти, и фестонами висѣли по краямъ судовъ. Выходитъ съ оныхъ толпа младыхъ веселыхъ мущинъ, одѣтыхъ щегольски,

ски, въ шляпахъ съ разноцвѣтными перьями, и опоясанныхъ перевязьми изъ натуральныхъ цвѣтовъ. Въ рукахъ ихъ видимы толстыя шелковыя верви, навитыя на прутки изъ золотой проволоки.

Изумленная *Барзана* шествуетъ предстать сему щеголеватому воинству. Откуду вы пришли? произноситъ оная съ важностію. Какое ваше намѣреніе, и чего вы отъ насъ требуете? - - - Но что я зрю! какая дерзость! праведные боги! не обманываютъ ли меня глаза мои? Какъ! и вѣроломный *Церисанъ* среди васъ? Не думаетъ ли онъ —— —— одинъ пригожій мущина не допустилъ ее окончать; оный выступаетъ изъ средины своихъ товарищей: такъ, отвѣчаетъ онъ, вы зрите здѣсь сего казни достойнаго *Церисана*, которой васъ любилъ, который объ васъ только помышлялъ и наконецъ васъ обманулъ; который васъ мучилъ и оставилъ *для другой*: но вы видите меня въ сопутствованіи шести сотъ товарищей, подобно мнѣ виновныхъ. Огнь молодости насъ развратилъ, обычаи насъ прельстили и примѣры насъ погубили: но естьли глупость повергла насъ въ заблужденіе, возвращенный разумъ приводитъ насъ къ ногамъ вашимъ. Увѣдавъ отъ юнаго *Зебся*, прибывшаго съ нами, объ вашемъ убѣжищѣ, объ вашихъ именахъ, образѣ мыслей,

лей и высотѣ вашихъ стѣнъ, приходимъ мы освободить нашихъ любовницъ, и требовать себѣ оковъ отъ тѣхъ красавицъ, коихъ власть надъ сердцами нашими мы было свергли. Насъ препровождаетъ сюда великій первосвященникъ *Луны*, которой имѣетъ соединить насъ неразрывными узами брака. Мы предстанемъ предъ врата вашей крѣпости: естьли вы оныхъ не отворите, когда будете противиться, мы возмемъ приступомъ. Таково, моя дражайшая *Барэана*, наше намѣреніе: позабудемъ прошедшее; простите чистосердечному раскаянію; мы составимъ чрезъ то навѣкъ всеобщее блаженство.

Слова *Церисановы* привели душу этой ратницы въ чрезмѣрное смятеніе; она не нашла, что отвѣтствовать, естьли бы услышанной на башнѣ бой барабанный не помогъ ей вытти изъ замѣшательства. Меня призываютъ къ моему мѣсту, сказала она, и я бѣгу къ моей должности. Сказавъ это, она удалилась, стараясь изъяснить въ послѣднемъ своемъ взглядѣ ту суровость, которой не было уже въ ея сердцѣ. —

Славорадъ взиралъ съ удовольствіемъ на сихъ прекрасныхъ молодцовъ, и увѣдомилъ ихъ, что готовятся сжечь *Сефилиру*. Уже съ холма, на которомъ они находились, во внутренности островской ограды на долинѣ,

 вид-

видно было около костра дровъ нѣсколько дѣвицъ съ зажженными пламенниками. О друзья мои! вскричалъ *Зебей*, естьли мы опоздаемъ! естьли сіи безчеловѣчныя - - - поспѣшимъ, не будемъ тратить минуты! Онъ сказалъ, и бѣжалъ подобно летящей птицѣ; всѣ за нимъ слѣдовали, и очутились у городскихъ воротъ.

Хотя стража, извѣщанная *Барзаною*, не соглашалась оныя отворить, и отвѣтствовала своимъ любовникамъ токмо угрозами: уже осаждатели начали приступъ, употребляя къ тому веревочныя лѣсницы, въ рукахъ ихъ находящіяся; однако Сенатъ Амазонской, собравшійся втайнѣ на башнѣ, вдругъ повелѣлъ бить сдачу, и ворота отворили. Осталось только призвать первосвященника; оный появился, и принявъ начальство, повелъ любовниковъ въ крѣпость, которые съ первымъ шагомъ бросились къ ногамъ, каждой къ своей милой. Всѣ они обвѣнчаны были у самаго того костра, въ коемъ опредѣлено было сожечь *Сефилиру*.

Славорадъ и сопутники его присутствовали при семъ торжественномъ обрядѣ. Между тѣмъ *Свѣтана* оставалась только съ жрецомъ и нѣсколькими служителями. Они усмотрѣли въ окна иностранную лодку, приближающуюся къ острову, изъ котораго казалось, что мѣстоположеніе разсматриваютъ.

Пре-

Престарѣлый *Зоврат* взялъ свои очки, и примѣтилъ въ числѣ людей, стоявшихъ въ лодкѣ, нѣсколькихъ Славянъ, которыхъ призналъ за друзей *Гиразовыхъ*. Вашъ супругъ, сказалъ онъ Княгинѣ, вскорѣ будетъ имѣть удовольствіе сразиться съ своимъ непріятелемъ. Ахъ! что ты говоришь! вскричала со ужасомъ *Свѣтана*. *Зоврат* объяснилъ ей то, что онъ примѣтилъ. Лодка сія, продолжалъ онъ, не могла одна заплыть въ моря сіи; безъ сомнѣнія корабль *Гиразовъ* отсюда не въ дальности. Всякой разумной человѣкъ, просвѣтившійся опытностію, имѣетъ прозорливость въ нѣкія дѣйствія, и можетъ предсказывать послѣдствія: это волшебство несомнѣнное, и *Зоврат* разумѣлъ оное совершенно. — Бѣгите, какъ можно скорѣе, бѣгите внутрь острова! вскричала *Свѣтана*; я имѣю весьма сильныя причины предварить сраженіе *Гираза* съ моимъ супругомъ. Храните тайну о приближеніи сей лодки! Между тѣмъ какъ оная пристанетъ къ этому острову, или можетъ быть возвратится къ кораблю своему, нужно необходимо намъ отсюда уѣхать.

По сему повелѣнію ея *Славорадъ* былъ извѣщенъ: ему, равно какъ и *Вратобору*, показалось очень странно, что она столь неотступно убѣждала оставить то убѣжище, въ которомъ едва только успѣла разрѣшиться

ея отъ своего бремяни. Имъ очень хотѣлось повеселиться ввечеру на праздновані всеобщемъ браковъ: но ничто не могло удержать *Свѣтану*; ей всегда казалось, что *Гиразъ* питаетъ къ ней свою преступническую любовь, что онъ умертвитъ ея супруга, что поразитъ и ее самую, не познавъ страшнаго таинства, хранимаго ихъ родителемъ. Опасность ея придала ей бодрость и силы: она перешла на корабль, и не преставала докучать *Славораду* до самыхъ тѣхъ поръ, какъ подняли парусы и отплыли.

Путь направленъ былъ къ югу, и попутный вѣтръ учинилъ, что въ скоромъ времени островъ дѣвицъ остался въ великомъ отдаленіи: но *Свѣтанѣ* казалось, что еще не довольно скоро плыли. Я до тѣхъ поръ не буду спокойна, говорила она своему супругу, пока достигнемъ самыхъ крайнихъ морей Африканскихъ. Таковый ужасъ *Свѣтанинъ* непрестанно изумлялъ *Славорада*, и тщетно старался онъ познать его причину. Дабы успокоить его въ разсужденіи сего, *Свѣтана* сказала ему въ нѣкоторой день, что сновидѣнія грозили ей испытаніемъ величайшихъ бѣдствій въ тѣхъ моряхъ, въ которыхъ они еще находятся. *Зоратъ* представилъ ей, сколько страхъ ея имѣетъ въ себѣ мало основательнаго. На-

ши

ши сны, говорилъ онъ, не суть извѣщенія о предбудущемъ, низпосылаемыя намъ Всевышнею властію. Память наша во время усыпленія представляетъ нашему воображенію тѣ предметы, о которыхъ помышляли мы бодрствуя: воображеніе наше оныя заимствуетъ; оное дѣйствуетъ, производитъ связи и представляетъ намъ явленія пріятныя, либо горестныя. Но для возбужденія сихъ чувствованій, самое воображеніе наше заимствуетъ къ тому средства изъ физической связи нашего тѣла. Когда желудокъ нашъ варитъ не по надлежащему; естьли лежимъ мы на лѣвомъ боку, въ которомъ сердце, и препятствуемъ тѣмъ свободному обращенію крови; естьли мы наконецъ отягощены какимъ нибудь чувствительнымъ нещастіемъ, или болѣзнію: безъ сомнѣнія видимъ мы тогда худые сны. Напротивъ, когда мы наслаждаемся здоровьемъ; естьли чувства наши спокойны; естьли утѣхи, или надежда, наносятъ намъ пріятный сонъ, тогда и сновидѣнія всегда для насъ лестны: мореходецъ достигаетъ въ пристань; военачальникъ выигрываетъ сраженія; высокомѣрный учиняется Королемъ, и любовникъ обрѣтаетъ себя въ объятіяхъ своей любовницы. — Однако, разсужденія таковыя не успокоивали *Свѣтану*; она продолжала оказывать свой ужасъ.

Вы худо сдѣлали, сказалъ шутливой *Вратоборъ Зоврату*, что отплыли изъ острова дѣвицъ, не взявъ надлежащихъ мѣръ. Мы выѣхали изъ страны, наполненной волшебницами; а вы никого изъ насъ не поощрили вопросить у нихъ о будущей нашей участи: вамъ не меньше моего извѣстно, что имъ стоитъ только похотѣть, то однимъ махомъ своей палочки могутъ они возвратить насъ, откуда бы ни было. Слова сего весельчака произвели смѣхъ во всѣхъ слушателяхъ; при чемъ важный *Зовратъ* не пропустилъ сказать, что существованіе волшебницъ и духовъ имъ подвластныхъ имѣетъ свое основаніе въ одномъ только мозгѣ старухъ и малыхъ дѣтей. —— Я не больше легковѣренъ, отвѣчалъ *Вратоборъ*, сколько лишь быть позволено: вы позволите мнѣ во всякое время по крайней мѣрѣ имѣть подозрѣніе о нѣкоторыхъ чудесностяхъ, произведенныхъ ихъ властію. Близь Албинали, на примѣръ, находятся остатки прекраснаго истукана, который служитъ яснымъ доводомъ ихъ чрезъестественной силы. Между тѣмъ, какъ имѣемъ мы свободное теперь время, должно, чтобъ разсказалъ я вамъ объ этомъ повѣсть: которую однако, естьли будетъ вамъ угодно, я ни кому не мѣшаю принимать за басню. Всѣ на это согласились, и онъ началъ:

———

ВЕЧЕРЪ LI.

Добро во зло употребленное.

СКАЗКА.

На вершинѣ горъ Кавказскихъ, возвышающейся сверьхъ предѣловъ облаковъ громоносныхъ, которая такъ, казалось, увѣнчивала землю и подпирала небеса, вся Азія издавна видитъ великолѣпное явленіе очарованныхъ палатъ: оныя составляютъ достойное жилище *Добрады*. Сія волшебница, любви достойная, помогающая и благодѣтельная, не употребляетъ своей обширной власти надъ самыми сильнѣйшими духами на иное, кромѣ того, чтобъ украшать природу, помогать гонимымъ и подкрѣплять нещастныхъ. Въ сопровожденіи прекраснѣйшихъ Принцессъ видаютъ ее прогуливающуюся въ пріятнѣйшихъ садахъ, съ волшебною ея палочкою. Оттуда отправляетъ она во всѣ части свѣта малыхъ духовъ, хранящихъ участи человѣческія, Зефировъ и Купидоновъ: отвращаетъ въ необитаемыя пустыни грады и бури: посылаетъ свѣтъ разума въ души владѣтелей, и покорность въ души ихъ народу.

Прі-

Пріятныя черты сея волшебницы казались быть обыкновеннымЪ жилищемЪ спокойствія и веселости. Но вЪ нѣкоторой день покрылись оныя облаками мрачными безпокойства и печали. Весь дворЪ ея пришелЪ отЪ того вЪ замѣшательство; всякЪ наперехватЪ старался вопрошать о причинѣ ея огорченія. Вчерашній день, отвѣчала она сЪ ласковостію, ожидала я возвращенія моего племянника, котораго люблю, однакожь поднесь онаго не вижу. ВамЪ извѣстно, что онЪ сЪ самаго его младенчества препорученЪ мнѣ его родительницею. Оный довольно соотвѣтствовалЪ стараніямЪ моимЪ обЪ его воспитаніи, но власть моя не простирается до перемѣны органовЪ тѣлесныхЪ и характера. *БетаэадирЪ*, сей сынЪ сестры моей, легкомысленЪ, золЪ, запрометчивЪ и непокорливЪ. СтавЪ нечувствителенЪ кЪ вашимЪ прелестямЪ, кои могли бы удержать его при мнѣ, ему захотѣлось путешествовать. Я не осмѣлилась сообщить ему ни малой части моего знанія; но онЪ меня обманулЪ. Снабдѣнный таковою помощію, влекомый порочными своими склонностьми и худыми примѣрами, погибнетЪ онЪ всеконечно. - - - Прервали рѣчь волшебницыну для показанія ей вдали пыли, крутящейся отЪ вихря и вздымающейся до облаковЪ. . . - АхЪ, мои милыя! вскричала

она съ живостію и присоединивъ къ усмѣшкѣ появившіяся въ очахъ слезы; это *Бетазадиръ*! такъ! это его колесница изъ жемчужныхъ раковинъ, запряженная десятью оленями, которые везутъ оную къ намъ! Вотъ и вѣтры быстрые, коихъ я, обративъ въ человѣческій видъ, учинила его спутниками. Едва она успѣла это вымолвить, какъ вся сія почта скакала уже на гору, и очутилась у крыльца дворца волшебницына. Неутомимой этотъ гонецъ выскочилъ изъ колесницы и вошелъ во внутрь покоевъ.

Доброе утро! сказалъ онъ однимъ словомъ всѣмъ наотрѣзъ. Велите моихъ оленей поставить въ ихъ конюшню изъ гебанова дерева, дать имъ едредону и самаго лучшаго сорочинскаго пшена. Отнесите мои бумаги въ кабинетъ изъ слоновой кости, и велите прежде всего зажечь всѣ курительницы въ моихъ комнатахъ. Тетка его встрѣтила; онъ холодно поцаловалъ ея руку, усмѣхнулся слегка, взглянувъ на девятнатцать окружившихъ его Принцессъ, и испустилъ тяжкой вздохъ. Онъ потащился въ своихъ дорожныхъ запачканныхъ грязью сапогахъ по поламъ, наклѣеннымъ самымъ рѣдкимъ и драгоцѣннымъ Африканскимъ деревомъ. Достигъ до приготовленнаго ему покоя, и тотчасъ растянулся на софѣ, сдѣланной изъ коралловъ и дорогаго штофу.

Стащили съ него одинъ сапогъ, и комнатный его служитель подавалъ ему чай въ лаловой чашкѣ. —— Сколько я нещастенъ! вскричалъ онъ, вскочивши вдругъ съ софы и опрокинувъ нѣсколько курильницъ; сколько я нещастливъ, что меня такъ презираютъ! —— Милостивой государь! вашъ чай . . . . *Абенза*! жестокая *Абенза*! —— Вашъ сапогъ, милостивой государь, говорилъ съ подобострастіемъ другой служитель —— Но онъ, не слушая ничего, ходилъ взадъ и впередъ большими шагами, почти ничего не видя, слушая еще меньше, давая толчки на обѣ стороны встрѣчающимся оставшимъ на немъ сапогомъ, и продолжая вскрикивать: *Абенза*! — Побѣжали увѣдомить волшебницу объ его опасномъ состояніи: оная съ робостію пришла въ комнату изъ слоновой кости, и глаза ея удостовѣрились въ истиннѣ донесеннаго.

Присутствіе тетки возвратило племяннику употребленіе чувствъ: но онъ получилъ ихъ лишь для того, чтобъ сильнѣе ощутить все пространство своего нещастія. Ахъ, милостивая государыня тетушка! сказалъ онъ бросившись опять на софу: вы видите нещастнаго, коему пожаловали нѣсколько даровъ достойныхъ смѣху, но гораздо бы лучше сдѣлали, когда бы дали ему одно только дарованіе нравиться. Вы думае-

маете, что я очень одолженъ вами тѣмъ, что выученъ рубиться на сабляхъ, бросать искусно копьемъ и болтать на разныхъ языкахъ: вамъ угодно было еще далѣе терять мое время, уча меня защищать и брать крѣпости, познавать пользы Дворовъ разныхъ Государей, составлять въ мысляхъ республики и прочіе ребячьи вздоры! Клянусь вамъ самымъ верьховнымъ Духомъ, что гораздо бы полезнѣе было выучить меня пріятному обращенію и всего больше танцованію. Не стыдъ ли намъ обоимъ, что я по сѣхъ поръ не умѣю ни ходить ни прыгать по музыкѣ? Не умѣю играть ни на какомъ орудіи, едва ли могу сочинить одну строфу пѣсенки, не имѣю ни малаго понятія выбрать себѣ платье по вкусу; и со всемъ тѣмъ столько денегъ, столько сокровищь, что врядъ ли дойдетъ нужда занимать! Признайтесь сударыня, что участь моя весьма достойна сожалѣнія. Развѣ тѣми вашими столько выхваляемыми дарованіями могу я пріобрѣтать со всѣхъ сторонъ исканія и рукоплесканія? Развѣ моимъ видомъ и моею ученостію могу я кружить головы всѣмъ Принцессамъ? Конечно сударыня, нынѣ въ противномъ случаѣ владѣлъ бы я уже сердцемъ прекраснѣйшей изъ смертныхъ; наслѣдовалъ бы Султану Албинальскому, и съ радостію забылъ бы васъ во

объ-

объятіяхъ его дочери, созданной для затмѣнія всѣхъ волшебницъ на свѣтѣ. Однако, чтожь бы вы думали со мною случилось? Жестокая *Абенза* противу намѣренія родятеля своего противится моимъ достоинствамъ и насмѣхается мною. Негодной вельможишко, у котораго нѣтъ и на десять верстъ владѣнія, готовъ оную похитить у великолѣпнаго вашего родственника. О боги! сколь велико мое злочастіе! Адскія мученія терзаютъ мое сердце. Въ преодолѣвающемъ меня гнѣвѣ, я съ удовольствіемъ переломаю здѣсь все, что ни попадется мнѣ на глаза. - - - - Но что я говорю? вы будете лишь мнѣ смѣяться, и ваша проклятая палочка, понять не могу для чего, произведетъ вновь все, и стократно больше, нежели бы я могъ разрушить.

Хотя *Добрада* была безъ всякаго спору самая благоразумнѣйшая изъ волшебницъ, не могла однако безъ досады слушать силу краснорѣчія *Бетазадирова*. Рѣшилась было она повытянуть ему уши вершка на три вверьхъ, и припрячь въ порядокъ болвановъ, украшающихъ садъ ея: но вскорѣ гласъ крови преодолѣлъ праведный гнѣвъ ея. — Все, что могу я сдѣлать лучшаго послѣ вашихъ прекрасныхъ разговоровъ, отвѣчала она, состоитъ въ томъ, чтобъ васъ простить; потому что разсудку должно иногда

гда извинять безпорядочныя дѣйствія крайнихъ страстей. Между тѣмъ очень полезно вамъ уменьшить ваши и тѣмъ постараться предварить, чтобъ ваше безразсудство не навлекло вамъ печалей чувствительнѣйшихъ, нежели вы въ каковой находитесь. Солнце уже закатилось; я оставляю васъ вашимъ разсужденіямъ, и запрещаю вамъ отвѣтствовать мнѣ до завтра. Пора вамъ ложиться спать, и уповаю, что сонъ безъ сомнѣнія успокоитъ ваши чувства, такъ что проснувшись познаете вы свои глупости.

Сказавъ это, волшебница вышла. *Бетазадиръ* хотѣлъ ей возражать, но языкъ его учинился ему непослушенъ: оный могъ только кой-какъ лепетать имя *Абензы*. Его раздѣли и насильно положили въ постель, набитую пухомъ розоваго цвѣту, нащипаннымъ съ осторожностію изъ крыльевъ Зефировъ.

Поутру, лишь только стало развѣтать, *Бетазадиръ* проснулся, спавши очень мало, и, какъ ему представлялось, на голыхъ каменяхъ: между тѣмъ безпокойство его гораздо утишилось, и онъ нашелъ языкъ свой разрѣшеннымъ. По сдѣланіи здравыхъ разсужденій имѣлъ онъ смѣлость признаться самъ себѣ, что онъ весьма мало пощадилъ во вчерашнихъ разговорахъ свою тетушку. Это было самое то мгновеніе ока, кото-

раго волшебница по видимому ожидала: она уже вошла, отдернула занавѣсъ его постели, сѣла близъ его и приняла чистосердечное раскаяніе въ винѣ его. Я отдала уже приказанія, сказала она, постараться о томъ, чемъ бы можно разсѣять страсть, которая имѣетъ учинить васъ очень нещастнымъ: но прежде всего, любезной племянникъ, постараемся о завтрикѣ.

Между тѣмъ, какъ на *Бетазадира* надѣвали халатъ, *Добрада* махновеніемъ волшебной палочки разверзла потолокъ въ его спальнѣ: въ оный увидѣли опускающійся золотый столъ, окружаемый полунагими Сильфидами. На столѣономъ кофе Мокской, лучшій шоколадъ и чай Ханскій, кипѣли въ алмазныхъ сосудахъ. Попеременно изъ драгоцѣнныхъ курильницъ исходящія отборныя ароматы наполняли воздухъ благовоніемъ. Горячее пріуготовлено было для племянника; но очищенныя чувства *Добрады* подкрѣплялись однимъ только дымомъ.

Тетушка сударыня! сказалъ ей *Бетазадиръ*, вы показали мнѣ самыхъ прекрасныхъ особъ; онѣ мнѣ нравятся во сто разъ лучше того шоколаду, которой онѣ мнѣ наливаютъ. Однакожь извините, естьли скажу чисточердечно, что всѣ сіи Сильфиды вообще не стоятъ мизинца Принцессы *Абензы*. — Таковое не къ мѣсту сказанное признаніе при-

привело присутствующихъ въ замѣшательство; волшебница подавила крѣпко ногу своему племяннику, которой, не понявъ сего знака, закричалъ и осердился. По щастію звукъ дватцати охотничьихъ роговъ, раздавшійся вдали, кончилъ ссору. Это была охота, пріуготовленная предъ окнами *Бетозадировыми* по старанію волшебницыну. Сильфиды съ столомъ своимъ улетѣли на воздухъ, и потолокъ закрылся. Между тѣмъ появились три Гнома (*), обремененные оружіемъ всякаго роду, и три поставца изъ душистаго дерева, наполненные рознымъ охотничьимъ платьемъ, самымъ легкимъ и щеголеватымъ.

Гномы вмигъ одѣли *Добраду* и ея племянника, и вооружили на легкую руку. У большихъ воротъ дворца *Добрадина* ожидали выѣзду ея тритцать Принцовъ и десять Принцессъ, сидящія на бѣлыхъ коняхъ; и сверьхъ того толпа Нимфъ, могущихъ бѣгать по

(*) Вообразительной силѣ стихотворцевъ угодно было всѣ элементы и естественныя произведенія заселить духами: таковымъ образомъ воды, лѣса, получили своихъ Нимфъ; Гномамъ досталось обитать подъ землею, а Сильфидамъ и Сильфамъ въ воздухѣ, и такъ далѣе.

по вершинкамЪ травЪ и прыгать сЪ цвѣтка на цвѣтокЪ, не придавливая оныхЪ кЪ землѣ.

ВыѣхалИ и направили путь вЪ глубину лѣсовЪ. Волшебница и *БетазадирЪ* шествовали напереди всѣхЪ на двухЪ единорогахЪ: убѣгающая дичина была возвращаема, летѣла и бѣжала прямо на нихЪ: пронзали даже подЪ облаками птицЪ; а звѣрей, сопротивляющихся, преодолѣвали храбростію и кЪ ногамЪ повергали. Вкусили увеселеніе, учиненное благороднымЪ чрезЪ опасность и увѣнчанное славою. Древеса при проѣздѣ *Добрады* уклонялись изЪ почтенія: но какЪ излишество вѣжливости не рѣдко бываетЪ вЪ тягость, то и случилось, что одна вѣтьвь, слишкомЪ нагнувшись, задѣла по лбу ея племянника. Оглушенной и уязвленной таковымЪ ударомЪ, онЪ зашатался, и произнося брань, полетѣлЪ на кучу камней, кои вскорѣ обагрились его кровію. Со всѣхЪ сторонЪ спѣшили кЪ нему на помощь: волшебница вырывается изЪ за тѣснящейся толпы, приближается кЪ умирающему, и однимЪ словомЪ, исцѣляетЪ вдругЪ всѣ его раны. Она старается поощрить его кЪ продолженію звѣроловства; но онЪ наскучивЪ отговаривается чувствованіемЪ боли. ОнЪ возвращается и кричитЪ, что близь *Абензы* никогда не встрѣчалось сЪ нимЪ подобнаго приключенія.

Ро-

Роскошный обѣдъ ожидалъ охотниковъ во дворцѣ *Добрадиномъ*; но среди толикихъ услажденій *Бетазадиръ* страдалъ и и воздыхалъ. Волшебница старалась занять его новымъ увеселеніемъ. Услышана была на воздухѣ музыка, предшествующая оперѣ: сторона зала, къ полю, вмигъ премѣняется въ обширныя врата. Являются въ отдаленности долины, лѣса, потоки водъ, облака движущіяся, сближающіяся и учреждающіяся сами собою, дабы составить для глазъ украшеніе естественное и чудесное. Посреди сего великолѣпнаго театра началось пѣніе разныхъ нещастныхъ любовниковъ, гонимыхъ завистью и покровительствуемыхъ богомъ нѣжностей. Они вздыхали, страдали, объяснялись, увѣряли, соглашались и участи ихъ обыкновенно имѣли щастливыя слѣдства. Тогда дальновидность на позорищѣ вновь премѣняется: огромныя палаты съ окрестностью своею спускаются съ воздуха, и учреждаясь въ порядокъ, представляютъ цвѣтники, рощицы и водометы. Все это закрываютъ по томъ спускающіяся облака, несущія на себѣ множество Геніевъ. Они согласнымъ своимъ пѣніемъ и своими легкими плясками торжествуютъ щастіе благополучныхъ любовниковъ, которые на розахъ безъ тернія и въ объятіяхъ нѣжности упояются чистѣйшею роскошью.

 Однако

Однако это новое стараніе *Добрады*, вмѣсто того, чтобъ развеселить *Бетзаэдира*, послужило лишь къ возмущенію его. Онъ завидовалъ щастію героевъ театральныхъ, и считалъ изобрѣтеніе позорища очень смѣшнымъ, что сіи люди вкушаютъ предъ глазами его тѣ утѣшенія, которыхъ онъ лишенъ. Волшебница читала мученія своего племянника въ глазахъ его: во мгновеніе ока на томъ же театрѣ возвышается зданіе огромное, утвержденное на трехъ стахъ столбовъ лазурнаго камня, и стоящее изъ блестящаго металлу, до коего лучи солнечные не могли касаться, не производя согласія, достойнаго боговъ. Внутренность онаго сверкала отъ огней самоцвѣтныхъ камней, кои между висящихъ цѣпей изъ цвѣтовъ отвращали свѣтъ, текущій изъ пяти сотъ свѣчниковъ, осыпанныхъ алмазами.

Переодѣнемся всѣ, сказала волшебница своимъ придворнымъ; составимъ пляски въ этомъ залѣ. Двадцать Аквилоновъ возвѣстятъ отъ меня Дворамъ всѣхъ Государей, что я даю мазкерадъ: они имѣютъ повелѣніе снабдить всѣхъ желающихъ насъ посѣтить крылатыми колесницами, и безъ сомнѣнія скоро доставятъ намъ гостей. При словѣ семъ вступаетъ въ залъ толпа исполиновъ, обремененныхъ мазкераднымъ платьемъ

емъ и личинами; разбираютъ у нихъ, и в якъ наряжается по своему вкусу предъ цѣльными зеркалами, имѣющими по десяти саженъ въ вышину. Печальный и задумчивый *Бетазадиръ* не хотѣлъ было въ томъ участвовать, какъ вдругъ входитъ ему въ мысль, что можетъ онъ въ числѣ гостей найти свою суровую Принцессу Албинальскую. Дабы понравиться единому предмету своихъ желаній, старается онъ нарядиться сколько возможно пріятнѣе. Въ семъ намѣреніи одѣвался и переодѣвался онъ тритцать разъ, и остался при прежнемъ охотничьемъ нарядѣ: онъ постарался только закрыть лице ларвою, чтобъ быть неузнаваему. Уборъ его еще не достигъ къ концу, какъ пляски давно уже начались и продолжались.

И готовясь и шествуя въ помянутое огромное зданіе, утѣшенъ былъ онъ дорогою довольно пріятнымъ зрѣлищемъ. Три колесницы, наполненныя прекраснѣйшими смертными, спустились вдругъ отъ трехъ частей свѣта. Слѣдующая изъ Африки съ лѣвой стороны везена была строусами: съ правой изъ Европы, сдѣланная на подобіе бабочки, имѣла въ запрягѣ своемъ орловъ: а прямо со стороны противу зала летѣвшія имѣли въ себѣ жителей островов извѣст-

ныхъ и еще не открытыхъ; привезены оныя были Финиксами и Грифами.

Вошедъ въ залъ, *Бетаэадиръ* весьма удивился, что всякъ его зналъ и называлъ по имени: онъ заключилъ, что причиною сего волшебство, и рѣшился снять свою мазку. Считая себя быть образцемъ достойнымъ подражанія, льстился онъ, что примѣру его послѣдуютъ: но всѣ мазки, казалось, что усугубили свое стараніе остаться неузнаваемыми. Досадуя, что никого узнать не можетъ, началъ онъ за всѣми гоняться, и думалъ, что учинитъ себя тѣмъ болѣе любви достойна. Между тѣмъ плясали, прохаживались и садились въ сердоликовыхъ переходахъ, окружающихъ залу; также со всѣхъ сторонъ облака безпрестанно приносили колесницы съ новыми гостьми.

Въ смѣшенной толпѣ мазкерада *Бетаэадиръ* искалъ глазами своими только одного предмету: ему надобна была *Абенза*, и онъ чаялъ находить ее во всѣхъ женщинахъ, которыхъ подозрѣвалъ быть прекрасными. Приведши наконецъ покушеніями и оказаннымъ презрѣніемъ многихъ въ смѣхъ, довольно нескромный; получивъ нѣсколько привѣтствій еще меньше для себя лестныхъ, чаялъ онъ, что видѣлъ свою пре-

кра-

красную *Абснзу*. Женщина, которой станъ и походка побудили его къ таковой догадкѣ, находилась одна и сидѣла на двумѣстномъ канапѣ, какъ бы нарочно въ углу стоящемъ и отъ другихъ въ удаленіи. Онъ съ живостію занялъ порожжее мѣсто, и напалъ на прекрасную скрытую подъ мазкою съ привѣтствіями самыми страстными. Слушали его со вниманіемъ; казалось, что онъ нравился: онъ утверждается во мнѣніи, что надлежитъ усугубить убѣжденія. Любовь учиняетъ его предпріимчивымъ: онъ покушается снять личину, скрывающую отъ глазъ его черты прелестнѣйшія во всей природѣ. - - - - Но сколь велико было его изумленіе и замѣшательство! Волшебница тешка его была то сама, и что она-то произвела въ немъ таковые восторги; онъ получилъ отъ нее замѣчанія и совѣты, кои выслушать до конца недостало его терпѣнія.

Изрядно сударыня! сказалъ онъ ей напослѣдокъ съ негодованіемъ, вы насказали мнѣ очень много чудеснаго: но это не составляетъ ничего, о чемъ бы продолжать споръ. Я чаялъ найти въ васъ Принцессу прекраснѣйшую на свѣтѣ; я ошибся, признаюсь, но это тѣмъ хуже для васъ: это очень ясно, что вамъ непріятенъ таковой лестной случай; а другая на вашемъ мѣстѣ оста-

осталася бы мнѣ благодарною. Позвольте мнѣ признаться въ томъ, что я думаю: съ женщинами никогда не узнаешь, какъ обходиться должно. Но сдѣлайте милость, любезная тетушка, оставимъ посторонніе вздоры, и поговоримъ о настоящемъ дѣлѣ. Принцесса *Абенза* всегда останется моимъ божествомъ: надобно мнѣ ее получить, или съ ума сойти; жертва таковая очень велика, чтобъ вамъ не должно было помыслить о поданіи мнѣ помощи, и дать мнѣ возторжествовать надъ неблагодарною. Вы стараетесь забавлять меня здѣсь прекраснѣйшими вещьми, кои однако наносятъ мнѣ скуку; вы напрасно все это затѣвали. Естьли я не съ ума сошелъ, то надлежитъ намъ лучше употребить наше время и вашу власть. Теперь возвращаюсь я къ тому, что сказано бы было мною вамъ вчера ввечеру, когда бы вы не сдѣлали языкъ мой недѣйствующимъ: я умоляю васъ дружествомъ, которое вы ко мнѣ имѣть должны; вашими прелестьми, которыхъ есть въ васъ довольно еще сильные остатки, и кои могутъ быть милы, когда лишь вамъ похочется всякому на свѣтѣ; повторяю, что я умоляю васъ имѣть жалость надъ моею печальною участью; и чтобъ премѣнить оную, прошу васъ уступить мнѣ на время часть вашей чертовской науки. ——

Какъ!

Какъ! чертовской? подхватила *Добрада* съ досадою; какая обида и какое невѣжество! Простительно только тебѣ одному не знать различія, находящагося между волшебницею и вѣдьмою: власть моя не имѣетъ ничего общаго съ злыми духами; я придерживаюсь товарищества начальствующихъ надъ духами благотворными, и не употребляю ихъ на иное, кромѣ покровительствованія добродѣтельныхъ и наказанія подобныхъ тебѣ. Сказавъ это, волшебница умолкла; а *Бетазадиръ* зарыдалъ, послѣ возвратился къ своей должности, говорилъ много, и какъ милой племянникъ, получилъ напослѣдокъ прощеніе и удовлетвореніе требованію.

Принцессы нѣтъ здѣсь, сказала *Добрада*; надлежитъ искать оную во дворцѣ ея родителя. Вотъ мое изумрудное ожерелье! это самый сильнѣйшій изъ талисмановъ; старайся *Бетазадиръ* не употребить его во зло: съ онымъ можешь достигнуть щастія и въ таковой страсти, которую бы надлежало истребить изъ своего сердца. Когда ты лѣвою рукою коснешься ожерелья, и поднявъ правую сдѣлаешь какое нибудь приказаніе, тотчасъ вся природа будетъ тебѣ повиноваться. Со всемъ тѣмъ власть таковая должна быть ограничена; оная не будетъ дѣйствовать въ угодность твою для при-

приключенія зла другому человѣку. . . . *Бетаэадиръ* перебилъ рѣчь ея, чтобъ доказать ей, что таковое изключеніе столькожь смѣшно, какъ и рабственно. — Эта часть власти моей, сказала волшебница, неминуемо требуетъ условій, о которыхъ я тебѣ упоминала; я жалѣю, что не могу васъ болѣе удовольствовать. Сверьхъ того, должно безпрестанно носить на себѣ это ожерелье, которое пожелаютъ можетъ быть у васъ похитить. Естьли ты просмотришь хотя минуту, въ тотъ мигъ онаго лишишся и утратишь навѣкъ сію чрезъестественную власть. Это опытъ, которой я на самой себѣ извѣдала, и къ которому, надѣюсь, что ты себя не допустишь. Но послушай *Бетаэадиръ*! надобно подумать, какъ бы носить тебѣ это ожерелье. — Куда какая диковинка! отвѣчалъ онъ, я повяжу его себѣ на шею. — Я ожидала сего отвѣту, сказала волшебница воздохнувъ; развѣ ты забылъ, что въ нашихъ странахъ мущины никогда не носятъ таковыхъ украшеній; всѣ захохочутъ, кой часъ увидятъ тебя въ этомъ нарядѣ. Послѣ того станутъ подозрѣвать, что это твой талисманъ, и могутъ очень скоро лишить тебя онаго. — Вотъ, это правда! подхватилъ осторожной племянникъ *Добрадинъ*; и мнѣ кажется, что вы въ первой разъ сказали разумно. Но послушай-

ше - - - такъ - - - это очень хорошо!...
вотъ - - - я заверну его въ сгибъ моего турбана: въ немъ будетъ оно лежать цѣлой день, а на ночь буду я повязывать его себѣ на шею. Теперь скажите, покорно прошу, что я тупъ въ разумѣ. — Но снабженный таковою властію (спросила *Добрада*), что намѣренъ ты вопервыхъ сдѣлать? — Что сдѣлать! послушайте: богатства, отпущенныя вами со мною въ путешествія, пріобрѣли мнѣ множество друзей при всѣхъ Дворахъ, которые я посѣтилъ. Равнымъ образомъ и при *Цешидовомъ* Султана Албинальскаго, я покровительствовалъ и дарилъ ученыхъ людей и художниковъ: съ которымъ нибудь изъ сихъ людей я объ закладъ бьюсь, что могу выдумать какую нибудь вещь удивительную. Между тѣмъ не для чего тратить времени; пожалуйте не нарушайте увеселенія всѣхъ этихъ глупыхъ головъ, здѣсь собранныхъ; а я, подобно молніи, полечу къ моему дѣлу. — Сказавъ это, *Ветазадиръ* касается лѣвою рукою ожерелья, поднимаетъ правую и улетаетъ въ сводъ, отверзтый мазкераднаго зала.

Онъ вскорѣ достигъ Дворца *Цешидова*. Ночь еще тамъ владычествовала. Въ одну минуту съ боку самыхъ палатъ Султанскихъ воздвигъ онъ себѣ огромный Дворецъ,

и при строеніи таковой громады работа происходила столько тихо, что не разбудили ни одной мыши. Съ равномѣрнымъ проворствомъ приказалъ онъ землѣ родить легіонъ воиновъ для стражи, и пять сотъ служителей, коимъ съ надменностію объявилъ, что онъ духъ *Бетазадиръ* и ихъ повелитель. Онъ отдалъ имъ приказы, и всякъ пошелъ къ своей должности, равно какъ бы уже дватцать лѣтъ служилъ во оной.

Послѣ таковыхъ трудовъ по порядку надлежало новому сему духу отдохнуть. Отнесли его на богатую постель, въ которой бывъ услажденъ надеждою, проспалъ онъ спокойно до самаго свѣту. Но едва только ночь уступила владычество свое дню, какъ пробужденъ былъ онъ безпорядочнымъ громомъ трубъ, литавръ и барабановъ. Жители Албинальскіе при взглядѣ на великолѣпный дворецъ, построенный съ полуночи, изъ котораго можно было камнемъ добросить въ палаты ихъ Султана, объяты были неописаннымъ ужасомъ: ударили тревогу, кричали къ ружью, и весь городъ сбѣгался.

Бетазадиръ мало безпокоился о семъ всеобщемъ смятеніи, которое посвящено было новой его власти и учиняло оную всему народу извѣстною. Онъ появился въ окнѣ: тотчасъ узнали въ немъ того иностранца, ко-

которой уже блисталъ богатствомъ при Дворѣ ихъ Государя. Онъ объявилъ тогда о себѣ народу, что онъ есть духъ первой степени, и приготовляется показать Албинальцамъ чудеса, несравненно превышающія построеніе сего Дворца изъ камней и марморовъ.

Султанъ *Цешидъ* съ удовольствіемъ узналъ о его прибытіи и его достоинствѣ. Весь Дворъ ожидалъ отъ него увеселеній и подарковъ. Но это возвращеніе несказанно опечалило *Абензу* и *Емира Овенсана*, милаго ея любовника. Въ самомъ дѣлѣ Султанъ, желавшій и прежде отдать дочь свою за *Бетазадира* единственно по тому, что имѣлъ оный безчисленныя богатства, еще болѣе утвердился въ своемъ намѣреніи, при видѣ таковой власти мнимаго духа. *Бетазадиръ* съ своей стороны не упускалъ ничего, чемъ могъ его къ тому подвигнуть, также ослѣпить и прельстить Принцессу. Онъ дѣлалъ ей великолѣпные подарки, коихъ она не принимала, и которые остались въ рукахъ ея придворныхъ госпожъ. Онъ водилъ ее прогуливаться въ прекраснѣйшихъ садахъ, раждающихся вокругъ ея; но она не говорила ни слова, и мучилась зевотою. Онъ потчивалъ ее вкуснѣйшимъ мороженымъ, которое подносили Купидоны, выскакивающіе

щіе изъ горшковъ съ цвѣтами; но она опрокидывала чашки, и забавлялась даваніемъ имъ пощечинъ и толчковъ. *Бетазадиръ* хохоталъ тому изъ всѣхъ силъ своихъ; и говорилъ своей любовницѣ, что онъ завидуетъ участи Купидоновъ. Однакожъ по щастію удалось и ему кисѣль кушать, чемъ былъ онъ чрезвычайно доволенъ.

Это обыкновенно случалось въ тѣ минуты, когда *Абенза* наморщивала лобъ предъ господиномъ духомъ. *Бетазадиръ* привыкъ тогда оглядываться по сторонамъ, и обыкновенно усматривалъ идущаго *Овенсана*. Между тѣмъ этотъ соперникъ не любилъ гоняться по слѣдамъ его; Принцесса запретила ему то для избѣжанія шуму, и чтобъ не предоставить его мщенію сильнаго *Бетазадира*. Она не вѣдала того, что мнимый духъ только тщетно можетъ покушаться оказывать вредъ ему.

Наскучивая видѣть всѣ свои попеченія тщетными у *Абензы*, запирался онъ иногда въ домѣ своемъ съ людьми учеными и отличными художниками. Пейте, ѣште! говорилъ онъ имъ; берите денегъ, сколько вамъ надобно, и лишь подавайте мнѣ добрые совѣты. Но не рѣдко испытывалъ онъ, что и съ великими деньгами можно имѣть въ томъ недостатокъ. Онъ взялъ тогда

прибѣ-

прибѣжище къ новымъ щегольствамъ. Въ одинъ прекрасный вечеръ вздумалъ онъ дашь огненную потѣху своей несклонной.

Предъ окнами Принцессы появилось озеро; въ срединѣ онаго находился островъ, на которомъ возвышалась гора, окруженная тритцатью замками. Вскорѣ увидѣли спускающійся съ неба на верьхъ горы огненный шаръ. Этотъ шаръ лопнулъ, и выпустилъ изъ себя двухъ особъ вооруженныхъ факалами, представляющихъ Несогласіе и Войну. Онѣ полетѣли съ быстростію въ право и на лѣво на крѣпости, и покрыли ихъ искрами изъ своихъ факаловъ. Тогда тысячи огненныхъ ядръ большихъ и малыхъ съ громомъ и трескомъ полетѣли кверху, упадали въ противулежащія крѣпости; что составило огненную дугу, которая, поминутно перемѣняя цвѣты свои и положеніе, представляла различныя явленія, часъ отчасу пріятнѣйшія. Мореходное ополченіе показалось на озерѣ; окружило островъ и начало съ таковымъ же громомъ и огнемъ нападать вдругъ на всѣ крѣпости. Изъ оныхъ отвѣчали съ новымъ усиліемъ, между тѣмъ какъ гора превращалась въ огнедышущую. Мгновенно изъ нѣдръ ея истекаетъ лава красная и кипящая, которая покрываетъ землю и испускаетъ искры блестящія, возлетающія до небесъ. Атмосфера казалась загорѣвшею-

ся, какъ вдругъ на лазуревомъ шарѣ возблистали Согласіе и Миръ. Они бросили въ огнь масличныя вѣтьви, и мгновенно за тѣмъ разрушились и взлетѣли на воздухъ корабли, замки и гора.

Позорище это сопровождаемо было рукоплесканіями; но крикъ, послышанной изъ покоевъ Принцессиныхъ, вскорѣ онымъ помѣшалъ. Одна ракета влетѣла въ окно, оная заскочила въ рукавъ къ *Бетазадиру*, и не взирая на попеченіе о помощи, обожгла ему локти. Онъ забылъ призвать на помощь самъ свою власть; но когда и вошло ему на умъ, не могъ онъ поднять рукъ для сдѣланія надлежащихъ движеній. Надлежало ему прибѣгнуть къ тамошнимъ лѣкарямъ. Дворъ чрезмѣрно былъ тѣмъ удивленъ и получилъ сильное сомнѣніе о свойствѣ таковаго духа. Но сколько умножилось его смятеніе, когда по принесеніи его на постелю хотѣли снять съ него турбанъ и надѣть колпакъ! Онъ употребилъ чрезмѣрныя усилія и самыя страшныя угрозы для остановленія неблаговременнаго усердія своихъ служителей.

Овенсанъ, пользуясь его болѣзнію, видался очень часто съ Принцессою. Онъ просилъ у ней позволенія итти напасть на духа, которой не могъ предохранить, ни исцѣлить собственныхъ локтей своихъ. Я имѣю

ща-

щастіе, продолжалъ онъ, служить государству и защищать оное. Моя рука, поражавшая на десяти сраженіяхъ вашихъ непріятелей, не можетъ васъ оставить на волю дурака. Но благоразумная *Абенза* удержала своего любовника, и заплатила ему нѣжными ласками за послушность ей и въ семъ случаѣ,

Между тѣмъ, какъ злословіе производитъ всегда великія утѣхи при Дворахъ Султанскихъ, *Бетазадиръ* съ своей стороны утратилъ очень много довѣренности къ себѣ при Албинальскомъ. Однакожъ онъ узналъ по крайней мѣрѣ, что *Цешидъ* удаленъ отъ того, чтобъ пожертвовать имъ его совмѣстнику, и напослѣдокъ получилъ употребленіе своихъ рукъ.

ВЕЧЕРЪ LII.

Бетазадиръ вышелъ въ тотъ же день. Первые шаги его направлены были въ садъ Султанскій. Но какіе предметы поразили тогда его зрѣніе! Въ тѣни нѣсколькихъ пальмъ, и на муравѣ, усѣянной фіолями, усмотрѣлъ онъ издали *Овенсана* у ногъ *Абензиныхъ*. Казалось, что онъ смотрѣлъ на нее взорами

 стра-

страстными, и продолжалъ разговоръ еще нѣжнѣйшій, нежели самые его взгляды. *Овенсанъ* убѣждалъ, *Абенза* защищалась; но видимо было, что вскорѣ уступитъ убѣжденіямъ. *Бетазадиръ* тотчасъ взялъ свои мѣры. Хотя словъ его и не было слышно, но онъ дѣлалъ движеніе руками, и приказывалъ *Эмиру* превратиться въ медвѣдя. Но чтожъ случилось? *Овенсанъ* не перемѣнялъ своего виду, и казался еще болѣе неотвязчивъ. — Проклятая волшебница! вскричалъ *Бетазадиръ*, и такъ это правда, что я не могу никому вредить! Но мнѣ нѣтъ до того нужды; я хочу на зло тебѣ, чтобъ онъ превратился. Едва онъ это выговорилъ, какъ Принцесса вмѣсто своего любовника увидѣла предъ собою прекраснѣйшаго изъ Купидоновъ. Ахъ! какое щастіе! сказала она; и тотчасъ, можетъ быть безъ намѣренія, обняла съ живостію сего маленькаго бога любви. *Бетазадиръ* прибѣжалъ съ громкимъ крикомъ, изумилъ *Абензу*, и самымъ тѣмъ возвратилъ *Эмиру* прежній его образъ.

Любовники безчеловѣчные! сказалъ онъ имъ по томъ со слезами; лютые для меня предметы! вы хочете смерти *Бетазадировой*! — Мы никакому духу не можемъ желать смерти, отвѣчалъ *Эмиръ* усмѣхнувшись; мы стараемся только сами жить въ нѣдрахъ утѣхъ, кои намъ представляются.

Вы

Вы убавите мнѣ торжества, сказалъ *Бетазадиръ*, когда вспомните, что я однимъ моимъ взглядомъ властенъ васъ наказать. -- Я помню лишь объ томъ, подхватилъ *Овенсанъ*, что въ сію же минуту ты струсишь. Ступай сей часъ на сабляхъ! рѣшимъ здѣсь, кто изъ насъ умнѣе. Мнимый духъ задрожалъ; но по щастію для него *Абенза*, не знавшая объ его *слабости*, бросилась между имъ и *Овенсаномъ*, и принудила послѣдняго вложить въ ножны саблю. —— Удивляйтесь моему терпѣнію, сказалъ имъ *Бетазадиръ*; а ты *Овенсанъ*, котораго я почитаю, узнай о моихъ новыхъ намѣреніяхъ. Кто, подобно мнѣ, можетъ въ нѣсколько минутъ построить Дворецъ, снабдѣнный стражею, сады цвѣтущіе, прекраснѣйшіе, потѣшные огни и маленькихъ Купидоновъ: тотъ конечно въ состояніи уничтожить своего совмѣстника. Послушайся меня, и возпользуйся моимъ предложеніемъ, которое наконецъ долженъ я тебѣ сдѣлать. Ты обожаешь Принцессу, и я чувствую, что имѣешь къ тому причину: однакожь ты можешь въ свѣтѣ найти довольно дѣвицъ столькожь прекрасныхъ, которыя утѣшатъ тебя въ томъ, что ты мнѣ уступишь *Абензу*. Я въ сію минуту доставлю тебѣ колесницу драгоцѣнную и прочную, и скорѣе, нежели въ четверть часа, ты будешь отвезенъ въ предѣлы самые отдаленные.

 Сум-

Сундуки твои будутъ наполнены алмазами чрезмѣрно крупными, а съ таковымъ богатствомъ можешь ты прельстить всякую, и по волѣ своей получить десять Принцессъ съ ихъ государствами, вмѣсто одной *Абензы*.

Овенсанъ раздраженъ былъ таковымъ предложенiемъ: онъ отвѣчалъ, что царствованiе надъ всемъ свѣтомъ, и прелести всѣхъ Султаншь вообще, не могутъ въ глазахъ его быть сравнены въ замѣну сердца *Абензина*. —— Въ продолженiи сего Султанъ *Цешидъ* показался: онъ шествовалъ со своимъ Дворомъ отдать поклонъ духу, которой, скрывъ снѣдающую его печаль, казался быть самымъ довольнѣйшимъ изъ смертныхъ.

Милостивой государь! сказалъ *Бетазадиръ*, вы меня предварили: освободясь отъ моей болѣзни, шелъ я принести вамъ мое почтенiе и возвѣстить вамъ объ каруселѣ, учрежденномъ въ честь Принцессы, вашей дочери. Въ ту минуту въ воздухѣ послышанъ былъ звукъ тысячи трубъ, и десять башенъ возвысилось окруженiемъ на площади въ саду. *Бетазадиръ* сказалъ Султану, что для смотрѣнiя позорища надлежитъ ему взойти съ своими придворными на верьхъ сихъ зданiй. Мнимый духъ возшелъ самъ туда, провождая подъ руку *Абензу*. Султанъ занялъ свое мѣсто, и народъ бѣжалъ тѣснясь, и и вбирался къ периламъ, находившимся въ верьху

ху ограды, соединявшей между собою новопоявившіяся башни.

Ожидали, что внутри этой ограды появятся рыцари и колесницы. Сначала ничего не показывалось. Дворъ начиналъ выходить изъ терпѣнія; однако со всѣхъ четырехъ странъ свѣта прибыли разныя общества рыцарей разнаго цвѣту. Оные не спускались на площадь, но на воздухѣ и надъ головами зрителей производили свои выступки, разъѣзды, бѣганія и сраженія. Они поражали себя острыми копьями, и падали очень часто. Половина зрителей наклонилась и зажала голову руками, боясь, чтобъ оные упадая ихъ не передавили; однако на пути, еще не достигая до земли, оныя изчезали, подобно тѣмъ художественнымъ звѣздамъ, которыя при потѣшныхъ огняхъ выскакиваютъ изъ разрывающихся ядеръ. Изчезающіе рыцари замѣняемы были новопріѣзжающими при звукѣ гобой, валторнъ и трубъ. Послѣ рыцарей появились три общества Амазонокъ въ одѣяніи зеленомъ, розовомъ и желтомъ. Онѣ также сражались, толкали другъ друга и падали. Странное это позорище кончилось бѣгомъ взапуски прозрачныхъ колесницъ. Нѣкоторыя изъ оныхъ опрокинулись и едва не попали на голову самому Султану *Цешиду*; каковую шутку догадливой *Беташадиръ* съ умыслу сдѣлалъ. О празднествѣ заключи-

 ли

ли, что оное скверно; всѣ оборотились спинами. *Овсисанъ* вырвалъ у него изъ рукъ Принцессу, и бѣдный *Бетазадиръ* возвратился домой пронзенной вдругъ стыдомъ, любовію и досадою.

Но чтожь сдѣлалъ онъ для уменьшенія своей печали? *Себдаръ*, славный живописецъ, былъ тайно призванъ по его приказанію. Бѣги, сказалъ онъ ему, по слѣдамъ *Абензы*. Родитель ея принимаетъ нынѣ Пословъ; она безъ сомнѣнія будетъ убрана великолѣпно: всмотрись въ нее и спиши образъ ея точно такъ, какова появится она на торжествѣ. Правда, что нарядъ ничего не прибавляетъ къ крассотѣ, и мнѣ мила она равно днемъ, какъ и ночью; но я такъ хочу. Словомъ говорю, чтобъ портретъ былъ списанъ тайно, совершенно сходно и очень скоро. Мнѣ извѣстно, что законъ вашъ запрещаетъ въ здѣшней странѣ художникамъ подражать кистью изображеніямъ человѣческимъ; это вздоръ. Бѣги, работай, и возвратись! а въ награжденіе вся картина будетъ тебѣ засыпана червонными.

Поощряемой таковою цѣною *Себдаръ* сдѣлалъ чудо. Съ помощію двухъ товарищей, онъ вскорѣ исполнилъ желаніе *Бетазадирово*; портретъ принесенъ въ его домъ. Чтобъ свободнѣе разсмотрѣть сію работу, приказалъ онъ всѣмъ удалиться. Когда не можно мнѣ, сказалъ онъ, получить подлинника, на-

наслаждусь по крайней мѣрѣ утѣшеніемъ разсматривать копію. Онъ разсматривалъ портретъ подробно; онъ дѣлалъ восклицанія, и готовъ былъ стать на колѣни для обожения толикихъ прелестей. Но постой! вскричалъ онъ вдругъ, не могу ли я ее оживить? --- Какая мысль и какое дурачество! --- Однако, умно, или глупо это, по крайней мѣрѣ испытаю. Онъ сдѣлалъ тогда надлежащія рукодвиженія; и въ то мгновеніе ока, о чудо! образъ отдѣлился отъ картины, ходилъ, и казалось, что смотрѣлъ на него съ нѣжностію. Восхищенной таковымъ приключеніемъ *Бетазадиръ* не зналъ, спитъ ли онъ, или бодрствуетъ; онъ осмѣлился, взялъ у нее руку, которую попустила она поцаловать; что его совсѣмъ очаровало. Взоры его простерлись тогда на прелестную ножку Принцессину, которой изъ подъ парчевой юбки видѣнъ былъ только кончикъ. Ему хотѣлось разсмотрѣть оную всю, но онъ обманулся въ своей надеждѣ: одежда на семъ привидѣніи была изъ твердаго металлу и не гнулась.

Своенравнымъ и прихотливымъ людямъ ни чемъ угодить не можно: упругость металлическаго платья составила нещастіе для *Бетазадира*. Онъ воздыхалъ, досадовалъ, и не могши обнажить ногу, не могъ безъ огорченія взирать и на цѣлый образъ; руко-

движеніями своими отсылаетъ онъ его обратно, и въ одно мгновеніе ока привидѣніе вступаетъ въ прежнее свое жилище.

Тогда наступило время ужину. Доложили объ томъ *Бетазадиру*, которой и пошелъ утѣшить себя за столомъ. Художники его дожидались; они старались разогнать печаль, показывающуюся на лицѣ его. Одинъ изъ нихъ совѣтовалъ ему снять долой турбанъ. Чтобъ послѣдовать сему доброму совѣту, онъ протянулъ было уже руку къ головѣ своей, какъ въ ту минуту посторонняя мысль, вошедъ въ мозгъ его, предохранила его отъ нещастія, котораго надлежало ему опасаться. Между тѣмъ разсказывали ему новости, которыя приказывалъ онъ повторять, не понимая изъ оныхъ ни слова. Наливали ему драгоцѣнные и вкуснѣйшіе напитки, но оные казались быть ему водою.

Между тѣмъ въ головѣ его обращалась мысль, достойная *Бетазадира*. Веселіе появилось на лицѣ его и черты неудовольствія премѣнились въ видъ радостный. Первый ваятель Албинальскій по случаю сидѣлъ у него по правую руку. Мой любезной *Бушенземъ*! сказалъ онъ ему на ухо: я требую отъ тебя услуги весьма важной. Я хочу имѣть рукъ вашихъ истуканъ алебастровой, которой бы во всей красотѣ представлялъ

далъ *Абензу*. Мнѣ извѣстно, что она по утрамъ купается въ большомъ водоемѣ, находящемся въ зеленой бесѣдкѣ своего саду: охраняютъ ее тогда сто женщинъ; но я знаю также, что супруга твоя очень искусна въ рисованіи, и изъ числа тѣхъ, кои никогда съ Принцессою не разлучаются. Отъ ея старанія, отъ твоихъ трудовъ, отъ твоего искусства, ожидаю я исполненія моей надежды; но вѣрьте, что награжденіе превзойдетъ всякое ваше ожиданіе.

Бушенземъ былъ не меньше услужливъ, какъ и живописецъ: онъ далъ наставленіе женѣ своей; призвалъ на помощь многихъ художниковъ; старался, усовершилъ и кончилъ. Онъ въ малые дни могъ представить изящнѣйшій образецъ своего искусства. Истуканъ поставленъ въ особливомъ великолѣпномъ покоѣ, въ которомъ *Бетаэадиръ*, почти съ ума сошедшій отъ чрезмѣрной радости, заперся четырью замками. Коликое для него удовольствіе! Какое услажденіе видѣть и удивляться толикимъ прелестямъ! Оныя были совершенны; онѣ производили воображеніе чувствительнѣйшее, нежели самая та красота, которую онъ любилъ. Но все это еще ничто; онъ желаетъ оживить сіе новое бытіе художества: производитъ рукодвиженіе, производитъ оное съ трепетомъ, и истуканъ оживляется. Уже на

але-

алебастрѣ разпростиралась слабая розовая тѣнь, Зефиры начинали взвѣвать ея волосы; очи заблистали огнемъ живости; ланиты, казалось, что покрывались румянцемъ стыдливости, уста усмѣхались, естественная теплота проницала, сердце начало трепетаться; и словомъ сказать, истуканъ сталъ *Абензою*.

Бетазадиръ вздыхалъ; онъ бѣжитъ къ предмету, получившему жизнь для него единственно. Снизходительный алебастръ допускаетъ обнять себя рукамъ, доставившимъ ему чувственность. Внѣ себя приведенный *Бетазадиръ*, желаетъ, чтобъ его обняли взаимно. - - - - - О нещастіе! о случай нежидаемый! голова мысленной *Абензы* изъ прямаго своего положенія опускается на плечо *Бетазадирово*, и зацѣпившись за турбанъ, сталкиваетъ оный на полъ обще съ изумруднымъ ожерельемъ. Въ то мгновеніе ока истуканъ теряетъ цвѣтъ свой, свою мягкость, и охватя руками тѣсно шею *Бетазадирову*, учиняется алебастровымъ. *Бетазадиръ*, чрезмѣрно больно стиснутый, производитъ тысячу безполезныхъ покушеній для своего освобожденія; онъ страдаетъ, задыхается почти, стонаетъ, и кричитъ столько громко и странно, что вопль его слышанъ во Дворцѣ Султановомъ, и приводитъ всѣхъ въ недоумѣніе.

Сбѣ-

Сбѣгаются со всѣхъ сторонъ, выламывають двери; первоприбывшіе, удивясь таковому позорищу, забыли подать ему помощь. Крикъ *Бетазадировъ* умножился: *Цешидъ* прибѣжалъ вмѣстѣ съ *Овенсаномъ*. Какое зрѣлище! какое удивленіе! Султанъ рѣшился, чтобъ избавиться отъ духа, приказать своимъ тѣлохранителямъ выкинуть его за окно обще съ истуканомъ. Готовились уже исполнить повелѣніе, когда *Овенсанъ* остановилъ Султана и исполнителей его воли. Онъ сказалъ своему совмѣстнику, что можетъ освободить его безъ опасности отъ его мученія, но только на нѣкоторыхъ условіяхъ. - - - - Я оставляю *Абензу*, сказалъ *Бетазадиръ*; я только человѣкъ безразсудный, имѣвшій у себя добрый талисманъ, котораго уже лишился. —— А я, сказалъ Султанъ *Эмиру*, сожалѣя о томъ, что столько долго сопротивляемся здравому смыслу, отдаю тебѣ вдругъ Принцессу дочь мою и съ нею наслѣдство моего Престола. Сего много для щастія одного человѣка, вскричалъ благополучный *Овенсанъ*; и тотчасъ принесеннымъ большимъ молотомъ, отбилъ части камня, составлявшія оковы *Бетазадировы*.

Тогда усмотрѣли другое произшествіе, коего совсѣмъ не ожидали: вдругъ возгремѣлъ громъ, потолокъ въ комнатѣ изчезъ,

ослѣп-

ослѣпляющій зрѣніе свѣтъ украсилъ всѣ предметы, и всякъ въ ужасѣ чаялъ быть себя пренесеннымъ на небо. По крайней мѣрѣ надлежало сему случиться для возвѣщенія прибытія волшебницы *Добрады*. Увидѣли ее на воздухѣ сидящую въ пламенной колесницѣ: съ оной махновеніемъ жезла своего превратила она племянника своего въ гуся, которой изъ доброй воли полетѣлъ самъ запречься къ прочимъ животнымъ въ ея колесницу. Волшебница улетѣла по томъ на край вселенныя, и съ того времени не знаю, для чего объ ней больше не слыхали. Щастливой *Овенсанъ* женился на *Абензѣ*, и наслѣдовалъ по *Цешидѣ*. Остатки же истукана поднесь хранятся въ сокровищницѣ Государей Албинальскихъ, которые показываютъ охочимъ людямъ за самаю дешевую плату, и которую установили надзиратели для своей прибыли.

Продолженіе повѣсти о Славорадѣ и Свѣтанѣ.

Повѣствованіе *Братоборово* не произвело по обыкновенію нравоучительныхъ замѣчаній со стороны жреца и прочихъ слушателей, Между тѣмъ мореплаваніе продолжалось; уже весьма далеко отплыли отъ острова дѣвицъ: миновали Мадагаскаръ, страну Кафровъ, и проплыли обитанія Готен-

тентотовъ, какъ замѣтили, что на кораблѣ почти вся прѣсная вода испортилась. Для мореходцевъ нещастіе таковое чрезмѣрно. *Славорадъ* не зналъ, чемъ пособить оному, кромѣ того, что надлежитъ пристать къ первой землѣ, которая появится: но тщетно оной искали въ продолженіи нѣсколькихъ дней, и народъ на кораблѣ пришелъ въ весьма жалостное состояніе. При восхожденіи солнца въ слѣдующій день представилось глазамъ ихъ чрезъестественное позорище: небо было чисто повсюду; однакожь на поверьхности моря усмотрѣли собраніе огромное облаковъ неподвижныхъ, и сіи густые пары съ краевъ опоясывались множествомъ разноцвѣтныхъ радугъ, и какбы были чрезъ то увѣнчанны блестящею короною.

Славорадъ не могъ понять, какая бы причина производила таковое явленіе. Ему не вошло въ мысль подплыть ближе къ оному на кораблѣ: поворачивали оный въ разныя стороны, и отвсюду видѣли то же позорище. Таковое необычайное собраніе водяныхъ паровъ было любопытно для *Славорада*: онъ вознамѣрился взять телескопъ, и сѣвъ въ лодку, вѣехать въ самую средину облаковъ для разсмотрѣнія, что ихъ къ водѣ морской привлекаетъ. Нѣжная *Свѣтана*, поражаемая мрачнымъ предчувствованіемъ, кричала, что она не позволитъ своему

ему супругу таковымъ образомъ отъ себя удаляться. Безплодно старался онъ ее ободрить, она хотѣла по крайней мѣрѣ ему сотовариществовать. Они сѣли въ лодку, и на веслахъ поплыли къ удивительному предмету ихъ любопытства. Но можно ли было ожидать ожидающаго ихъ тамъ нещастія! Они не достигли еще до облаковъ, какъ лодка ихъ вдругъ окружена была и нападаема нѣсколькими плавающими въ водѣ человѣками. Корабль приспѣлъ на помощь, но уже поздно; лодка была опрокинута. Всѣ спаслись, кромѣ *Славорада* и его супруги, коихъ унесли съ собою въ воду тѣ странные человѣки.

ВЕЧЕРЪ LIII.

Послѣдуемъ за сими нещастными жертвами въ нѣдра моря: воззримъ на нихъ несомыхъ отъ ихъ похитителей сквозь стихію, въ которой надлежало бы имъ погибнуть. Однако не станемъ опасаться о жизни сихъ нѣжныхъ супруговъ. Среди густоты мрака неизвѣстнаго они ощутили себя вскорѣ поставленныхъ на землю; они безъ отягоще-

ще-

щенія извергли изъ себя всю воду, которую вглотали, открыли глаза и могли видѣть. Они обняли другъ друга съ восхищеніемъ, испуская вопль удивленія и радости. Нѣсколько мущинъ полуобнаженныхъ, принесли зажженные факелы: разклали великой огонь; приглашали ихъ просушить свое платье, и различными знаками показывали, что они не имѣютъ причины ничего опасаться.

Славорадъ, испытавъ свое умножительное стекло, не могъ ничего постигнуть изъ произходящаго. Вопрошалъ нѣкоторыхъ изъ окружающихъ его людей; но любопытство его было удовольствовано весьма плохо. Онъ не токмо не разумѣлъ ихъ языка, но и голоса ихъ глуховатые и хрипучіе привели его въ изумленіе. Тогда началъ онъ разсматривать ихъ съ большимъ вниманіемъ, и удивленіе его умножилось: онъ замѣтилъ между пальцовъ ихъ рукъ перепонку, подобную бывающей у гусей на лапахъ. Возможно ли, сказалъ онъ *Свѣтанѣ*, что мы находимся здѣсь между нѣкіимъ народомъ морскихъ людей? Я никогда не считалъ за истинну, что мнѣ сказывали о таковыхъ человѣкахъ (*); да и по сихъ поръ не знаю, дол-

(*) *Славорадъ* былъ бы неправъ, когда бы вещи, о которыхъ мы вѣдаемъ, дошли до его

должно ли мнѣ вѣрить глазамъ моимъ. Княгиня отвѣчала ему, что не осталось имъ больше что дѣлать, какъ отдаться въ таковомъ случаѣ на волю Провидѣнія. Чтобъ не

его познанія. Достовѣрно утверждено, что видали цѣлые города, населенные морскими людьми, или по крайней мѣрѣ амфивіями, подобными намъ во образѣ жизни и нравахъ. Здѣсь довольно будетъ привести, сколько возможно короче, тѣ свидѣтельства изъ исторіи, которыя довольно извѣстны любопытнымъ.

На отмѣли Терраневской видали морскаго мущину, выходившаго до нѣскольку разъ на берегъ и медлившаго на сухомъ пути очень долго.

Въ Зестри, что въ Левантѣ, въ 1682 году также вытащили на берегъ одного, котораго съ удивленіемъ разсматривалъ весь городъ. Однако сей морской человѣкъ съ печали и по недостатку приличной пищи умеръ чрезъ нѣсколько дней.

Въ 1686 году вытащили также рыболовы морскаго человѣка изъ Текселя. Весь городъ его видѣлъ; но бывъ удержанъ противу его воли на землѣ, онъ прожилъ только четыре дни.

Въ Исторіи Португальской повѣствуется, что нѣсколько подобныхъ существъ поимано

не сомнѣваться намъ, говорила она, о образѣ жизни нашихъ похитителей, должно представить намъ себѣ о томъ пути, которымъ они привели насъ сюда. Мы только

мано было при мысѣ Коморинскомъ, изъ которыхъ оставшіяся женщина и дѣвица отосланы были къ Королю Еммануилу: оныя жили очень долго; потому что имѣли раченіе пускать ихъ почасту въ море, укрѣпивъ къ легкимъ желѣзнымъ цѣпямъ.

Франциskъ меньшій въ своей великой Кроникѣ, Книга III. страница 319, упоминаетъ также объ морской женщинѣ, пойманной при разлитіи моря между Кампена и Лидама. Оная отдана была обывателямъ Гарлемскимъ, и жила нѣсколько лѣтъ, отправляя работы и пряденіе на гребнѣ съ ихъ женами.

Въ 1725 году, Графъ Готефортъ, Коммендантъ Врестской морской пристани, прислалъ въ Парижъ реляцію, засвидѣтельствованную тритцатью двумя особами, и внесенную въ Исторію Натуральную Свѣта Колонномъ (Histoire Naturelle de l' univers, tom. IV. p. 139). Въ оной видимо, что морской человѣкъ вертѣлся цѣлые два часа около корабля, называемаго Маріе де Грасъ,

дабы

ко что вышли изъ водъ, и слышимъ ихъ еще шумящихъ на всѣхъ сторонахъ; вмѣсто неба, надъ нашими главами видимъ мы только безпредѣльный сводъ камней, почти ви-

---

дабы насмотрѣться на пригожее изображеніе женщины, находившейся на носу корабля.

Можно привести много примѣровъ о подобныхъ морскихъ людяхъ, видѣнныхъ мореплавателями, и подтвержденныхъ вѣроятія достойными свидѣтельствами; но чтобъ не навести тѣмъ Читателямъ скуки, удовольствуемся присовокупить здѣсь нѣсколько строкъ, заимствованныхъ изъ весьма славнаго Французскаго Періодическаго Изданія, кои съ вышеписаннымъ имѣютъ нѣкое согласіе.

„Справедливо то, что всѣ человѣки отъ „природы суть амфивіи, и что это составляетъ нѣкоторымъ образомъ неволю, что „они съ рожденія своего принуждены бывають оставить стихію, въ которой зародились. Въ самомъ дѣлѣ человѣкъ раждается, образуется и живетъ въ жидкости до тѣхъ поръ, какъ пребываетъ „во чревѣ матернемъ. Всѣмъ извѣстно, „что онъ родится въ водѣ; и естьли бы „въ то же мгновеніе, какъ выдетъ на свѣтъ,

„бро-

висящихъ. Я не понимаю, гдѣ мы находимся; но сіи необыкновенныя мѣста, и кои кажутся намъ ужасными, конечно находятся не на поверьхности земной. За чемъ эти чудовища пришли насъ съ оной похитить? Сколько я нещастна! онѣ разлучили меня съ милымъ моимъ *Свѣтлосаномъ*, твоимъ совершеннымъ подобіемъ.

Едва *Свѣтлана* выговорила оныя слова, какъ увидѣла она приближающагося человѣка, различествующаго отъ прочихъ и одѣтаго въ Азіатское платье: она показала его съ радостію *Славораду*, и въ то же время кликнула идущаго. Этотъ человѣкъ въ самомъ дѣлѣ разуменъ и говорилъ по Славянски. Я пришелъ къ вамъ, началъ онъ поклонившись имъ, узнать, кто вы таковы, увѣдомить васъ, по какой причинѣ я здѣсь нахожусь, и обьявить вамъ, какая участь васъ здѣсь ожидаетъ.

Обширная подземность, въ коей мы находимся, называется отъ здѣшнихъ жителей Вампъ, и обыватели сіи странныя люди; но вотъ одинъ изъ нихъ, которой нашихъ рѣчей не разумѣетъ, и на которомъ вы сколько угодно можете насмотрѣться ихъ

 совер-

„ брошенъ былъ въ воду, конечно бы могъ „ жить въ оной. „ Journal Encyclopedique, Octobre 1764, II. Partie.

совершенствамъ. Они, какъ видите, имѣютъ ступни широкія, ноги длинныя, голени высокія, брюха плоскія, руки жиловатыя съ утиными лапами, плеча круглыя, бороды и волосы сѣрыя, головы яйцомъ, лбы острые, глаза зеленые, и носы подобные вороньимъ.

Ихъ пещера, или лучше сказать, ихъ маленькой свѣтъ, составляетъ подземность верстъ на сто въ окруженіи. Съ трехъ четвертей своей окружности облита оная водою, а съ четвертой имѣетъ предѣломъ непроницаемую каменную стѣну горную. Преогромный и естественный сводъ всю ее покрываетъ, и подобно какъ бы скорлупа безмѣрная, погруженъ краями въ морѣ, такъ что изъ сего жилища не можно никогда видѣть неба. Воздухъ въ оную проходитъ сквозь воду, и также по видимому сквозь нѣкоторыя разсѣлины горныя, которыхъ не можно примѣтить. Вода во время дня пропускаетъ сквозь себя свѣтъ только слабый; но по щастію въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оный умножается преломленіемъ объ большіе драгоцѣнные камни, кои природа повѣсила между марморовъ въ пещерномъ сводѣ.

Дно сего обширнаго жилища есть каменное, покрытое на нѣсколько ступней очень доброю землею. Волненіе морское по

вре-

временамъ доставляетъ сюда прохладный вѣтръ, способствующій ея плодоносію: притомъ же теченіе нѣсколькихъ ручьевъ оную раздѣляетъ и украшаетъ. И такъ здѣсь, равно какъ и на поверьхности земной, есть хлѣбныя зерны, травы, древеса, цвѣты и плоды. Животныхъ земныхъ находится очень мало, но недостатокъ этотъ изобильно награждается водными и амфивіями.

Въ четвертой стихіи также нѣтъ недостатку: огонь разводятъ дровами и смолами, текущими во множествѣ изъ каменныхъ трещинъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находятся здѣсь жерла огня естественнаго, изъ которыхъ исходитъ иногда непріятный дымъ. Наконецъ страна здѣшняя раздѣляется на два королевства, содержащія два города, Паксши и Биссо, и больше пяти деревень.

Время уже увѣдомить васъ, что народъ здѣшній состоитъ изъ амфивій, каковы на примѣръ крокодилы, бобры и тюлени (*). Они могутъ жить равномѣрно въ во-

(*) Замѣчено, что тюлени, или телята морскія, имѣютъ внутренности во всемъ сходныя къ внутренностямъ телятъ земныхъ. Въ древнемъ Римѣ видали многихъ тюленей ручныхъ, которые ѣли овесъ и просо, и бѣгали

дѣ и воздухѣ, то есть на сей ихъ землѣ и въ морѣ. Они выходятъ иногда на поверьхность воды для прогулки, и ходятъ въ воду для ловли рыбъ и раковинъ. Наша рыбная ловля есть для нихъ звѣроловство. Они обнадеживаютъ, что во время таковыхъ путешествій не рѣдко встрѣчаются съ другими таковыми же морскими людьми, съ коими разговариваютъ посредствомъ знаковъ; ибо внѣ воды только могутъ они разговариватъ и слышатъ ушми.

Есть у нихъ и вѣра: они обожаютъ свѣтъ дневный; но у нихъ строжайшимъ образомъ запрещается выходить на поверьхности моря во время дня, тотъ получаетъ безчестіе и наказывается какъ святотатецъ. Одни только служители его олтаря имѣютъ право взирать на солнце только по одному разу чрезъ тритцать лѣтъ (*). Возвратясь

бѣгали по улицамъ за своими хозяевами. На берегахъ морскихъ въ Шотландіи видаютъ ихъ на лугахъ стадами ядущихъ траву; но кой часъ ихъ обезпокоятъ, бросаются обратно въ воду.

(*) До сего времени не знали причины, для чего въ нашихъ мореплаваніяхъ такъ рѣдко попадаются морскія люди. Тритцать лѣтъ, время немалое!

вратясь съ таковаго позорища, съ поверьхности водной, не пропускаютъ они разсказывать объ отцѣ ихъ божества вещи самыя удивительныя. Они придаютъ ему лице златое, бороду и волосы серебряныя, уста яхонтовыя алыя, глаза алмазные, а роги изъ синяго яхонта. Они обнадеживаютъ, что прочее его тѣло не видимо, но что со всемъ тѣмъ примѣчены у него большія гусиныя лапы. Одни сказываютъ, что видѣли его закрывающагося великимъ покрываломъ; въ глазахъ другихъ онъ плакалъ, опускался въ море, а предъ прочими исчезалъ среди моря. Бредни таковыя, переходя отъ человѣка къ человѣку, произвели странныя преданія, и написаны напослѣдокъ златыми буквами въ наставленіе юношеству.

Я не вхожу, продолжалъ незнакомой человѣкъ, въ обстоятельныя подробности; ваши глаза и время довершатъ васъ вразумить. Обратимся теперь къ тому, что касается до меня. Я называюсь *Белахаръ*, и вы видите во мнѣ чиновника морской службы изъ владѣнія Князя Козарскаго. Государь мой недостаточенъ деньгами; но нашелъ въ какой-то старинной исторіи, что изъ морской пристани Торской (†) прежде

(†) Торъ, или Эйланъ, есть морская пристань на Чермномъ морѣ, въ которомъ мѣстѣ имѣетъ

жде сего приваживали столько золота, сколько токмо желать можно. Онъ вооружилъ нѣсколько кораблей, дабы сыскать и завоевать эту страну; въ числѣ же прочихъ и я въ походъ отправился. Нѣтъ нужды разсказывать вамъ, сколько мы безъ всякаго успѣху странствовали, искавши оной богатой страны; какъ насъ занесло бурею: довольно объявить, что мы очутились близь сего мѣста. Кормчій нашего корабля вдругъ закричалъ, что онъ примѣтилъ морское чудовище: это былъ попъ здѣшней страны. Всякъ изъ насъ любопытенъ былъ видѣть и изловить таковую странную рыбу; но оная насмѣхалась нашимъ удамъ, острогамъ и стрѣламъ. Тогда бросилъ я къ нему цѣпь съ прикрѣпленнымъ на концѣ крюкомъ: рыба схватилась за оную; но для того лишь, чтобъ изловить самаго меня. Она сдернула меня съ корабля въ воду, и съ помощію одного своего товарища, скрывавшагося подъ водою, вскорѣ примчалъ меня въ это подземное жилище.

Бывъ

етъ оное только пятнатцать верстъ ширины. Въ семъ то мѣстѣ перешли Израильтяне, гонимые Фараономъ. Пристань же сія была первенствующая изъ тѣхъ, откуду Соломонъ посылалъ флоты свои въ Офиръ. Geograph. de la Croix.

Бывъ первый изъ человѣковъ земныхъ тамъ видѣнной, возбудилъ я по прибытіи моемъ всеобщее любопытство. Я почти задушенъ былъ окружившею меня толпою Паммовъ (названіе это относится къ морскому мущинѣ); по томъ оставили вокругъ меня порожнее мѣсто и отогрѣли меня, равно какъ васъ. Однакожь я получилъ лучшее, нежели вы привѣтствіе. Паммазисы, или женщины морскія, пришли также участвовать въ позорищѣ. Бывъ столькожь мало прикрыты, какъ и мущины, но несравненно болѣе оныхъ, уменьшили онѣ въ душѣ моей отвращеніе, которое почувствовалъ я съ перваго взгляду къ сему народу. Одна изъ прочихъ женщинъ попригожѣе и лучше одѣтая другихъ, подступила ко мнѣ, дѣлала мнѣ знаки ласковости и потрепала меня нѣжно подъ бороду. Была то сестра покойной Королевы Паксинской; она имѣла довольную причину ласкать меня таковымъ образомъ. Должно вѣдать, что я для нее самой былъ похищенъ съ поверьхности. Изъ давныхъ лѣтъ вошло въ обыкновеніе, что Принцессы, достигшія совершенныхъ лѣтъ, посылаютъ жрецовъ на поверьхность моря для приведенія къ нимъ, ежели можно, супруга изъ другаго роду человѣковъ. Наши Короли и Принцы наслаждаются тѣмъ же правомъ, женясь на женщинахъ инородныхъ. Но обыкновеніе это,

котораго произшествіе и причина не извѣстны, было безплодно до самаго моего похищенія. Короли, Королевы и ихъ дѣти принуждены были искать себѣ супружества въ здѣшней странѣ.

Когда я обсохъ, Принцесса моя, *Абахо* по имени, взяла меня въ свои объятія, прижала меня съ нѣжностію къ сердцу, и велѣла меня препроводить въ жилище свое, близь Паксши состоящее, въ одноколкѣ, запряженной шестью выдрами. Я нашелъ въ покояхъ моихъ на большемъ марморномъ столѣ большія лахани, наполненныя водою, въ которыхъ плавали самыя лучшія рыбы. *Абахо* сѣвъ близь меня, сдѣлала знакъ, чтобы я ѣлъ. Я опасался, чтобъ не прогнѣвать ее тѣмъ, что не могу понять въ точности ея желанія: она вздумала, что должно мнѣ подать примѣръ. Я увидѣлъ, какъ она схватила и въ два зевка скушала цѣлую стерлядку; ибо ротъ у ней розевался почти до ушей. По знакамъ моего отвращенія ко вкушенію сырыхъ рыбъ, принесли отборныхъ плодовъ, и Принцесса съ удовольствіемъ видѣла, что я ѣлъ много. Послѣ того, постеля изъ моху показана была мнѣ въ комнатѣ, не имѣющей полу и потолоку, гдѣ я заснулъ столько же спокойно, какъ бы въ моемъ отечествѣ.

На

На другой день, когда я проснулся, Принцесса привела мнѣ двухъ служителей и трехъ учителей ихъ языка. Я принялъ послѣднихъ съ удовольствіемъ и вѣжливостію, и началъ первой мой урокъ, не безпокоясь о томъ, что можетъ впредь со мною послѣдовать. Въ углу моего покоя поставили нѣсколько свѣтящихся фосфорическихъ камней, которые умножили собою слабый свѣтъ дня. Я получалъ посѣщенія отъ придворныхъ, гражданъ и отъ всѣхъ живущихъ въ окрестности. Самый Дворъ Бисской предпринималъ путешествіе для отданія мнѣ почтенія; почему и есть то правда, что мы населяющіе землю человѣки составляемъ первенствующія бытія въ природѣ.

И такъ вы выучились ихъ языку? подхватилъ *Славорадъ* съ нетерпѣливостію. Я узналъ оный въ короткое время, отвѣчалъ *Белахаръ*; потому что нарѣчіе ихъ очень просто. Тогда объявили мнѣ о достоинствѣ *Абахи* и о требованіи ея на мою особу. Надлежало на ней жениться, когда избѣжать того было не можно.

Но насъ, подхватила съ своей стороны *Свѣтана*, конечно привели сюда не для браку: за чемъ насъ похитили съ поверьхности? Какимъ образомъ мы сюда дошли? Что хотятъ съ нами здѣсь дѣлать? Какимъ средствомъ можемъ мы отсюда возвра-

ʌититься назадъ, чтобъ сыскать то, чего нѣтъ милѣе намъ на свѣтѣ? — Вотъ сколько вопросовъ! отвѣчалъ съ важностію Принцъ по женѣ: выслушайте съ терпѣніемъ мои на то отвѣты.

Вопервыхъ, чтобъ достигнуть на поверьхность моря отсюда, жрецы наши не требуютъ больше трехъ минутъ времени; спуститься оттуда обратно сюда могутъ они столькожъ скоро. Они разсказали уже мнѣ, какъ васъ поймали, и схвативъ васъ, возвратились тою же дорогою назадъ. Впрочемъ я не вѣдаю инаго пути къ возвращенію на поверьхность земли, какъ только опять сквозь воду; ибо я сказывалъ уже вамъ, что кромѣ предѣловъ водныхъ, мѣсто это окружающихъ, послѣднюю границу нашу составляетъ стѣна изъ камня, столькожъ твердаго какъ марморъ. Здѣсь для насъ тюрьма довольно обширная, въ которой вы увѣдаете, какая участь васъ здѣсь ожидаетъ.

Король Паксшскій и Королева Бисская утратили, первый свою супругу, а другая своего мужа. Коренной законъ двухъ сихъ государствъ строго запрещаетъ Королевскимъ Домамъ сочетаваться между собою бракомъ, изъ опасности, чтобъ вся страна, изъ двухъ Королевствъ состоящая, не досталась во власть одному. И такъ

вдо-

вдовецъ и вдова разослали на добычу всѣхъ служителей дневнаго свѣта, которые триццать лѣтъ уже не видали солнца, и оба Королевства стеклись узнать объ успѣхѣ своихъ жрецовъ.

Какъ! что вы говорите? вскричала *Свѣтана* съ жаромъ. Чтобъ я досталась гадкому Королю рыбьему! и чтобъ напротивъ оставила *Славорада*, прекраснѣйшаго Князя, супруга, котораго я обожаю! Онъ самъ можешъ ли вступить въ иное бракосочетаніе! —— —— Сіе-то самое и должно случиться, сказалъ *Белахаръ*; смотрите, вотъ двѣ толпы къ вамъ уже приближаются. Король предводительствуетъ первою: а предъ другою можете вы видѣть будущую супругу вашего возлюбленнаго *Славорада*. Они хотѣли, чтобъ я васъ обо всемъ подробно увѣдомилъ и пріуготовилъ.

Отъ таковыхъ словъ при семъ позорищѣ горесть супруговъ достигла крайности: но не взирая на то, повели ихъ къ городу Биссо, въ сотоварищѣствѣ *Белахара*, и при звукѣ всѣхъ музыкальныхъ орудій страны той. Дорогою *Славорадъ* испыталъ одно приключеніе: сабля его, которую онъ на себѣ имѣлъ, вдругъ выскочивъ изъ ноженъ, полетѣла къ своду пещеры. Какъ это привело его въ изумленіе! *Белахаръ* увѣдомилъ его, что вверьху надъ ихъ голова-

ми

ми находятся не рѣдко магнитные камни чрезмѣрной величины, кои привлекаютъ къ себѣ всякое желѣзо къ онымъ подносимое. Для преступниковъ, продолжалъ онъ, здѣсь не знаютъ инаго наказанія, какъ только сажать ихъ въ желѣзную клѣтку, подносить подъ таковый камень, при чемъ тотчасъ втягиваетъ ихъ къ своду пещеры, гдѣ и остаются они навѣкъ (*).

Меж.

(*) Множество людей поднесь еще вѣрятъ, что гробъ Махометовъ, бывъ сдѣланъ изъ желѣза, держится на воздухѣ, приставъ къ магниту: пусть это заблужденіе. Но Авзоній повѣствуетъ, что одинъ Архитекторъ, по имени Динохаресъ, таковымъ средствомъ повѣсилъ на воздухѣ статую Арсиноину. Вотъ что онъ пишетъ:

Iussus ob incesti, qui quondam foedus amoris
Arsinoen Pharii suspendit in aere templi.
Spirat enim tecti testudine vera magnetis,
Afflictamque trahit ferrato crine puellam.
Ausonius Edillio X de Mosello.

Естьли надобно показаться ученымъ, то можно сказать и о другой статуѣ, извѣстной Августину; былъ то образъ Солнца, повѣшенный въ храмѣ Сераписовомъ, и еще Купидонъ, летящій въ Діаннинъмъ. Но мы живемъ въ такомъ вѣкѣ, въ коемъ ничему не вѣрятъ.

Между тѣмъ прибыли въ Биссо, и при Дворѣ началось великолѣпное празднество. На столахъ наставлено было живыхъ рыбъ; а для *Белахара* и новоприбывшихъ находились плоды, вареное кушанье и пирожное. Но печальная *Свѣтана* едва ли могла проглотить нѣсколько кусковъ; она съ ужасомъ взирала на Короля *Бахука*, своего нареченнаго супруга, который сидѣвъ близь ее, старался понравиться ей смѣшными тѣлодвиженіями. Въ то же время на сопротивной сторонѣ стола Королева *Еэипа* также ласкалась къ своему *Славораду*.

ВЕЧЕРЪ LIV.

Оба супруга сообщали другъ другу о досадѣ, кою сердца ихъ чувствуютъ къ своимъ угостителямъ. Они просили *Белахара* сказать Королю и Королевѣ, что они находятъ ихъ прелестными, но никогда не могутъ съ ними сочетаться; потому что ихъ уже связуютъ узы неразрушимыя. *Еэипа* и *Бахукъ* нашли таковую отговорку достойною смѣха: они отвѣчали, что разводъ вашъ будетъ дѣйствіемъ благоразумія, и что

этакою безделкою можно пожертвовать благополучію двухъ государствъ. Супруги отвечали на это, что они прежде утратятъ жизнь свою, нежели согласятся. Велено имъ сказать, что это пустяки, что они останутся живы, и что безъ дальныхъ околичностей будутъ иметь удовольствіе перемены.

После таковаго разговору, въ которомъ несколько поразгорячились оба Государи, чтобъ скорее кончить, согласились велеть увезти *Светану*. *Бахукъ* это исполнилъ, не взирая на крикъ и сопротивленіе *Славорадово*, котораго случай обезоружилъ. По крайней мере супруги разлучаясь, имели время поклясться другъ другу въ непоколебимой верности во всехъ опытахъ. Тогда *Белахаръ* возвратился домой; а *Езипа* и *Бахукъ* въ свои столицы для истощенія нежныхъ попеченій къ предметамъ ихъ нещастной страсти.

Хотя *Светану* и *Славорада* разлучили, но поступки ихъ были одинаковы: они вздыхали, рвались, сказывали безпрестанныя сопротивленія и почти ничего не ели. Король и Королева приведены темъ были въ смущеніе: они велели поговорить съ ними своему переводчику; и для сохраненія того, что имъ было мило, согласились на время дозволить *Светане* и *Славораду* жить въ од-

одномъ домѣ. Сіи съ своей стороны, для лучшаго сысканія средствъ къ выходу изъ подземельной страны, старались увѣрить, что они могутъ наконецъ согласиться на требуемыя условія, естьли только престанутъ ихъ содержать подъ стражею и позволятъ всюду ходить свободно, чтобъ лучше познать нравы и положеніе ихъ страны.

Оба Государя увѣрены бывъ въ томъ, что имъ уйти не куда, согласились отвести имъ домъ для житья вмѣстѣ, на границѣ обоихъ Королевствъ. Домъ этотъ построенъ былъ изъ мармору и порфиру: въ особливости находилась въ ономъ зала, которой стѣны и столбы высѣчены были изъ лучшаго восточнаго хрусталя. Но это великолѣпное жилище казалось нашимъ супругамъ только ужаснымъ капищемъ, украшеннымъ для принесенія ихъ въ жертву.

Въ одинъ день *Белахаръ* пришелъ ихъ навѣстить и притомъ просить, чтобъ они присутствовали при разрѣшеніи отъ бремени его жены. Въ странѣ этой было въ обыкновеніи, чтобъ всѣ родильницы разрѣшались въ присутствіи своихъ родственниковъ и друзей, чтобъ тѣмъ лучше при рожденіи Паммовъ не упущено было каковыхъ нибудь нужныхъ услугъ. *Славорадъ* и *Свѣтана* пошли въ домъ къ *Белахару*: они уповали найти родильницу въ постелѣ; но мужъ ее тотчасъ повелъ къ морю. Они уди-

вились, увидѣвъ Принцессу *Абахо*, погруженную въ воду по самой подбородокъ; она родила мальчика, котораго оставили въ водѣ. *Славорадъ* закричалъ, что младенецъ задохнется, ежели его не вынутъ. Не безпокойтесь, сказалъ *Белахаръ*, мой сынъ можетъ быть не будетъ имѣть гусиныхъ лапъ; но я хочу для пользы его, чтобъ онъ могъ жить также въ водѣ, какъ и на воздухѣ. Таковымъ образомъ поступаютъ здѣсь съ новорожденными младенцами. Онъ находится въ той же стихіи, изъ которой вышелъ, и это ему не можетъ быть вредно; потому что ежели бы жена моя не родила сего дня, онъ жилъ бы до завтра. Чрезъ часъ вынутъ его изъ воды на воздухъ; а еще чрезъ часъ положатъ опять въ воду: таковую перемѣну будутъ съ нимъ производить во весь день. Завтра сіе пребываніе въ разныхъ стихіяхъ умножено будетъ по два часа, послѣ завтра по четыре, и такъ безпрестанно будетъ прибавляемо до дватцать четвертаго дня. Я увѣренъ, что по истеченіи сего сроку будетъ онъ совершенно амфивія. Я анатомилъ, продолжалъ *Белахаръ*, многихъ Паммовъ, и не нашелъ во внутреннихъ ихъ другой разноты съ нашими, кромѣ того, что въ ушахъ ихъ сердца скважина яйцеобразная была отверста, и кровь ихъ для обращенія своего не имѣла нужды въ дыханіи; а этой выгодѣ

обя-

обязаны онѣ за одно только вышеписанное и мною надъ сыномъ моимъ употребляемое средство (*).

Славорадъ, имѣвшій понятіе объ Анатоміи, согласенъ былъ съ нимъ въ томъ. Въ самомъ дѣлѣ чрезъ мѣсяцъ увидѣлъ онъ сына *Белахарова* безъ гусиныхъ лапъ, и амфивіею.

Между тѣмъ Король и Королева понуждали бракосочетаніемъ: начинали говорить о наказаніи, которое произведутъ надъ обоими иностранцами, естьли не по-

(*) Кажется, что наши Естествословы имѣли извѣстія о странѣ Бамиповъ. Не льзя подозрѣвать ихъ, чтобы сами они тамъ путешествовали; но чаятельно носилъ туда ихъ разумъ. Въ Энциклопедіи при словѣ амфивія можно читать слѣдующее: „ можетъ быть, когда опустить въ воду „ животныхъ, только что родившихся, „ возпрепятствуется тѣмъ яйцеобразной „ скважинѣ сомкнуться, и кровь въ нихъ „ можетъ обращаться, покрайней мѣрѣ на „ нѣсколько времени безъ движенія легкаго. —— Въ Натуральной Исторіи Г. Де бюфона писано, въ IV Томѣ, отъ стр. 175 до 178. „ Можетъ быть не невозможно „ пріучить къ водѣ младенца новорожденнаго,

„ и

спѣшатъ они къ тому согласиться. Безплодно мучитъ *Славорадъ* свое воображенiе для сысканiя способа убѣжать отъ своихъ мучителей. Въ одинъ день, испытывая огненное жерло, въ которомъ поддерживали слабый огнь, находящееся на краю страны той, вдругъ услышалъ онъ внутри горы стукъ, сильнѣйшiй самаго грому. Вдругъ послѣ того огонь сдѣлался свѣтлѣе, и тысяча пламеней засверкали въ великой учинившейся притомъ пустотѣ. *Славорадъ* разсуж-

---

„ и держать его въ оной очень долго не „ приключивъ ему тѣмъ смерти.„ Онъ описываетъ по томъ опыты свои, произведенные имъ надъ животными, кои по большой части были удачны; сей почтенный Авторъ присовокупляетъ по томъ: „Я довольно увѣ„ ренъ собственными глазами, что дыха„ нiе не есть необходимо нужно ново„ рожденному животному, какъ только по „ неволѣ, и что возможное дѣло можетъ „ быть, взявъ предосторожности, возпре„ пятствовать таковымъ образомъ скважинѣ „ сердца яйцеобразной сомкнуться, и чрезъ „ этотъ способъ получить превосходныхъ „ водолазовъ, и родъ человѣковъ амфивiи, „ могущихъ равномѣрно обитать и въ водѣ, „ какъ на воздухѣ. „

суждалъ: видимое и слышанное мною доказаваетъ быть огнедышущую гору, которая безъ сомнѣнія имѣетъ свое отверзтіе на поверьхности земной. Отверзтіе это не можетъ быть въ водѣ; потому что вода сюда не протекаетъ. И такъ изъ этой составившейся пустоты можетъ быть путь. . . . . Но разсужденія его были прерваны; Паммасы прибѣжали толпою къ тому мѣсту, гдѣ слышали они столь великой стукъ. *Свѣтана* бѣжала также, опасаясь, чтобъ любопытный ея супругъ не упалъ въ огнедышущую пропасть. Я не вѣдаю, сказалъ онъ ей, отъ чего это случилось; но мнѣ мнится, что сіе произшествіе можетъ быть для насъ полезно. Оставь меня *Свѣтана*; я хочу все это разсмотрѣть рачително, и не опасайся объ моей жизни, оная мнѣ драгоцѣнна; потому что тебѣ мила. Когда *Свѣтана* возвратилась, *Славорадъ*, имѣя съ собою свой телескопъ, началъ бѣгать около этой естественной печи, влазилъ въ учинившіяся разсѣлины, ходилъ по горячему пеплу, перепрыгивалъ огненные ручейки, и не рѣдко самъ себя терялъ въ дымѣ; наконецъ послѣ тысячи оборотовъ, испытавши всевозможныя опасности, вдругъ увидѣлъ онъ надъ головою своею небо. Невольное восклицаніе изходитъ изъ устъ его; онъ блѣднѣетъ отъ радости, и упадаетъ на колѣни для при-

 не-

несенія благодарности Провидѣнію. Но все видѣнное имъ не составляло еще совершеннаго ему утѣшенія; съ одной стороны текла еще лава, жерлы клокотали отъ топящихся металловъ, огненные столбы поднимались вверьхъ съ трескомъ, и остатки отторгнутыхъ отъ горы камней вреялись среди пламени. Съ другой стороны видѣлъ онъ явственно лазурь небесную; но до верьху отверзтія казалось быть разстояніе чрезмѣрное, и стѣны въономъ не имѣли высунувшихся камней, по которымъ бы взлѣзать можно было: оныя были гладки, подобно какъ внутренность въ трубѣ. *Славорадъ*, державъ у глазу телескопъ, пробѣгалъ и замѣчалъ всѣ сіи предметы съ алчностію. На послѣдокъ примѣтилъ онъ вверху близь самаго отверзтія великой магнитный камень: онъ повторялъ разсматриваніе онаго до нѣсколько разъ и во всякихъ положеніяхъ: онъ измѣрялъ его своими глазами. Чемъ больше онъ всматривался, тѣмъ болѣе увѣрялся, что величина его превозходитъ всѣхъ тѣхъ магнитовъ, кои въ подземномъ жилищѣ производятъ столько сильныя дѣйствія. Онъ усмѣхнулся тогда, сталъ доволенъ, и сердце его совершенно отверзлось радости. Удостовѣрившись нѣкоторыми измѣреніями, возвратился онъ по огнямъ, сквозь дымъ и пепелъ: онъ довольно замѣтилъ путь свой и

воз-

возвратился къ *Свѣтанѣ*, которая ожидала его съ безпокойствомъ.

Бахукъ не давно отъ меня вышелъ, сказала она; и какъ я ни мало его не щадила, то ушелъ онъ, сдѣлавши мнѣ страшныя угрозы. — Помыслимъ, вскричалъ *Славорадъ*, какъ бы избавиться отъ произведенія оныхъ въ дѣйствіе! Знай моя милая *Свѣтана*! что я почти нашелъ способъ избавиться отсюда. *Свѣтана* хотѣла узнать, что онъ видѣлъ, что нашелъ и какія наконецъ были новыя причины его надеждѣ. — Огонь, вскричалъ онъ, желѣзо, мѣдь, десять плавильщиковъ, двадцать кузнецовъ! и собирайся въ дорогу. Она не смѣла возражать ему, ни дѣлать вопросовъ, и сдѣлала приказанія своимъ служителямъ, чтобъ *Славорадъ* какъ можно скорѣе былъ удовольствованъ.

По прибытіи художниковъ велѣлъ онъ однимъ дѣлать доски и разныя вещи изъ мѣди; съ другими самъ работалъ, разкаливалъ желѣзо. Княгиня дула мѣхами, и не смѣла сказать ни слова. Въ короткое время подъ руками ихъ составилась желѣзная рѣшетка, согнутая на подобіе кошницы; оную утвердили въ мѣдное дно. Въ клѣтку сего роду положили съѣстныхъ припасовъ, и другихъ нарочно сдѣланныхъ вещей и орудій. *Славорадъ*, довольный успѣхомъ своей работы, велѣлъ оную отвезти къ отверстію огнедышущей горы. Слѣдуй за

мной безъ опасенія, сказалъ онъ *Свѣтанѣ*; мы подвергнувъ себя страху, освободимся навѣкъ изъ сихъ адскихъ мѣстъ.

Вошедъ въ замѣченное *Славорадомъ* жерло, достигъ онъ со всемъ приборомъ желаемаго мѣста, находившагося подъ притягательнымъ полусомъ магнита; и оттуда отослалъ художниковъ, весьма щедро наградивъ драгоцѣнными камнями, кои и на морскихъ людей имѣли свое дѣйствіе. *Свѣтана* не вѣдала еще, что будетъ. Супругъ ея велѣлъ ей войти въ машину, и самъ занялъ мѣсто съ нею. Воротомъ, которой у него былъ приготовленъ, и посредствомъ поддѣланныхъ подо дномъ катковъ, додвигалъ онъ клѣтку свою до надлежащей точки, и въ тотъ мигъ поднялись они на воздухъ, бывъ окруженны пепломъ и дымомъ. Шествіе было чрезмѣрно быстро: по двухъ минутахъ машина коснулась магнита и прилипла къ оному. *Свѣтана*, не взирая на довѣренность къ своему супругу, закричала изъ всѣхъ силъ: но *Славорадъ* обнявъ ее и ободривъ, разсказалъ причину всего случившагося до сехъ поръ. Но работа еще не совсѣмъ была кончена: отъ камня до краю отверзтія осталось еще твердой земли аршинъ на десять. *Славорадъ* это предвидѣлъ. Вися надъ пропастію ужасною для зрѣнія, онъ сдѣлалъ взятыми съ собою орудіями съ верьху магнита присту-

ступокъ довольно широкой, и осмѣлился стать на оной для работанія другаго. Съ перваго разу супруга его трепетала: но вскорѣ захотѣла раздѣлять съ нимъ опасность, и предложила ему, что желаетъ сдѣлать ему помощь. Тщетно *Славорадъ* ей запрещалъ то; она вмигъ очутилась съ нимъ на работѣ вооруженная долотомъ и молотомъ, и предалась опасности, могущей всякую минуту свергнуть обоихъ ихъ въ пропасть. Казалось, что судьба сама хранила сихъ великодушныхъ супруговъ. Прорубивъ третью ступень, нашли они только песокъ, и чрезъ нѣсколько часовъ роботая вышли изъ пропасти.

Другой магнитной прекрасной камень прельстилъ взоры *Славорадовы*. Возьмемъ его съ собою, сказалъ онъ *Свѣтанѣ*, на память, что товарищь его былъ намъ столько полезенъ, и послѣ спустимся съ горы въ сію смѣющуюся долину. Оная представляется намъ для умноженія нашей радости. Они въ самомъ дѣлѣ выкопали магнитъ: но въ самое то время немалая глыба песку оборвалась во внутрь горы, и произвела страшное дѣйствіе. Земля начала трястись, жерло огненное оживилось, и выбросило до облаковъ тысячи разкаленныхъ камней, коими покрыло окрестность, подъ горою лежащую.

Од-

Однакожь среди сего бича боговъ, супруговъ чета сошла безъ всякихъ бѣдствій на безопасную равнину. Шествуя они, подъ ногами своими находили цвѣты. *Славорадъ* сдѣлалъ изъ оныхъ вѣнокъ своей супругѣ. Страна, въ которой они находились, казалась имъ быть великимъ островомъ. Они примѣтили и тѣ облака, кои видѣли прежде съ корабля, и которыя были причиною толикихъ бѣдствій ими претерпѣнныхъ. Но другое зрѣлище поразило ихъ души: у подошвы горы казалось имъ, что видѣли они великую толпу мущинъ и женщинъ; и по мѣрѣ того, какъ сходили на низъ, могли ихъ различать явственнѣе. Народъ этотъ самъ ихъ примѣтилъ, и шествовалъ къ нимъ безъ опасенія, и не воображали о томъ, что можетъ случиться.

Едва они сошли съ горы на долъ, народъ раздвоился предъ ними на двое; поклонился имъ съ почтеніемъ, и напослѣдокъ упалъ предъ ними на колѣни. Княгиня нашла это произшествіе очень страннымъ. Мнѣ кажется, сказалъ ей *Славорадъ*, что я угадываю причину сего принятія. Огнедышущая гора опустошила окрестности; насъ видятъ съ оной сходящихъ: ты съ своимъ одѣяніемъ, блистающимъ отъ самоцвѣтныхъ камней, золотымъ поясомъ, съ твоими волосами, взвѣваемыми вѣтромъ, и го-

головою, увѣнчанною цвѣтами, имѣетъ видъ богини. Я несу въ рукахъ моихъ великой камень, которой люди сіи безъ сомнѣнія пріемлютъ за образъ земнаго шара. Мы представляемся очамъ ихъ двумя разгнѣванными божествами, кои бывъ предшествуемы огнемъ, шествуютъ ихъ наказать.

Свѣтана увѣрилась въ этой догадкѣ тѣмъ лучше, что въ нѣкоторомъ разстояніи усмотрѣла она олтарь, окруженный жрецами. Жертвенникъ этотъ стоялъ на ихъ пути. Когда они къ оному приближились въ курильницахъ зажгли благовонія, огонь на жертвенникѣ возпалили и готовились младенца принесть на жертву. *Свѣтана* подходитъ ближе; какое изумленіе! какой ужасъ! кровь, имѣющая проліяться въ глазахъ ея, и которую суевѣріе приносило ей въ удовлетвореніе; кровь была то драгоцѣнная! Остановитесь варвары! вскричала она съ гнѣвомъ; о *Славорадъ*! уничтожь сихъ чудовищь; накажи звѣрство, отмсти природѣ, спаси твоего сына! —— *Славорадъ* въ ужасѣ бросается подъ сѣкиру; жрецъ, не разумѣющій словъ сихъ супруговъ, поспѣшаетъ скорѣе совершить жертву. Но позади олтаря стоятъ еще двѣ другія жертвы, и на колѣняхъ ожидаютъ смерти: былъ то *Вратоборъ* и *Зовратъ*. Они встаютъ, вырываются изъ рукъ, державшихъ ихъ, и бросают-

саются между жрецовъ, *Славорада* и его супруги; и говорятъ жертвоприносителю на ихъ языкѣ: что сіи пришедшія бытія не суть боги, требующіе крови, но ихъ друзья и ихъ Государи. Тогда смущенный жрецъ угашаетъ священный огнь, и возвращаетъ *Свѣтанѣ* ея младенца. Однако послѣ таковаго необыкновеннаго происшествія народъ повелѣваетъ стражѣ окружить жертвы и супруговъ. *Славорадъ* обезоруженъ, и его съ *Свѣтаною* отводятъ въ ближнюю башню въ ожиданіи того, какимъ образомъ собраніе народное рѣшитъ ихъ участь.

Первое стараніе *Славорадово* состояло въ томъ, чтобъ разсказать въ присутствіи *Свѣтаны*, которая цаловала своего сына, *Вратобору* и *Зоврату* приключеніе свое съ тѣхъ поръ, какъ похищены они въ воду до выходу своего изъ горы. Жрецъ и товарищь его пришли отъ того въ изумленіе: они думали сначала, что надъ ними шутятъ, или только испытываютъ ихъ легковѣрность: но *Славорадъ* утверждалъ съ жаромъ о истиннѣ приключившагося. Существованіе водяныхъ людей, о коихъ онъ упоминалъ, показалось тогда имъ согласно столько съ естественностію, что *Зовратъ* и товарищь его болѣе не сомнѣвались о дѣйствительности того. Они очень жалѣли о своей недовѣрчивости, когда *Славорадъ*

по-

показалъ имъ принесенный съ собою магнитной камень, какъ непосредственную причину послѣдняго возгоренія огнедышущей горы.

Жрецъ, *Зовратъ*, съ своей стороны возпріялъ слово: — Когда мы по нещастію, говорилъ онъ, увидѣли васъ погрузившихся въ воду, мы не могли вообразить, чтобъ потащили васъ въ страну Бамипъ: мы вопрошали гребца, правившаго лодкою вашею, и не могли увѣриться въ томъ, что онъ разсказывалъ, но сочли, что онъ съ ума сошелъ. Корабль поставили на якорѣ на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ опрокинулась лодка, и мы опредѣлили провести тутъ нѣсколько дней. Но въ слѣдующую ночь сорвало насъ съ якоря жестокимъ вѣтромъ: сдѣлался великой туманъ, сокрывшій отъ глазъ нашихъ звѣзды. не вѣдая, въ которую сторону держать намъ путь нашъ, отдались мы на волю вѣтровъ и волнъ. Жестокой трескъ средней части корабля доказалъ намъ, что мы коснулись земли. Корабль остановился, и въ этомъ состояніи ожидали мы, пока свѣтъ дневный откроетъ намъ нашу участь. При восхожденіи солнца усмотрѣли мы съ нѣкоею радостію, каковую только по лишеній васъ имѣть могли, что мы находимся близъ острова; вы помните, что у насъ совсѣмъ недоставало прѣсной воды. Мы пристали къ берегу сего самаго острова съ помощію нѣсколь

скольких лодок. На самом берегу нашли мы воду под самыми древами неизвѣстнаго роду. Между тѣм, как люди наши наполняли бочки, и срубили нѣсколько древ сих для корабельных надобностей, *Вратобор* и я, держав на руках моих вашего сына, пошли далѣе в остров; но очень скоро имѣли причину в том раскаяться. Великая толпа Островитян напав с яростiю, нас окружила; они обременили нас оковами, между тѣм как прочiе пошли нападать на корабельных служителей. Оные, быв осторожнѣе нас, ушли, и на лодках спаслись на корабль; послѣ мы свѣдали, что они, подождав нас двое суток, пошли в море.

Что надлежит до нас: быв скованы без преступленiя, окружаемы людьми, дѣлающими нам угрозы, хотя языка нашего не разумѣли, отведены мы были напослѣдок в сiю мрачную темницу, гдѣ и теперь находимся, и едва давали нам чем продолжить нещастную жизнь нашу. Один Островитянин, по имяни *Рааб*, часто навѣщал нас и разговаривал с нами; ибо он говорил по Арабски, которой язык и я разумѣл. Мы не постигали причины привязанности его к нам. Но какая бы оная ни была, я старался склонить сего человѣка в нашу пользу, даря его блестящими без-

дѣл-

дѣлками, оставшимися у меня. Этотъ человѣкъ научилъ насъ языку здѣсь употребляемому; мы получили великіе успѣхи въ томъ, совсѣмъ не подозрѣвая, какое страшное ожидаетъ насъ зло. Въ одинъ день, когда островитенъ этотъ счелъ, что уже можемъ мы разумѣть то, что намѣренъ онъ намъ разсказывать, началъ объявлять намъ то, изъ чего познали мы все наше бѣдствіе.

Входя на этотъ островъ, которой называется Абораго, сказалъ онъ: безъ сомнѣнія видѣли вы ряды деревъ, называемыхъ здѣсь Маглу. Оныя всегда покрываются облаками, изъ коихъ спускается каплями вода на ихъ листы, всегда зеленѣющіеся. Вода сія стекаетъ въ подставленныя большія марморныя корыты. Нѣсколько вѣтреныхъ мѣльницъ приводятъ въ дѣйствіе насосы, коими и посредствомъ трубъ отводится вода оная на сосѣдственную гору въ подѣланные тамъ водоемы. Оттуда течетъ оная ручьями для орошенія и учиненія плодоносною земли нашей. Древеса оныя, какъ сказываютъ, суть единственныя во всемъ свѣтѣ, и имѣютъ свойство притягивать къ себѣ пары, и потомъ составлять облака безпрестанныя (*).

(*) По видимому это родъ древъ, довольно извѣстной Естества Испытателямъ; но обѣ име-

По преданіямъ нашимъ извѣстно, что прежде сего въ островѣ нашемъ отъ бездождія

имени котораго ни одинъ изъ нихъ не упоминаетъ. Монахъ Бусиголь въ своемъ Африканскомъ Театрѣ, на страницѣ 268 упоминаетъ, что посреди острова Святаго Өомы видима гора заростшая нѣкоторымъ родомъ древесъ, всегда зеленѣющихся и покрытыхъ густымъ облакомъ: съ листовъ ихъ каплетъ безпрестанно вода, и производитъ ручьи, текущіе съ быстростію съ горы.

Колоннъ въ своей Натуральной Исторіи свѣта говоритъ, упоминая объ желѣзномъ островѣ: „Этотъ островъ очень малъ и безплоденъ, и не имѣетъ на себѣ ни одного источника въ близости къ морскому берегу; но вмѣсто того Создатель снабдилъ его нѣкіимъ деревомъ, котораго родъ не извѣстенъ, имѣющимъ листы узкіе и всегда зеленѣющіеся. Около онаго всегда видимо малое облачко, изъ коего безпрестанно спускается влага на листы, изъ чего стекаетъ съ нихъ вода самая чистая, и въ таковомъ изобиліи въ поставляемые ушаты, что оной всегда достаточно къ содержанію человѣковъ и скотовъ, на островѣ этомъ обитающихъ.„ — Томъ III. Стр. 99.

дія терпѣли въ водѣ великой недостатокъ. Извѣстно намъ также, что въ старину иностранцы приходили для завоеванія сихъ странъ, и безъ всякой пользы истребили до половины здѣшнихъ жителей. Предки наши для своихъ надобностей и для безопасности вздумали насадить вокругъ острова въ нѣсколько рядовъ Манглу. Отъ чего въ самомъ дѣлѣ получили они всѣ плоды, каковыхъ ожидали. Густыя облака окружили насъ со всѣхъ сторонъ, и ни одинъ корабль пристать къ намъ не осмѣливается. Земля наша учинилась, такъ сказать, невидимою, и осталась неизвѣстною прочему человѣческому роду, насъ разорявшему. Безполезно уже повторять о томъ, что вода, проведенная въ водоемы, способствуетъ нашей землѣ принесенію всякихъ плодовъ. Единожды возпріятыя мѣры были сохраняемы. Но потомки насадившихъ древа благоразумно вообразили себѣ, что ночная пора, или кораблесокрушенія, могутъ опять привести иностранцевъ на наши берега. Они разсудили, что послѣ того, какъ мы будемъ открыты, непріятели наши соберутся во множествѣ и придутъ истребить насъ. Постановили по тому строгой законъ противу всѣхъ могущихъ пристать къ сему острову. Но прежде нежели разскажу я вамъ, продолжалъ *Раабъ*, о подробностяхъ сего закона, должно

мнѣ увѣдомить о состоянiи страны нашей, и обожествѣ, которому въономъ покланяются.

Вечеръ LV.

Разположенiе нашего острова составляетъ продолговатой четвероугольникъ, котораго длина простирается отъ востока къ западу, мѣрою на пятнатцать тысячь шаговъ, а шириною тысячь на двѣнатцать. Въ лѣсахъ, занимающихъ восточную часть, треть островитянъ промышляетъ звѣриною ловлею, рыболовствомъ и собиранiемъ овощей, не имѣя ни домовъ, ни начальства, ни законовъ. Въ средней же части находится городъ Крамора, не имѣющiй вокругъ себя стѣнъ. Тутъ треть обывателей составляетъ государство республиканское. Остатокъ же островитянъ, обитающiй въ крѣпости, Нофиренъ называемой, лежащiй къ западу, состоитъ подъ властiю Государя, избираемаго народомъ. Дикiе наши сограждане храбры и безпокойны: республиканцы умны, но характеру печальнаго; а подданные Короля нѣсколько голодны, отважны и всегда веселы. Тѣ и другiе ищутъ истин-

истиннаго щастія, которое отъ нихъ убѣгаетъ.

Предки наши, продолжалъ *Раабъ*, сначала не помышляли установить всеобщее исповѣданіе вѣры. Однако копая землю подъ основаніе этой башни, нашли истуканъ, которой, какъ сказываютъ, производилъ великія чудеса. Хотя оной сдѣланъ сидящимъ, подогнувъ колѣна, но больше сажени ростомъ. Напухлое лице онаго кажетъ его какбы дующимъ на что нибудь отдаленное; на головѣ его надѣтъ большой золотой колпакъ, закрывающій оба его уха и одинъ изъ великихъ его глазъ.

Три части обывателей сего острова, раздѣленныя своекорыстіемъ, обычаями и нравами, соединились въ намѣреніи обожать этотъ истуканъ, и построили ему великолѣпное капище. Громовымъ ударомъ разрушило было его до половины; но это послужило для островитянъ священнымъ свидѣтельствомъ о могуществѣ идола, и капище возобновлено еще съ величайшимъ великолѣпіемъ.

Между тѣмъ таковой богъ покровитель вскорѣ произвелъ между здѣшнимъ народомъ междуусобную войну. Не могли согласиться ни объ особливомъ качествѣ его власти, ни въ родѣ служенія, каковое ему воздавать слѣдуетъ,

Дикіе обитатели лѣсовъ говорили, что власть *Магурукова* (такъ назывался этотъ идолъ) простирается надъ стихіею земною. Нашли сего бога въ ея нѣдрахъ, изъ которой онъ производитъ плоды земные, питающіе человѣковъ. Республиканцы утверждали, что *Магурукъ* владычествуетъ надъ водою; потому что содержитъ около острова облака дождевныя безпрестанно, и что струи водъ, отъ того произходящихъ, учиняютъ оной плодоносньмъ. Наконецъ подданные Королевскіе спорили, что сила есть главнѣйшее свойство идола, и что оной во особливости царствуетъ надъ огнемъ. Они доказывали, что сія стихія оживляетъ всю природу, и что сверьхъ всего того этотъ богъ означилъ себя громовымъ ударомъ, которымъ сожегъ собственной свой храмъ. Приняли оружіе для защищенія таковыхъ различныхъ мнѣній; дрались очень исправно, и островъ обагрился кровію набожныхъ обывателей. По длинномъ промежкѣ времени заключили миръ, или лучше сказать, продолжительное перемиріе, и каждой остался при своемъ мнѣніи. Во ожиданіи того, что оныя могутъ соединиться, рѣшили только то, что вся страна должна имѣть великое почтеніе къ колпаку ихъ божества, и чтобъ каждой островитенъ въ честь его носилъ огромный колпакъ, закрывающій одинъ глазъ и оба уха.

Съ того времени, продолжалъ *Раабъ*, и сія послѣдняя причина приключала опять битвы. Каждой островитенъ увѣрился, что благо его зависитъ отъ его колпака. Мы утверждаемъ нашу славу въ раченіи беречь его на головѣ своей, и считаемъ за смертельное оскорбленіе, естьли кто оной съ головы нашей сорветъ. Впрочемъ нынѣ у насъ появляются безпрестанно новости; двѣ трети островитянъ стараются протереть себѣ глаза; а дикіе желаютъ имѣть поварни и постели.

Приступимъ теперь къ законамъ, поставленнымъ противу иностранцевъ. Равно какъ вѣра, и оные защищаются всею нашею страною, въ слѣдующемъ:

1. Всякой иностранецъ, найденной въ островѣ, признается преступникомъ и осуждается на смерть.

2. Прежде истребленія его научаютъ его языку страны здѣшней.

3. Человѣколюбіе островитянъ доставляетъ своимъ жертвамъ къ избѣжанію отъ погибели слѣдующія средства. Всякой иностранецъ, ежели онъ одинъ, и вообще естьли случится ихъ много, долженъ взойти и сойти по воздуху на эту башню и долой.

4. Ежели онъ прыгнетъ съ башни, чтобъ коснулся землѣ безъ всякаго себѣ вреда.

 5.

5. Слышно у насъ, что около острова сего видали морскихъ людей; иностранецъ долженъ вразумить насъ, каковое имѣютъ оныя строеніе внутреннихъ частей тѣла, и показать средства, какимъ образомъ мы сами можемъ ходить въ воду, равно какъ и на воздухъ.

6. Онъ долженъ намъ доказать достаточнымъ образомъ, какая бы въ особливости была власть нашего божества, чтобъ мы изъ того заключивъ, могли установить приличное ему служеніе.

7. Когда мы удовольствованы будемъ во всемъ вышеписанномъ какимъ ни есть иностранцемъ, какого бы званія онъ ни былъ, то вмѣсто преданія его смерти, получитъ онъ и всѣ его товарищи неограниченное къ себѣ уваженіе и преданность.

Славорадъ, по любви къ своей супругѣ и къ своему сыну, возтрепеталъ отъ таковаго повѣствованія, а *Свѣтана* пролила слезы объ участи родителя и его сына.

Таковы, продолжалъ *Зовратъ*, здѣшніе законы, какъ разсказалъ намъ *Раабъ*. Онъ отряженъ былъ вразумить насъ о томъ, чтобъ мы пріуготовили себя подвергнуться смерти, ежели будемъ не въ состояніи сыскать средствъ удовлетворить имъ въ вышеписанномъ. Намъ дали сроку мѣсяцъ для размышленій. Срокъ этотъ приведенъ былъ

къ тому дню празднества, которое ежегодно у нихъ торжествуется объ найденіи Магурука. Но время еще не дошло, какъ здѣшняя огнедышущая гора изрыгнула огнь, и островитяне, не запомнивъ въ жизни своей таковаго явленія, приведены были въ ужасъ. Они вообразили, что новыя божества раздражены противу ихъ, и что проліяніемъ нашей крови могутъ они быть удовольствованы. Прочее вы видѣли самолично, и можетъ быть не для инаго чего, какъ только погибнуть съ нами вмѣстѣ.

Вратоборъ не согласенъ былъ съ послѣднимъ его мнѣніемъ. Ежели предки ихъ, говорилъ онъ, сдѣлали законы безразсудные, то благоразумнымъ потомкамъ слѣдуетъ перемѣнить оные. Но сдѣлаютъ ли они, или не сдѣлаютъ то: мой совѣтъ, чтобъ въ ожиданіи сего изгнать изъ головы всякой страхъ, и подкрѣпивъ чувства наши надеждою, стараться о изобрѣтеніи средствъ къ нашему спасенію.

Едва выговорилъ онъ слова сіи, *Раабъ* принесъ къ нимъ самое печальное извѣстіе. Послѣ долгаго и жаркаго спору, сказалъ онъ, Вельможи наши рѣшили участь вашу такъ, что четыре иностранца и младенецъ ихъ должны быть подвергнуты закону. Этотъ островитенъ былъ отряженъ возвѣстить имъ таковой приговоръ, что оной совершится

въ день посвященный Магуруку, и что ихъ принесутъ въ жертву предъ храмомъ въ самой тотъ день, когда они не изыщутъ средствъ къ освобожденію своему по правиламъ предписаннымъ. Онъ примолвилъ къ тому, что часть народа приведена въ смятеніе кончиною Короля ихъ *Бесмилсма*.

По выходѣ сего человѣка начали разсуждать. *Свѣтана* говорила, естьли бы нашъ магнитной камень былъ побольше, можетъ бы подѣйствовалъ оной, подобно какъ въ огнедышущей горѣ. - - - - Я знаю, подхватилъ *Славорадъ*, какъ умножить и возвысить силу его желѣзною оправою. А я, сказалъ *Вратоборъ*, съ помощію вашею могу сковать клѣтку изъ того же металлу, и тотчасъ на башнѣ. Но. . . внизъ - атъ какъ слетѣть! —— О! за это я берусь, молвилъ *Зовратъ*, и достигну въ томъ успѣха составленіемъ особливой машины. А я, сказалъ Князь, углемъ нарисую анатомію внутреннихъ частей Паммаса, и наставлю ихъ въ разсужденіи пріобученія дѣтей къ водѣ, такъ какъ слышалъ я отъ *Белахара*. Однакожъ всѣ наши выдумки будутъ наконецъ безполезны; потому что въ разсужденіи Магурука должно будетъ доказывать качество власти такого бытія, которое не существуетъ. —— Вотъ какой вздоръ! послушайте! сказалъ *Вратоборъ*, когда дѣ-

ло идетъ до цѣлаго народу, стоитъ ему только доказать, только вывести изъ заблужденія, или подтвердить въономъ. У насъ есть умъ; въ надутыхъ щекахъ идола, въ этомъ просторномъ колпакѣ, въ каковые наряженъ весь островъ, не уже ли мы не найдемъ чемъ пустить въ глаза пыли? Ободримся надеждою, и не станемъ тратить драгоцѣннаго времени. Просите желѣза, молотковъ и наковальню, и вы увидите меня перваго за работою.

Таковому доброму совѣту послѣдовали: по требованію ихъ принадлежности островитянами были доставлены, и всякъ съ своей стороны взялся за дѣло. Магнитъ былъ обдѣланъ вопервыхъ. Сила его учинилась столько велика, что онъ поминутно разстроивалъ прочую желѣзную роботу *Вратобору* и *Зоврату*, вырывая изъ рукъ ихъ молотки и клещи; принуждено было вынести его въ особливую комнату, въ которой почивала *Свѣтана* съ своимъ дитятемъ.

Въ продолженіи работы *Раабъ*, принимающій участіе въ судьбѣ заточенныхъ, не рѣдко приходилъ навѣщать ихъ. Онъ увѣдомилъ ихъ, что въ Нофиренѣ не могутъ согласиться въ избраніи новаго Короля; что по сему обстоятельству произошло уже до двадцати кровопролитныхъ побоищъ; ибо здѣшніе островитяне великіе охотники къ

дра-

дракамъ и за самыя безделицы. Притомъ же, что во время драки многіе изъ нихъ подвергались опасности потерять свои колпаки, и следственно честь. *Раабъ* присовокупилъ къ тому, что большая часть дикихъ обитателей лесовъ говорятъ, что законъ на иностранцевъ очень *лютъ*, и что не следуетъ оныхъ умерщвлять. Все таковыя подробности и неизвестность о будущемъ произшествіи колебали и раздирали сердце *Светанино*: но она предоставлена была опыту еще чувствительнейшему чрезъ новое приключеніе.

Въ одинъ день после бывшей жестокой бури, опустошившей островъ, *Светана*, бывъ заперта въ своемъ маленькомъ покойце, лежала на постеле близь своего сына, и не могла заснуть. Душа ея, колеблющаяся между страхомъ и надеждою, изчисляла въ памяти своей все свои нещастія. Магнитъ лежалъ близь ея постели: она разсматривала камень, коего свойство уже спасло ее однажды, и отъ котораго зависела наступающая ея судьба. Вдругъ въ башне произошелъ великой шумъ. по сводамъ ея разносятся звуки словъ Славянскихъ; дверь комнаты *Светаниной* растворяется, толкаютъ въ оную человека бешенаго и запираютъ вместе съ нею. Какое удивленіе для сего человека и какое изумленіе! Какое ужасное зрелище для *Свeта-*

та-

таны! это былъ *Гиразъ*. Это былъ ея безчеловѣчный братъ, которой въ слѣдствіе предсказанія, отчасти собывшагося, не могъ узнать о своей природѣ, не приключивъ смерти своему родителю. Чудовище это плыло по слѣдамъ *Свѣтанинымъ*. Влюбленный и презрѣнный, искалъ онъ омыть досаду свою въ крови *Славорадовой*, и принудить предметъ своей страсти уступить своимъ законопреступнымъ желаніямъ. Не въ дальности отъ острова Абораго, повстрѣчался онъ съ возвращающимся кораблемъ ихъ и затопилъ оной. Нѣкоторые изъ взятыхъ отъ него въ плѣнъ корабельныхъ служителей вели его къ сему острову: но бурею разбило его корабль, и онъ одинъ только на доскѣ спасся отъ потопленія. Стражи Аборогскія схватили его на берегу, и тщетно покушающагося обороняться привели въ башню и заперли въ покоецъ къ *Свѣтанѣ*.

Онъ тотчасъ освѣдомился о судьбѣ, которая ему готовится: потужилъ нѣсколько о своемъ нещастіи. Но вдругъ сказалъ, что онъ утѣшается въ своемъ бѣдствіи, находя себя запертымъ съ тою красотою, въ которую такъ давно уже влюбленъ. Слова таковыя привели *Свѣтану* въ трепетъ: она поблѣднѣла, начала крикъ; но стѣны въ покоѣ ея были толсты, супругъ ея и друзья его были заперты въ покоѣ отдаленномъ,

а

а стража башни еще того далѣе. Я долженъ упрекать васъ, сказалъ *Гиразъ*, за таковое смятеніе и за сіи слезы, производимыя въ васъ моимъ присутствіемъ. Мнѣ бы надлежало можетъ быть видѣть въ васъ преступницу, меня обезчестившую, которую слѣдовало бы наказать; но при взглядѣ на толикія прелести, я не могу помышлять о иномъ, кромѣ обоженія оныхъ. Я долженъ припомянуть вамъ о сильномъ дѣйствіи оныхъ надъ моею душею, о угожденіяхъ, которыя всегда я вамъ оказывалъ, о моихъ стараніяхъ, моихъ восторгахъ и мученіяхъ, кои претерпѣлъ я для достиженія къ блаженству владѣть вами. - - - *Свѣтана*! престань плакать, взгляни на меня, поговори со мною, и не отчаявай нещастнаго любовника, имѣющаго вскорѣ скончать дни свои.

Каждое слово *Гиразово* дѣлало новую язву въ сердцѣ сестры его: она хотѣла говорить, но слова изчезали на дрожащихъ губахъ ея. Напослѣдокъ послѣ долгихъ усилій, нѣсколько словъ, прерываемыхъ рыданіями, едва вылетѣло изъ устъ ея. Наши сердца свободны, сказала она; всякое существо, предпріемлющее оныя мучить, бываетъ презрительно для всего свѣту и ужасомъ для всего естества. - - - Не я того виною; вы старались мнѣ понравиться, но не успѣли въ томъ: ваша участь повелѣваетъ вамъ искать

утѣшенія въ объятіяхъ предмета инаго. . . . Я имѣла право сдѣлать мой выборъ; а вы не имѣете никакого оной опровергать. - - - Бывъ справедлива и чувствительна, я васъ извиняю и сожалѣю объ васъ; а вы, ставъ разсудительнѣе и раскаявшись, согласитесь со мною, почитайте *Свѣтану*, и тогда можетъ быть нѣжное дружество - - - — Какъ! дружество! вкричалъ суровой *Гиразъ*; для меня дружество? Это холодное чувствованіе въ состояніи ли удовлетворить душѣ подобно моей, преданной восхищенію? Нѣтъ, *Свѣтана*, нѣтъ! я еще уповаю блаженства быть любиму тобою. Я не сопротивляюсь твоему сердцу; для того что оное само покорится стенаніямъ, кои производитъ. Престаньте только въ *Славорадѣ* представлять себѣ человѣка милаго, котораго я долженъ ненавидѣть со всѣми его титлами. Я не вѣдаю того, гдѣ я нахожусь; не знаю, могу ли увидѣть его здѣсь: но что я говорю! жестокая! вотъ близь тебя плодъ любви вашей; вотъ отрасль виновная, которая въ очахъ моихъ умножаетъ ужасность его преступленія. - - - О *Свѣтана*! чемъ больше я на тебя гляжу, тѣмъ больше чувствую, сколько долженъ я наказать тебя. Однакожь прежде хочу я отъ тебя потребовать жертвы, о которой бы конечно мнѣ и упоминать не для чего. Ежели преступ-

ступникъ появится, ежели я увижу его хотя на минуту, тогда сіе страшное оружіе! —— —— Онъ исторгаетъ длинной кинжалъ: *Свѣтана* испускаетъ жалостной крикъ. Вдругъ обнаженное оружіе исторгается изъ рукъ *Гиразовыхъ*, летитъ и прилѣпляется къ магниту. *Гиразъ* не постигаетъ сего физическаго дѣйствія: онъ воображаетъ, что спрятавшійся его соперникъ могъ его обезоружить. Смятенной, огорченной, исполненной любви и бѣшенства, онъ хочетъ все пренебречь, бросается къ *Свѣтанѣ*; но она укрѣпленная своимъ отчаяніемъ, отталкиваетъ его съ усиліемъ. Онъ спотыкается, колеблется на ногахъ, упадаетъ на магнитъ, и собственной его кинжалъ пронзаетъ его въ самое сердце.

ВЕЧЕРЪ LVI.

Между тѣмъ чрезмѣрной вопль *Свѣтанинъ* проницаетъ стѣны и своды. Заточенные услышавъ, испрашиваютъ у стражей позволеніе, и бѣгутъ къ ней на помощь. Отпираютъ двери, входятъ: какое позорище! *Свѣтана* орошаетъ слезами трепещущее тѣло

ло *Гиразо*; сжимаетъ его въ своихъ объятіяхъ; онъ ее отталкиваетъ и умираетъ, отвернувъ прочь лице. *Славорадъ*, ничего не постигающій, исполняется почти ревности: но *Свѣтана* объясняетъ ему о всемъ надлежащемъ до сея нещастныя жертвы. Всѣ удивляются, съ каковою вѣрностію хранила она таинство отца своего, и ужасаются о томъ, чему она себя подвергала, чтобъ не стать отцеубійцею.

Но тогда надлежало помышлять имъ о новыхъ собственныхъ своихъ нещастіяхъ: наутрѣе наступалъ бѣдственной день опытовъ; а они еще не изыскали, что бы надлежало имъ отвѣтствовать въ разсужденіи идола. Не удостовѣрены были также въ дѣйствіяхъ прочихъ пріуготовленныхъ ими средствъ. Во время таковыхъ размышленій *Раабъ* появляется въ темницѣ. — Вы можете спастись, сказалъ онъ имъ; дикіе не соглашаются на смерть вашу: одна изъ прочихъ частей народу колеблется между жестокостію и милосердіемъ; но по нещастію законы превозмогаютъ. Постарайтесь кончить вашу работу, пріуготовляйте все, и помышляйте объ томъ, что естьли и должно вамъ будетъ погибать, то имѣете вы еще защитниковъ въ лѣсахъ.

Напослѣдокъ солнце восходомъ своимъ освѣтило вселенную; народъ собрался къ

 ба-

башнѣ. *Зоврать* назначенъ къ первымъ двумъ опытамъ, и магнитъ вознесенъ на верьхъ башни. Престарѣлый этотъ жрецъ на землѣ въ надлежащемъ положеніи привязываетъ себя къ желѣзной клѣткѣ, имѣющей дно мѣдное, и которой верьхніе желѣзные пруты разбирались врозь почастно. Народъ возсѣдаетъ вокругъ по скамьямъ установленнымъ амфитеатромъ, и знакъ къ началу производится трубнымъ звукомъ. Мгновенно *Зоврать* подвигаетъ машину свою къ центру, поднимается на воздухъ, летитъ и достигаетъ мѣты въ очахъ всѣхъ островитянъ, приведенныхъ тѣмъ во изумленіе. Надлежало слетѣть на низъ. Къ достиженію того *Зоврать* отнимаетъ одинъ прутъ изъ клѣтки, котораго конецъ былъ прилипшимъ къ магниту, и клѣтка нѣсколько опускается; онъ отнимаетъ другой прутъ, конецъ его пристаетъ къ концу перваго прута, и клѣтка еще опускается ниже. То же сдѣлано было съ третьимъ, четвертымъ и далѣе, пока *Зоврать* опустился на землю безъ всякаго вреда при радостныхъ восклицаніяхъ и рукоплесканіяхъ всѣхъ зрителей.

Послѣ него выступаетъ *Славорадъ*; онъ призываетъ всѣхъ ученыхъ мужей того народу, повѣствуетъ имъ исторію страны Вамипа; показываетъ имъ внутреннія части

Па-

Пиммаса, написанныя на бумагѣ чернилами, и доказываетъ имъ неоспоримо, какимъ образомъ могутъ они пріучать дѣтей своихъ къ хожденію и житью въ водѣ. Всѣ островитяне соглашаются, что иностранцы совершенно удовлетворили пяти статьямъ ихъ законоположенія. Но надлежало, чтобъ отвѣтствовали они и на шестую, которая касается до блага всей страны; и это по нещастію было то, въ чемъ не могли они имѣть успѣху. Множество дикихъ выступаетъ на средину собранія; они стараются поощрить ихъ къ защищенію своего собственнаго мнѣнія потому что оное вѣроподобно, и тѣмъ спасти себя. Но вообраafterженіе *Славорадово* и его товарищей не могло связать никакой мысли въ таковое краткое и опасное время. Срокъ наступилъ; имъ надлежало погибнуть.

Предъ глазами ропщущихъ дикихъ ведутъ сихъ нещастныхъ къ капищу, и приуготовляютъ жертвенныя сѣкиры. Тогда вихрь, очень обыкновенный въ той странѣ, начинаетъ возмущать и колебать воздухъ. *Зовратъ* призываетъ на помощь разсужденіе, и видитъ, что таковый случай можетъ быть имъ полезенъ. Онъ побуждаетъ *Рааба* говорить народу: вѣщаетъ и самъ оному, что онъ и товарищи его готовы подвергнуться ихъ зако-

ну, когда такъ имъ угодно; но извѣстно намъ, продолжалъ, онъ, что часть изъ васъ больше человѣколюбнѣйшая и меньше неправосудная взираетъ на нашу смерть съ сожалѣніемъ: можетъ быть ихъ число равняется, или еще превосходитъ счетъ нашихъ гонителей. Въ сіи послѣднія минуты не можно вамъ отказать въ оной маловажной милости къ нещастнымъ жертвамъ; а именно, мы требуемъ узнать, въ числѣ окружающаго насъ народу большая ли часть желаетъ нашей смерти. Есть, узнать то, легкое средство, и тогда погибнемъ мы съ удовольствіемъ. —— *Зовратъ* видитъ приближающійся столбъ крутящаго пыль сильнаго вихря; онъ кричитъ: мы требуемъ, чтобъ въ сію минуту всѣ желающіе нашей смерти бросили колпаки свои вверьхъ. —— Островитяне считаютъ все за маловажность удовлетворить въ этомъ *Зоврату*: множество колпаковъ вмигъ полетѣло кверху. Однако, какъ *Зовратъ* предвидѣлъ, вихрь подоспѣлъ въ самое то мгновеніе ока, подхватываетъ колпаки на воздухѣ, вертитъ клубомъ, вздымаетъ вверьхъ, смѣшиваетъ и бросаетъ въ стороны. Островитяне видятъ, что всякъ изъ нихъ будетъ обезчещенъ, естьли не найдетъ своего колпака. Начинается смятеніе, шумъ, вопль, и въ воздухѣ повторяются только слова:

мой

мой колпакЪ! это мой колпакЪ! это твой! это мой! - - - произходитЪ спорЪ, брань, смятеніе, наконецЪ всеобщая драка. Между тѣмЪ *Зовратъ*, пользуясь тѣмЪ временемЪ, приказываетЪ товарищамЪ своимЪ слѣдовать за собою, и удаляется.

НамѣренІе его клонилось достигнуть вЪ предѣлы дикихЪ обитателей лѣсовЪ: они спѣшатЪ и приближаются; но вЪ то время, когда оставалось имЪ почти послѣднІй шагЪ ступить, толпа народу отрѣзываетЪ ихЪ отЪ лѣсу. Суевѣрные не хотѣли уступить жертвЪ своихЪ, и собравшись во множествѣ вооружились для возвращенія оныхЪ. Дикіе сЪ своей стороны схватившись за оружіе, выступили изЪ лѣсу защищать ихЪ: но *Славорадъ* для отвращенія гибели человѣческой закричалЪ, и купно сЪ нимЪ *Зовратъ*: - - - остановитесь! не проливайте крови человѣческой, не навлекайте себѣ тѣмЪ казни отЪ небесЪ и выслушайте меня. Для совершеннаго удовлетворенія вашимЪ законоположеніямЪ я ожидалЪ самой этой минуты; я хотѣлЪ, чтобЪ ваше божество испытано было достовѣрными опытами; о чемЪ я и думалЪ. МагурукЪ не властвуетЪ надЪ огнемЪ, хотя сія стихія вамЪ и полезна; божество употребило оную только для своей славы, а не для разрушенія своего капища. Стихія земная также не подвержена его

законамъ: оная конечно производитъ плоды и нужныя жатвы; но безъ воды, ея оживляющей, оная отказала бы въ вашихъ потребностяхъ. Вода равномѣрно не составляетъ власти Магуруковой: имѣли ли бы вы дождевыя облака, естьли бы оныя не поддерживаемы были воздухомъ? Отъ подошвы вашихъ древесъ Маглу какъ бы проведенная вода протекала по всему острову безъ вашихъ мѣльницъ, приводимыхъ въ движеніе воздухомъ? Внимайте островитяне, это воздухъ, безъ котораго не можете вы жить, и въ которомъ по истиннѣ существуетъ власть Магурукова. Уже въ надутыхъ щекахъ его истукана показывалъ онъ тому несомнительной знакъ; но нынѣ подтвердилъ онъ то еще яснѣйшимъ опытомъ. Онъ усмотрѣлъ, что вы готовитесь пожертвовать строгимъ вашимъ законамъ, право человѣческое и кровь вашихъ собратій; вдругъ онъ остановилъ это ударомъ сильнаго вѣтра, яко органомъ своего могущества. Онъ насъ избавилъ; онъ васъ просвѣтилъ: онъ разрушаетъ наконецъ устами моими причину вашихъ междуусобныхъ браней; и за цѣну вашей ему въ томъ покорности хочетъ низпослать вамъ навсегда истинное благоденствіе, котораго вы тщетно ищете.

Весь народъ съ радостію уступилъ его причинамъ и согласился съ его разсужденіями. Тотчасъ разрѣшаютъ они изъ оковъ *Славорада*, *Свѣтану* и прочихъ. Вся страна наперерывъ старается оказать имъ ласканія и воздать почести.

Любезные островитяне! продолжалъ *Зовратъ*, это еще не все, и когда вы находитесь на столь хорошемъ пути, не должно вамъ останавливаться. Мнѣ извѣстны состояніе вашего государства, образъ вашихъ мыслей, зло, которое вы претерпѣли, и достовѣрныя средства, коими можно вамъ все поправить. Дикіе! оставьте ваши лѣса; чтобы между вами слабый не былъ отнынѣ жертвою сильнаго, будьте прилѣжнѣе въ стараніи доставленія себѣ вашихъ надобностей и въ безопасномъ владѣніи сердцами супругъ вашихъ: очистите нравы и просвѣтитесь. — Вы, республиканцы! перестаньте слишкомъ умничать: всякое излишество есть вредно; не будьте столько медлительны, и будьте согласнѣе, позволяйте себѣ желанія и увеселяйтесь. — Вы, наконецъ, утратившіе своего Короля! для пріобрѣтенія себѣ чести, старайтесь быть почтенія достойными, сохраняйте вашу вѣжливость; но постарайтесь научить дикихъ, чтобъ они учинились человѣками, а республиканцевъ мыслить. Всѣ вы вообще,

престаньте составлять три маленькія области раздорствующія, несогласныя и другъ другу враждующія: учинитесь единымъ народомъ цвѣтущимъ, спокойнымъ, сильнымъ и страшнымъ. У васъ въ избраніи Короля еще не соглашенось: это опять составляетъ доводъ милости къ вамъ Магуруковой. Онъ сохранилъ въ вашей странѣ Принца почтенія достойнаго, Философа и воина вкупѣ. Таковъ есть сынъ Короля Косожскаго; таковъ есть герой, котораго видите вы стоящаго близъ меня. По законамъ основательнымъ и по согласію первенствующихъ изъ васъ, онъ долженъ царствовать въ вашемъ островѣ. Подъ его правленіемъ согласіе соединитъ васъ общими узами, всегда печатлѣемыми пріятнѣйшею печатью благоденствія; и вы наконецъ будете познаны прочими колѣнами рода человѣческаго, которыя будутъ васъ почитать, васъ бояться и любить.

Единодушное рукоплесканіе было отвѣтомъ островитянъ. Бывъ доказаны, убѣждены, восхищены, тѣснятся они около *Славорада*, цалуютъ слѣды ногъ его. Поспѣшно изъ срубленныхъ древесъ сооружаютъ они престолъ, покрываютъ оный дерномъ и устилаютъ цвѣтами. Возводятъ на оный *Славорада* и супругу его съ сыномъ. Посреди свидѣтельства живѣйшей радости *Славо-*

радъ

радъ, окруженный народомъ, объявленъ общимъ Государемъ всего острова.

Новый Король, человѣкъ признательный, другъ чувствительный, постановляетъ *Зовратa* первосвященникомъ вѣры, а *Вратобора* верьховнымъ государственнымъ бояриномъ. Онъ уничтожилъ законъ противу иностранцевъ, и издалъ новой для благоденствія своихъ подданныхъ. Онъ завелъ строеніе кораблей, и два изъ оныхъ послалъ, одинъ въ Косоги къ своему родителю, а другой въ Хвалисы къ *Браниславу*, отцу своей супруги, съ возвѣщеніемъ о щастливомъ опредѣленіи судьбы своей. Оные достигли, и возвратились съ радостнымъ грузомъ, первый привезши поздравленіе и благословеніе отъ Государя Косожскаго его достойному сыну; а вторый прощеніе въ любезномъ писаніи отъ родителя *Свѣтанина*, въ приключенномъ ему огорченіи ихъ бѣгствомъ. Абораго укрѣпленъ многими крѣпостьми; военныя силы заведены на Славянскомъ порядкѣ, и тѣмъ учинились страшны; оныя были бы непобѣдимы, естьли бы Аборагцы могли имѣть сердца Славянскія. Однакожъ не доходило до сего опыта: *Славорадъ* чрезъ заведеніе цвѣтущей торговли, учинилъ дружество своихъ подданныхъ нужнымъ и необходимымъ для всѣхъ сосѣдей и народовъ отдаленныхъ. Новый Государь,

обожаемый своимъ народомъ, отверзъ пристани для всего свѣту, и Дворъ его учинился всеобщимъ храмомъ благотворенія. Нѣжная любовь его къ *Свѣтанѣ* награждена была великимъ потомствомъ, которое наслѣдовало добродѣтели своихъ родителей, было любимо Аборагцами, и подаетъ еще поднесь законы какъ въ ономъ островѣ, такъ и въ другихъ сосѣдственныхъ, жаднячавшихъ получить на престолы свои отрасли отъ таковаго спасительнаго человѣчеству корени. —— ——

Какъ повѣсть о *Славорадѣ* кончилась еще до истеченія полныхъ вечернихъ часовъ, назначенныхъ къ слушанію при Дворѣ Древлянскомъ: очерядный сказывальщикъ началъ слѣдующее:

Похожденіе Судиславово.

Страна Агафирсовъ составляла въ древности сильное государство въ числѣ Славянскихъ областей; оное лежало въ сѣверной части Россіи, и занимало въ себѣ все Поморье, Югровъ и часть береговъ Ледовитаго моря (*); оная была многонародна и изо-

(*) Въ общемъ Гофмановомъ Лексиконѣ видимо, что Агафирсы жили въ Поморіи, слѣдовательно близь Каргополя и Вологды. Геро-

изобильна, какъ отъ многихъ плодоносныхъ мѣстъ, такъ пажитей для скотоводства, рыбныхъ ловль, и торговъ, которые производили Агафирсы съ Сарматами и прочими Нурманцами. Около времени, въ которое пришло съ востоку послѣднее поколѣніе Славянъ построившихъ старый Славянскъ, произошли въ ономъ великія перемѣны, отъ которыхъ Агафирсы, хотя по подобію прочихъ Славянъ, подверглись самодержавной власти; однакожь произходили у нихъ опасныя злоупотребленія. Агафирсы были храбрые воины, и столько привержены къ особамъ своихъ Государей, что и къ дальнѣйшимъ оныхъ сродникамъ оказывали безпредѣльное почтеніе.

Одинацеръ, владѣтель сего государства, былъ умерщвленъ своимъ сыномъ; потому что ему долго показалось дожидаться наслѣдія къ престолу. Однакожь этотъ извергъ естества не долго наслаждался плодомъ

родотъ напротивъ объявляетъ, что они издревле обитали на Истрѣ; по Плинію въ верьху Днѣпра; по Целларіевымъ ландкартамъ въ верьховьѣ Волги. Однако вѣроятнѣйшая исторія подтверждаетъ, что Агафирсы занимали Каргаполь и Вологодскую провинцію, Смотри. Росс. Истор. Князя Щербат. Томъ 1. стр. 91.

домъ своего мерзкаго дѣянія, и оставилъ царство, въ которомъ находилось много еще безпокойныхъ обществъ пятилѣтнему Князю, произходящему изъ дому прежнихъ Государей. Подданные, не взирая на юный его возрастъ, не долго сумнѣвались возвести его на престолъ; только что правленіе государства ввѣрили одному изъ первыхъ бояръ, котораго способность къ тому довольно была извѣстна, и который пользовался къ себѣ благосклонностію всѣхъ Агафирсовъ.

Новый правитель опять возстановилъ всюду спокойство, основалъ народныя дѣла и государственные доходы на добромъ положеніи, и правленіе его пріобрѣло всеобщую похвалу. Когда разговаривалъ онъ съ юнымъ Государемъ, произходило это съ таковою нѣжностію, что онъ подавалъ совершенной образецъ къ подражанію и установленію нрава во младомъ Монархѣ. Правитель этотъ былъ столько хитръ, что не допускалъ его ни до какого свѣденія о государственныхъ дѣлахъ, старался только о доставленіи ему всевозможной почести и тщился предупреждать всѣ его желанія.

Юный Государь, бывъ доволенъ щастливою своею участью, и по достиженіи совершеннолѣтія, повиновался всѣмъ желаніямъ правителя, не меньше какъ дѣлалъ то и во время своего дѣтства.

Пра-

Правитель имѣлъ тонкой разумъ и ненасытимое честолюбіе; для единой этой страсти, которую онъ наружною ласковостію и вѣжливостію такъ хорошо скрывать умѣлъ, слѣдовало ему отвратить всѣ препятствія, встрѣчавшіяся на пути къ его намѣренію. Однакожъ онъ не искалъ достигнуть престола; онъ боялся самымъ тѣмъ ограничить великую свою силу, и искалъ только удержать ту знаменитость, въ которой находился, и присвоить оную наслѣдственно своему сыну, котораго съ великимъ тщаніемъ пріуготовлялъ къ заступленію важнаго сего мѣста.

Зименъ (такъ назывался сынъ его) былъ тогда двацати пяти лѣтъ. Онъ имѣлъ пріятной видъ, и обладалъ всѣми тѣми способнотьми, кои должно имѣть совершенному человѣку. Однакожъ у правителя еще была иная равномѣрная забота на сердцѣ; онъ имѣлъ дочь чрезмѣрной красоты, и вознамѣрился учинить ее Королевою Агафирскою. Два сіи намѣренія составляли единственное его желаніе, и для произведенія оныхъ въ дѣйство употребилъ онъ все свое искуство.

Король не видалъ еще *Цимилу*, сію дочь его. Правитель содержалъ оную въ уединеніи, и возпользовавшись ея застѣнчивостію, учредилъ нравъ ея совершенно по своему намѣренію. Когда исполнилось ей осьмнат-

натцать лѣтъ, учредилъ онъ у себя празднество и пригласилъ къ тому Короля. *Цимила* появилась наономъ во всемъ своемъ сіяніи и великолѣпно одѣтая. Красота ея ослѣпила младаго Короля столько, что онъ въ тотъ же часъ требовалъ ее у родителя ея себѣ въ супружество. Правитель этотъ, чтобъ лучшій получить успѣхъ, притворялся сперва на то несогласнымъ; онъ съ глубокимъ почтеніемъ предлагалъ въ томъ разныя препятствія, и таковымъ сопротивленіемъ еще больше возпламенивъ сердце своего Государя, достигъ до всего, чего желалъ.

Въ скоромъ послѣ того времени совершилась свадьба, *Цимила* объявлена Королевою Агафирскою, и дѣти ея наслѣдниками престола, даже и дочери, съ исключеніемъ дѣтей обоего пола, могущихъ родиться отъ втораго брака.

Когда правитель достоинствомъ дочери своей сталъ быть подкрѣпляемъ, то и сынъ его *Зименъ* объявленъ по смерти отцовой правителемъ государства первымъ по Королѣ, и по общему согласію всего народа достоинство это дано его дому наслѣдственно. Хотя старый правитель и вооруженъ былъ толикою честію и силою, но не употреблялъ оныхъ во зло; онъ усугубилъ попеченія свои о всеобщемъ благѣ, и *Зименъ*

по-

помогалъ въ томъ родителю своему съ таковою ревностію, что Агафирсы лишившись вскорѣ послѣдовавшею смертію прежняго правителя, не чувствовали никакой перемѣны, когда важной этотъ чинъ заступилъ сынъ его, въ которомъ не одинъ чинъ, но и добродѣтели родительскія казались быть наслѣдственными.

Зименъ сначала отправлялъ должность свою съ удивительною способностію; однакожь сколько велики слабости человѣческія! Нещастное мгновеніе ока разрушило всѣ великія его свойства, и повергло его въ таковую пропасть, изъ которой произошла перемѣна, подавшая всему Королевству иной видъ. *Зименъ* смертельно влюбился въ одну высокомѣрную женщину, и по щегольству своему крайне расточительную. Отъ мотовства ея богатства *Зименовы* были вскорѣ изчерпаны; онъ взялъ прибѣжище къ новымъ налогамъ на народъ и къ беззаконнымъ вымогательствамъ, которыя во всѣхъ частяхъ Королевства возбудили ропотъ. *Зименъ*, имѣвшій всю власть въ рукахъ своихъ, старался не допускать жалобъ до Государя. Король же, бывъ не разлученъ съ своею супругою, и которую какъ божество почиталъ, не имѣлъ попеченія о правленіи, и Королева умѣла тщательно

отъ

отъ выслушиванія жалобъ, которыя братъ ея заслуживалъ, отводить своего супруга.

Зименъ съ своей стороны препровождалъ все время съ своею любовницею, и никакихъ просителей къ себѣ не пускалъ. Все пришло въ замѣшательство: отправленіе государственныхъ дѣлъ пренебрежено, и налоги столько возвысились, что произошелъ въ государствѣ бунтъ. Надлежало помыслить о средствахъ: и такъ все зло не могло далѣе отъ Короля утаиться. И наконецъ, не взирая на прозьбы и слезы Королевины, *Зименъ*, спасшійся отъ опасности бѣгствомъ, по имянному Королевскому указу навѣкъ изъ государства изгнанъ.

Бѣгствующій, вмѣсто того, чтобъ одумавшись раскаяться, удалился въ Болгары, чтобъ тамъ искать средствъ къ своему мщенію, на которомъ основывалъ онъ всю свою надежду. Болгары приняли сего измѣнника; потому что оной могъ имъ быть полезенъ къ исполненію нѣкоторыхъ ихъ намѣреній.

ВЕЧЕРЪ LVII.

Между двумя сими государствами состоялъ уже издавна миръ; но состоянiе тогдашнее Двора Болгарскаго подавало *Зимсну* случай оной разрушить и употребить въ пользу своихъ преступническихъ предпрiятiй. Князь страны сея, бывъ старъ и слабъ, съ великимъ огорченiемъ примѣчалъ, что *Бурносилъ*, одинъ изъ сыновей его, прельщается властолюбiемъ, и явно укрѣпляетъ въ государствѣ свою сторону. Страсть къ царствованiю вступила въ сердце *Бурносилово* послѣ жестокой любви, которая по жестокой утратѣ милаго его предмета угасать начинала. Со всемъ тѣмъ любовь сiя еще столько властвовала надъ его сердцемъ, что онъ ни о чемъ больше не помышлялъ, какъ только о доставленiи сыну плода сей любви вышняго достоинства.

Становой, первый Вельможа Болгарскiй, и вѣрный своему Князю, умѣлъ отвращать незаконныя намѣренiя *Бурносиловы*. Сей честолюбивой Князь желалъ царствовать, и имѣлъ намѣренiе, чтобъ по немъ сынъ его *Закомиръ* возшелъ на престолъ Болгарскiй ко вреду Княжича *Сердолюба*, брата своего, объявленнаго отъ родителя наслѣдникомъ

не токмо по праву первородства, но и по особливой любви къ нему. Но со всѣми мудрыми мѣрами своего Вельможи Государь Болгарскій опасался, чтобъ сторона, держащая сторону *Бурносилову*, не превозмогла.

Во время таковыхъ обстоятельствъ прибылъ *Зименъ* ко Двору сему; и сначала подъ скрытымъ именемъ, опасаясь привести себя въ подозрѣніе, ожидалъ онъ способнаго времени, когда можетъ видѣться съ первымъ Вельможею. Познакомившись съ нимъ наконецъ, осмѣлился открыться ему о себѣ, въ чемъ и имѣлъ удачу. Оба Вельможи сіи не рѣдко имѣли переговоры о государственныхъ дѣлахъ, и Волгарскій проникъ во всѣ тайные *Зименовы* виды. Онъ заключилъ благопріятствовать ему, и употребить его къ собственнымъ намѣреніямъ, хотя бы навлечь чрезъ то неудовольствіе со стороны Короля Агафирскаго.

Дружество обоихъ сихъ Вельможей укрѣпилось столько, что вскорѣ произошла между ими великая довѣренность. *Зименъ* открылъ *Станобою* о своихъ мстительныхъ предпріятіяхъ, и просилъ его о вспомоществованіи. *Станобой* же напротивъ о всемъ узнавъ, не пропустилъ всемъ тѣмъ воспользоваться, что ему изъ предложеній *Зименовыхъ* нужнымъ казалось; и вмѣсто того, чтобъ отвлекать его

отъ

отъ измѣны его отечеству, утверждалъ въ оной, обѣщая ему великую помощь.

Зименъ, котораго никто не зналъ кромѣ сего вельможи, производилъ съ нимъ продолжительные переговоры, кои всегда къ тому клонились, чтобъ могли они взаимно соединить свои намѣренія. *Зименъ* бывалъ всегда подъ скрытымъ именемъ тамъ, гдѣ *Становой* находился; по чему и не брали на него ни малаго подозрѣнія. Въ одно ихъ свиданіе сказалъ *Становой Зимену*: не безполезно будетъ, естьли только не необходимо, чтобъ вы узнали нравъ Князя, наносящаго намъ столько хлопотъ, и отъ котораго надѣетесь вы получить себѣ помощь къ возстановленію вашего щастія. Я разскажу вамъ часть его приключеній.... Ахъ, любезной другъ! подхватилъ *Зименъ*, вы окажете мнѣ тѣмъ особливое удовольствіе, когда разскажете о приключеніи жреца съ Княжною Полянскихъ Славянъ, супругою сего Князя. Это странное произшествіе дошло въ свое время къ намъ въ Агафирсы, но столько темно, что я всегда остался любопытенъ узнать объ ономъ обстоятельнѣе. —— —— Ахъ! о чемъ вы меня просите, подхватилъ *Становой* въ замѣшательствѣ; глубочайшее таинство хранитъ случай этотъ отъ всего свѣта: однако клянитесь мнѣ со-

 вер-

вершенною скромностію, когда желаете, чтобъ я вамъ открылъ оное.

Зимену не трудно было обязаться въ томъ клятвою; по чему и сказалъ: я клянусь ненарушимымъ молчаніемъ, подъ лишеніемъ вашего дружества, естьли окажусь въ томъ невѣренъ. Изрядно! сказалъ *Станобой*, я открою вамъ важную тайну, изъ которой можете вы усмотрѣть, сколь много могутъ забываться самые лучшіе Князи, когда овладѣетъ оными жестокая страсть. Я могу вспомнить всѣ подробности сего приключенія. Послѣ сего началъ онъ повѣствованіе свое слѣдующимъ образомъ:

Княжескій Болгаркій Домъ состоитъ изъ двухъ сыновъ. Старшій изъ оныхъ, по имяни *Сердолюбъ*, рожденъ отъ любимѣйшей супруги нашего Князя. Лишившись оной, никогда не могъ онъ утѣшиться о семъ уронѣ, и поднесь еще чаетъ оную находить въ особѣ сего своего сына. Хотя имѣетъ онъ недальнюю остроту разума и притомъ слабое здоровье, однакожъ опредѣленъ родителемъ своимъ въ наслѣдники Болгарскаго престола.

Бурносилъ, рожденной отъ другой его супруги, долго взиралъ безъ зависти на то, что братъ его ему предпочтенъ. Оба Княжича жили въ таковомъ согласіи, что Князь родитель ихъ вмѣсто того, чтобъ по обыкно-

кновенію меньшаго сына отдалить отъ своего Двора, за удовольствіе находилъ воспитать его при своихъ глазахъ.

Едва *Бурносилу* исполнилось девятнатцать лѣтъ, какъ впалъ въ столь жестокую болѣзнь, проказу, что отъ оной свело у него правую руку. Врачи истощили все свое искусство безъ всякой пользы. Одинъ жрецъ, къ которому *Бурносилъ* имѣлъ великую довѣренность, совѣтовалъ ему взять прибѣжище къ Дулебскому капищу Златой-Бабы, которой изцѣленія довольно прославились во всемъ Сѣверѣ. Мнѣ знакомъ, продолжалъ этотъ жрецъ, первосвященникъ сего славнаго мѣста; я могу васъ проводить туда, естьли то позволите. Юной Княжичь, которой жестоко страдалъ отъ своей болѣзни, безъ дальнихъ размышленій рѣшился предпріять это путешествіе. Безпокойства и отягощенія не удержали его обѣщаться итти пѣшу въ Бужаны. И такъ съ дозволенія своего родителя пошелъ онъ въ путь. Я тогда, говорилъ *Станобой*, былъ еще прилѣпленъ къ нему, и провождалъ его обще съ его дядькою, жрецомъ и тремя бояричами. Шествіе было продолжительно и безпокойно; однако наконецъ достигли мы къ предверію храма. *Бурносилъ* желалъ переговорить съ первосвященникомъ; но оной оставивъ насъ дожидаться два часа, выслалъ на-

послѣдокъ сказать, что занятъ приношенiемъ жертвы за здоровье одной незнакомой госпожи, которая безъ сопровожденiя мущинъ съ однѣми своими женщинами въ капищѣ находится. Чрезъ часъ послѣ того двери храма отворились, и мы увидѣли выходящую дѣвицу, покрытую фатою, которыя величественный видъ бросился въ глаза нашему Княжичу. Дѣвица эта проходя мимо его, сдѣлала ему вѣжливой поклонъ, но притомъ свалилась у ней съ одного плеча епанча. Для поправленiя оной употребила она свою лѣвую руку; ибо правая у ней, подобно какъ и у *Бурносила*, была подвязана. Таковое сходство въ болѣзни и прекрасной станъ сея дѣвицы, возбудили въ нашемъ Княжичѣ желанiе поговорить съ нею.

Осмѣливаюсь спросить у васъ, милостивая государыня, сказалъ онъ ей, какого роду болѣзнь привела васъ въ этотъ храмъ? ... Ахъ, государь мой! отвѣчала дѣвица прiятнымъ голосомъ, трудно бы мнѣ было иному, кромѣ васъ, открыть требуемое вами. Однакожъ благородный вашъ видъ, присутствiе въ этомъ капищѣ и подвязанная ваша рука, убѣждаютъ меня къ тому. Уже два года одержима я такою болѣзнiю, отъ которой исцѣлиться сомнѣваюсь. Я достигла сюда въ великой надеждѣ, которая однако со дня на день исчезаетъ. Сей часъ при-

присутствовала я уже при пятнатцатомъ жертвоприношеніи, послѣ коихъ ежедневно принуждена была дѣлать скучныя омовѣнія, не чувствуя ни малаго облегченія.

Бурносилъ только что хотѣлъ ей на это отвѣтствовать, какъ у вратъ ограды капища того послышали они громкое восклицаніе: вотъ вѣрное и необманчивое лѣкарство отъ проказы! —— —— Что слышу я! вскричала эта дѣвица, прервавъ слова *Бурносиловы*; позвольте, прошу васъ, выслушать мнѣ повнятнѣе. Голосъ повторилъ опять тѣ же слова. Ахъ! сказала дѣвица съ жаромъ, намъ надобно узнать, въ чемъ оное состоитъ - - - - Э! сударыня, подхватилъ жрецъ, въ чемъ ему состоять! Развѣ вы не слыхивали о таковыхъ обманщикахъ? чему вѣрить? —— Какъ чему вѣрить? отвѣчала дѣвица; нечаянность не рѣдко производитъ чудеса; приведи ко мнѣ съ этимъ лѣкарствомъ, сказала она одной изъ сихъ женщинъ. Величественной видъ незнакомой наложилъ на жреца молчаніе; служительница между тѣмъ пошла, и вскорѣ привела съ собою старушку въ бѣдномъ платьѣ. Точно ли такъ вѣрно твое лѣкарство, сказала ей дѣвица, какъ ты кричала? Я считаю оное несомнительнымъ, отвѣчала старуха; и вы можете сей же часъ сдѣлать надъ больнымъ опытъ, и тогда уви-

дѣвъ его дѣйствіе, конечно не станете меня подозрѣвать въ обманѣ. —— Изрядно! испытаемъ, сказала дѣвица. —— Ахъ! сударыня, подхватилъ опять жрецъ, можете ли вы бредямъ этой старухи давать преимущество предъ тѣмъ средствомъ, которое во сто разъ достовѣрнѣе, и гдѣ дѣйствуютъ наши молитвы? - - - - Такъ молитвы, сказала дѣвица съ пренебреженіемъ; я думаю, что я обманута подобнымъ тебѣ, и понапрасну сбила ноги. Словомъ сказать, мнѣ уже наскучили обряды, здѣсь мною видимые, и я опасаюсь непозволеннаго обману; я въ деньгахъ еще недостатку не имѣю, но чрезмѣрное корыстолюбіе здѣшнихъ жрецовъ возбуждаетъ во мнѣ подозрѣніе. Я всегда буду почитать Божество, насъ создавшее, но не могу сносить, чтобъ отъ имени его совершали намѣренія златолюбія и обману. Верьховный жрецъ можетъ подумать, виноватъ ли онъ, или нѣтъ, и въ первомъ случаѣ я постараюсь, снявъ съ него агнчью кожу, ни мало не пощадить.

Изумленный тѣмъ жрецъ внутренно скрежеталъ зубами, и не смѣлъ отвѣтствовать. Незнакомая же дѣвица, выговоривъ это подозвала старушку съ ея лѣкарствомъ, и отошла съ нею къ сторонѣ. Она развязала себѣ руку, полила нѣсколько на оную воды, поданной ей старушкою; и эдва только успѣла

пѣла это сдѣлать, какъ злыя струпья проказы, подобно щелухѣ, поднялись кверьху. Дѣвица, обрадованная таковымъ приключенiемъ, призвала *Бурносила* быть онаго свидѣтелемъ, и обратясь притомъ къ своей служительницѣ, сказала: отсчитите ей сей часъ двѣ тысячи золотыхъ гривенъ, и возмите у ней всѣ бутылки, сколько есть сего лѣкарства. — Ахъ, милостивая государыня! вскричала удивленная старуха, мое лѣкарство отнюдь не стоитъ таковаго великаго награжденiя. Позвольте мнѣ, чтобъ я открыла вамъ и о составленiи онаго; ибо не вижу инаго способу къ изъявленiю моей вамъ благодарности. Отведши по томъ дѣвицу къ сторонѣ, говорила ей: это лѣкарство не въ иномъ чемъ состоитъ, какъ въ простой водѣ изъ рѣки Буга, которая сама по себѣ весьма цѣлительна, смѣшанной съ амальмою травою, растущею въ Тавринкiи. Нѣкоторой ученой волхвъ изъ Чудской страны оставилъ эту тайну въ наслѣдство моему прадѣду: и такъ дошла оная до мени. Верьховный жрецъ Бужанскiй, продолжала она, безъ сомнѣнiя также вѣдаетъ эту тайну и чрезъ оную прославился во всѣхъ Славянскихъ странахъ, и собралъ безчисленныя богатства.

Хорошо! сказала дѣвица старушкѣ; храни молчанiе, и ни одному человѣку не откры-

крывай; также не уѣзжай отсюда безъ моего приказанія; ибо я постараюсь доставить тебѣ спокойную жизнь. Старушка, поклонясь ей, удалилась.

Между тѣмъ, какъ это происходило, верьховный жрецъ Бужанскій велѣлъ Князю обьявить, что онъ можетъ притти и онъ готовъ выслушать его прозьбу. *Бурносилъ* по словамъ незнакомой дѣвицы, вошедшій въ предразсудокъ противу сего обманщика, отвѣтствовалъ присланному съ холодностію, что онъ можетъ видѣться съ нимъ и завтра. Послѣ сего подшедши къ незнакомой дѣвицѣ, получилъ отъ ней въ подарокъ четыре бутылки того лѣкарства изъ седьми ею купленныхъ. Она учинила ему этотъ подарокъ съ таковою ласковостію, что онъ не могъ не броситься предъ нею на колѣни. О! сколько я щастливъ буду, сказалъ онъ, когда вы позволите мнѣ принести въ жилищѣ вашемъ мое почтеніе и узнать о дальнѣйшемъ дѣйствіи сего лѣкарства, которое самъ съ сего часа употреблять начну съ великою надеждою; для того что получилъ оное изъ рукъ вашихъ.

Я живу, отвѣчала дѣвица, какъ и всѣ пріѣзжающія сюда, въ гостиномъ дворѣ, надлежащемъ къ сему капищу; завтрашній день предъ восхожденіемъ солнца буду я васъ дожидаться у воротъ здѣшняго саду, и съ

осо-

особливою радостію хочу услышать, что средство это оказало вамъ таковую же, какъ и мнѣ, помощь. Послѣ того они разстались; *Бурносилъ* удалился въ домъ, которой нанятъ былъ для него не въ дальности отъ капища.

Пришедъ туда и желая дать свободу своимъ размышленіямъ, *Бурносилъ* бросился на софу и приказалъ всѣмъ отъ себя выйти. Мы пошли въ особливой покой, и занимались разговоромъ объ томъ, что видѣли и слышали. Жрецъ нашъ остался въ оградѣ капища; онъ употребилъ это время для извѣщенія друзей своихъ жрецовъ Бужанскихъ о угрожающей имъ опасности. Они всѣ не вѣдали, кто такова была незнакомая госпожа, и что бы значили ея смѣлость и угрозы; по чему и разсуждали о способахъ къ отвращенію всего могущаго имъ вредить.

Жрецъ уже возвратился къ намъ, прежде нежели *Бурносилъ* оставилъ свое уединеніе, и скрывая свое смятеніе, казался быть спокойнымъ; однакожъ, когда мы пришли къ Князю, смущеніе его сдѣлалось очень примѣтно. Незнакомая дѣвица произвела въ душѣ нашего Князя сильное впечатлѣніе; онъ горѣлъ отъ нетерпѣливости съ нею видѣться. При таковомъ своемъ безпокойствѣ удостоилъ онъ меня своей по-

вѣ-

вѣренности. Онъ почти всю ночь не переставалъ разговаривать со мною о красотѣ младой дѣвицы, и чуть заря занялась, пошелъ къ назначенному ею мѣсту. Я только одинъ провождалъ его туда; но сколько мы удивились, нашедъ врата ограды капища Бужанскаго заняты стражею пятидесятью человѣкъ воиновъ! Мы остановились и увидѣли изъ дому, въ которомъ жила незнакомая дѣвица, идущаго чиновника, которой приближась, вручилъ *Бурносилу* письмецо слѣдующаго содержанія:

„Естьли бы не опасалась я нарушить „вашъ покой, узнали бы вы уже давно о „произшествіи меня раздражившемъ, и ко„торое принуждаетъ меня просить васъ о „взятьѣ подъ стражу жреца въ послѣдовате„ляхъ вашихъ находящагося. Я уповаю, что вы „равномѣрное мнѣ возьмете участіе въ томъ „дѣлѣ, которое меня привело въ ужасъ. „Я ожидаю отъ васъ одолженія, что вы „потрудитесь увидѣться со мною еще ра„нѣе того часу, которой я вчерась на„значила.„

Княжна Поляніи.

Бурносилъ, приведенный тѣмъ въ изумленіе, отвѣтствовалъ подателю письма, чтобъ онъ донесъ Княжнѣ, что ожидаетъ уже позволенія притти къ ней для засвидѣтельствованія своего почтенія. Между тѣмъ

какъ

какъ посланный пошелъ, *Бурносилъ* послалъ меня отдать жреца подъ стражу, и приказалъ мнѣ какъ можно скорѣе возвратиться.

ВЕЧЕРЪ LVIII.

Я постарался поспѣшить исполненіемъ повелѣннаго, чтобъ увидѣть, какъ *Бурносилъ* принятъ будетъ Княжною; что произошло съ великою съ обѣихъ сторонъ вѣжливостію и безъ всякихъ знаковъ нѣжной склонности. По первыхъ привѣтствіяхъ начала Княжна: я довольную уже имѣла причину имѣть къ здѣшнимъ жрецамъ недовѣрчивость. Сіи безстыдные лицемѣры имѣли дерзость, которая однако не дешево имъ достанется, въ нынѣшней ночи ту старушку, отъ которой мы ожидаемъ исцѣленія нашего, взять подъ караулъ. Я освободила оную отъ таковаго насилія, и чтобъ верьховнаго жреца обратить къ его должности, велѣла я ему объявить, кто я такова; приказала также моимъ тѣлохранителямъ разстановиться по разнымъ мѣстамъ, но такъ, чтобъ по первому знаку могли они собраться. Однакожъ чиновникъ, начальствующій

надъ

надъ ними, разскажетъ вамъ обо всемъ произшедшемъ; ибо другое дѣло меня отзываетъ. Сказавъ это, вышла она вонъ.

Княжна наша (началъ чиновникъ) очень рано легла опочивать; но еще не заснула, когда въ оградѣ капища послышанъ былъ великой крикъ. Чтобъ узнать точности, одна изъ ея женщинъ выглянула въ окошко, и услышала очень явственно слѣдующія слова: незнакомая госпожа меня защититъ; я увѣрена, что это вамъ даромъ не пройдетъ. —— Княжна тотчасъ повелѣла собрать тѣлохранителей своихъ, съ которыми я еженочно окружаю домъ сей для безопасности особы Ея Высочества, и спѣшить на помощь. Я исполнилъ повелѣнное, и чтобъ врасплохъ застать жрецовъ, влѣзъ я въ маленькое окошечко, находившееся къ двору нашему въ стѣнѣ капищной ограды, и велѣлъ двѣнатцати тѣлохранителямъ за собою слѣдовать. Я нашелъ начальника плутовъ еще раздраженнаго въ сотовариществѣ пяти, или шести жрецовъ, кои всѣ прибытіемъ моимъ приведены были въ замѣшательство. Я объявилъ имъ имянемъ Княжны Поляніи, что они должны допустить меня къ обыску своего жилища. Вамъ не безъизвѣстно надѣюсь, продолжалъ чиновникъ къ *Бурносилу*, что страна Дулебская, въ которой находится и сей храмъ Златой-

той-Бабы, дошла еще въ прошедшемъ вѣкѣ во владѣніе Князя Поляніи, родителя сей Княжны, моей Государыни. По чему и не смѣлъ мнѣ никто сопротивляться; а особливо верьховной жрецъ приведенъ былъ словами моими въ таковой страхъ, что самъ привелъ меня къ тому погребу, въ которомъ бѣдная лѣкарствопродавица лежала связанная веревками. Я освободилъ оную, и взявъ подъ караулъ начальника сего насильства, привелъ онаго къ Княжнѣ. Оная не хотѣла его видѣть, но приказала посадить въ погребъ, находившійся въ ея домѣ, и содержать подъ карауломъ до возвращенія гонца, посланнаго отъ нее къ ея родителю. О причинѣ поступка сего жрецовъ Дулебскихъ догадываются, что старушка безъ согласія ихъ осмѣлилась исцѣлить Княжну.

Въ это время княжна сама вошла къ нимъ. Какова вамъ кажется, сказала она *Бурносилу*, дерзость здѣшнихъ жрецовъ? Однако начальникъ ихъ уже подъ карауломъ; а васъ прошу приказать, допросить жреца своего, чтобъ узнать объ обманѣ его пріятелей. Ибо съ самаго вашего пріѣзду видѣли его безпрестанно перебѣгающаго изъ дому вашего въ капище къ верьховному жрецу и обратно.

Жрецъ былъ призванъ; и когда *Бурносилъ* пристращалъ его, открылъ онъ для

избавленія себя отЪ бѢды тайну своего друга. ВотЪ какое обстоятельство! сказала Княжна сЪ смиреніемЪ, покрытымЪ лицемѢрствомЪ. Оное, не бывЪ подозрѢваемо порокомЪ употребляетЪ оный вЪ свою пользу. Смиренномудріе очень различается отЪ истиннаго страха Божія, которое сЪ ужасомЪ бѢжитЪ отЪ всѢхЪ пороковЪ, и совершаетЪ безЪ суетныхЪ обрядовЪ и тщеславія всѢ тѢ добродѢтели, вЪ которыхЪ само состоитЪ.

ЖрецЪ показалЪ, что первосвященникЪ дулебскій свои исцѢленія, кои выдавалЪ онЪ за чудеса, совершалЪ единственно Амалмою травою, выписываемою имЪ тайнымЪ обрязомЪ изЪ Таврикіи; и вЪ чемЪ собственно состояло лѢкарство той старушки. Но какЪ вЪ прибытіе Княжны Поляніи трава эта у него изошла, то заключилЪ онЪ до тѢхЪ порЪ, какЪ посланной его возвратится изЪ Таврикіи, занять Княжну жертвоприношеніями и суетными омовеніями таинственнаго виду. Что чрезЪ таковой обманЪ собралЪ онЪ уже великія сокровища; и что увидѢвЪ препятствіе своему златолюбію отЪ нескромности старухи, рѢшился оную скромнымЪ образомЪ сжить сЪ свѢту.

По окончаніи сего слѢдствія, Княжна и Княжичь пожелали себѢ щастія вЪ удачномЪ дѢйствіи открытаго лѢкарства. Однако СвѢтлѢйшая

лѣйшая Княжна! сказалъ *Бурносилъ*, плѣненной жестокою къ ней любовію, и бросившись предъ нею на колѣни: мнѣ угрожаетъ еще величайшее нещастіе, нежели моя болѣзнь; скорой вашъ отъѣздъ представляется мнѣ ужаснѣйшимъ всѣхъ возможныхъ бѣдствій. —— —— Что слышу я! сказала Княжна, принявъ на себя важной видъ; какъ! развѣ незнакомому чужестранцу позволительно, узнавъ о моемъ достоинствѣ, забывать о должномъ почтеніи? —— Ахъ, милостивая государыня! сказалъ *Бурносилъ*, простите это жестокой страсти, меня къ тому привлекшей. Возможно ли мнѣ было сохранить о томъ молчаніе въ сію минуту, когда можетъ быть я навѣки съ вами разлучаюсь? Но кто вы таковы, спросила Княжна, что такъ осмѣливаетесь обратить на меня глаза свои? —— Невольникъ вашъ, отвѣчалъ онъ, по власти любви, но природою Князь Болгарскій, которой только покорностію своею желаетъ умягчить гнѣвъ вашъ. —— Князь! подхватила она снизходительнѣйшимъ голосомъ: простите моей ошибкѣ; однакожь вы не можете вмѣнить себѣ въ досаду поступокъ Княжны, подвергающей себя единственно волѣ своего родителя. —— Но кто же мнѣ поможетъ, вскричалъ влюбленной *Бурносилъ*, пріобрѣсти благоволеніе Государя, вашего родителя, когда ваше сердце за меня не бу-

детъ предстательствовать? —— Князь! сказала она ему, шествуйте ко Двору его; и когда совершите опыты вашего постоянства, можетъ онъ будетъ тѣмъ тронутъ, и повелѣніе его составитъ для меня законъ. Но естьли страшитесь того, чтобъ свиданіе со мною вамъ не было запрещено, не упоминайте мнѣ здѣсь больше о любви вашей; я и такъ больше васъ выслушивала, нежели честь моя позволяетъ.

Княжна сія, узнавъ о высокой природѣ своего любовника, желала только испытать его; но сердце ея не осталось нечувствительно къ нѣжнѣйшимъ выраженіямъ его любви. По прошествіи нѣсколькихъ дней гонецъ возвратился съ письмомъ отъ Поляніи Государя; оной увѣдомлялъ дочь свою, что отправитъ своихъ бояръ для изслѣдованія жрецовъ Дулебскихъ; а притомъ просилъ ее поскорѣе возвратиться ко Двору его и прекратить тѣмъ скучные часы, кои приключаетъ ему отсутствіе ея.

Таковой знакъ родительской горячности Княжна приняла за повелѣніе; она отъѣхала въ тотъ же самой день, позволивъ *Бурносилу* спустивъ нѣсколько дней, слѣдовать за собою въ Полянію. Нетерпѣливой любовникъ отправился за нею въ слѣдъ, едва только назначенной ему день наступилъ. При Дворѣ Полянскомъ сказана была ему всевозмо-

можная почесть. Государь Поляніи, узнавъ отъ своей дочери, что Князь *Бурносилъ* умѣлъ пріобрѣсти къ себѣ ея благосклонность, и слышавъ отъ нее похвалы ему, постарался оказать ему болѣе дружелюбія; онъ любя чрезмѣрно дочь свою, не пропускалъ ничего могущаго принести ей удовольствіе.

Послѣ допущенія *Бурносила* на первое торжественное выслушаніе, позванъ былъ онъ чрезъ нѣсколько дней въ кабинетъ Князя Поляніи. Какого вы мнѣнія, сказалъ онъ ему, о Княжнѣ моей дочери? Считаете ли вы ее прекрасною и любви достойною? — Ахъ, Ваше Величество! отвѣчалъ *Бурносилъ*, какой вопросъ вы мнѣ предлагаете! Не взирая на покрывало, скрывавшее до сихъ поръ отъ меня прелести лица ея, я горю къ ней чистѣйшею любовію. Тогда же и не помышляя о томъ, что можетъ быть слишкомъ отваживается, началъ онъ выхвалять достоинства своей любовницы таковымъ трогающимъ выраженіемъ, что Князь въ словахъ его безъ труда познналъ нарѣчіе сердца. Князь! сказалъ смягченной владѣтель Поляніи, по слышанному мною не сомнѣваюсь я, чтобъ желаніе ваше не исполнилось, когда только дочь моя согласится отдать вамъ свою руку. Старайтесь ей понравиться, пріобрѣсти ея согласіе, тогда и я взаимному ва-

шему щастію противиться не стану. — Нѣтъ, Всемилостивѣйшій Государь! вскричалъ *Бурносилъ*, я до тѣхъ поръ не осмѣлюсь потребовать сего щастія, пока не могу положить къ ногамъ вашей дочери короны; не имѣющій престола таковаго великаго дару не достоинъ. — Она вамъ будетъ на это отвѣтствовать, сказалъ Князь, увидѣвъ входящую дочь свою. Поди сюда, дочь моя, продолжалъ онъ, поди, побѣди своенравіе своего слишкомъ воздержнаго любовника, которой не пріемлетъ твоей руки для того, что не можетъ возложить на тебя Короны. — Родитель мой! сказала Княжна съ пріятною усмѣшкою, мысль эта доказываетъ меньше любви, чемъ великодушія; однакожь сынъ Князя Болгарскаго долженъ вѣдать образъ моихъ мыслей. Нѣтъ престола на свѣтѣ, который бы могъ составить щастіе таковаго сердца, каково мое; добродѣтели, которыми любовникъ мой является украшенъ, пріобрѣли ему мою благосклонность. Знай *Бурносилъ*, что соединеніе двухъ добродѣтельныхъ и вѣрныхъ сердецъ по вкусу моему составляетъ высочайшее благо. Мы удовольствуемся лишь тѣмъ, что мы вышняго степени достойны; мы достигнемъ къ нему очень близко, когда только совершится щастіе нашихъ желаній въ соединеніи навѣки сердецъ нашихъ.

Какое великодушное мнѣніе! сказалъ *Бурносилъ*; такъ, удивленія достойная и рѣдкая Княжна! разполагайте судьбою нѣжнѣйшаго вашего любовника, которой клянется вамъ вѣчною вѣрностію. Тогда Княжна по волѣ своего родителя сняла съ себя покрывало. Какія прелести предстали тогда очамъ *Бурносиловымъ*! Никогда свѣтъ не видалъ еще онымъ подобныхъ, и щастіе *Бурносилово* было столько велико, что онъ не смѣлъ оному вѣрить. Монархъ Поляніи подалъ тогда ему руку своей дочери: любитесь постоянно мои дѣти, сказалъ онъ; щастіе ваше составитъ мое благополучіе, и я совершу оное какъ можно скорѣе. Тогда велѣлъ онъ созвать своихъ бояръ, и обьявилъ имъ о бракѣ своей дочери съ сыномъ великаго Князя Болгарскаго.

Важное это извѣстіе принято съ величайшею радостію, Князь Поляніи послалъ первенствующаго изъ Вельможей своихъ къ Двору Болгарскому для истребованія отъ родителя *Бурносилова* согласія на бракъ его сына. Оный принялъ Посла съ особливымъ удовольствіемъ и далъ на то свое благословеніе; онъ отправилъ къ Государю Поляніи торжественное посольство съ неоцѣненными дарами для своей невѣстки, и надлежащее число бояръ и невольниковъ для услуженія своему сыну. Свадьба совершилась по

 царски

царски; и супруга *Бурносилова* въ первой годъ родила ему младаго Князя *Закомира*, котораго вы видѣли.

Бурносилъ съ супругою своею жилъ цѣлыхъ пять лѣтъ при Дворѣ своего тестя въ совершенномъ благополучіи; но ахъ! сколь дорого заплатилъ онъ за щастливое это время. *Бурносилъ* былъ великой охотникъ до звѣроловства, и почасту отъѣзжалъ въ одинъ довольно отдаленной отъ столицы замокъ для сего увеселенія. Княгиня его всегда съ нимъ не разлучалась. Въ одинъ разъ, когда они сбирались туда ѣхать, старой Князь Полянін занемогъ; оный не хотѣлъ удержать ихъ забавы, но дочь его съ своей стороны не могла его оставить, и онъ почти насильно послалъ на охоту своего зятя, требуя отъ него назавтрѣе къ обѣду двухъ сернъ. *Бурносилъ* повиновался тому, обѣщаясь къ ночи возвратиться.

Онъ въ самомъ дѣлѣ пріѣхалъ; но какъ время было уже очень поздно, супруга его давно уже опочивала. Князь, бывъ супругъ осторожной, вошелъ тихо въ ея спальню въ предшествіи одного своего невольника *Форгаса*, несшаго предъ нимъ свѣчу. О небо! что представляется глазамъ его! Въ каковую ярость онъ приходитъ! Входя, видитъ онъ явственно мущину убѣжавшаго въ потаенныя двери - - - Бѣги, сказалъ онъ

Фор-

Форгасу, за симъ дерзкимъ человѣкомъ; поимай его! И въ чрезмѣрной ревности, почти лишась разсудка, бросился онъ къ постелѣ своей супруги и пронзилъ ее своимъ охотничьимъ ножемъ.

Княгиня, находившаяся тогда въ крѣпкомъ снѣ, произнесла болѣзненный вопль, и обагрившись кровію, упала въ обморокъ. Самъ *Бурносилъ* послѣ таковаго ужаснаго дѣйствія упалъ близь постели своей супруги безчувственъ; между тѣмъ стонъ и крикъ очнувшейся и умирающей Княгини пробудилъ комнатную ея женщину. Вой ея привелъ въ чувства *Бурносила*; однакожъ остался онъ подобно безумному во все то время, какъ бѣгали и привели придворныхъ врачей. По щастію не показалъ онъ въ себѣ, что онъ виновникъ сего нещастія.

Рану осмотрѣли: оная найдена не смертельною; но изтекшее множество крови привело Княгиню въ таковую слабость, что она казалась подобною мертвой. Время отъ времени открывала она глаза свои, и взирала на супруга своего съ великою нѣжностію, не вѣдая того, что умираетъ отъ руки его. Этотъ поразительной видъ привелъ *Бурносила* въ себя и предалъ внутренность его на разтерзаніе раскаянію. Можетъ быть, думалъ онъ, Княгиня моя невинна; но какъ бы то ни было, показалось ему весьма опасно

 сно

сно признаться въ своемъ поступкѣ, или изыскивать о причинителѣ онаго. И такъ заключилъ онъ молчать до тѣхъ поръ, какъ получитъ нѣкоторое обьясненіе.

Занимаясь таковыми мыслями, первое его стараніе было о томъ, чтобъ не допустить слуху о произшедшемъ до своего тестя. Онъ запретилъ его будить, и между тѣмъ, какъ перевязывали рану жены его, вышелъ онъ освѣдомиться объ успѣхѣ *Форгасовомъ*, котораго повстрѣчалъ къ себѣ идущаго. Всемилостивѣйшій Государь! сказалъ ему невольникъ; злодѣй пойманъ и находится подъ крѣпкимъ замкомъ. Я гнался за нимъ столь ревностно, что онъ, споткнувшись отъ толчка моего упалъ и переломилъ себѣ ногу; какъ этотъ случай мнѣ помогъ, потому что я былъ одинъ, то дотащилъ я въ погребъ Королевской кухни, отъ которой ключь у себя имѣю. Но не можетъ ли онъ уйти? спросилъ *Бурносилъ*. Какимъ образомъ? сказалъ *Форгасъ*; онъ ходить не можетъ; сверьхъ того погребъ этотъ такъ крѣпокъ - - - Послушай *Форгасъ*! подхватилъ Князь, могу ли я положиться на твою вѣрность? Невольникъ, котораго слова сіи изумили, клялся ему усердіемъ и повиновеніемъ его повелѣніямъ столько убѣдительно, что *Бурносилъ* во всемъ ему открылся. Вѣдай *Форгасъ*

гасъ, говорилъ онъ ему, сколько много я въ жестокости гнѣва моего поспѣшилъ и согрѣшилъ! я умертвилъ мою супругу - - - все чувства меня оставляютъ при семъ напоминовеніи! . . . Я не вѣдаю о томъ, виновна ли она, или нѣтъ, но имѣю причину думать, что въ смерти своей не подозрѣваетъ она меня; нѣжность ея взглядовъ ко мнѣ меня въ томъ увѣряетъ. Она спала тогда крѣпкимъ сномъ, когда моя жестокая рука ее пронзила. Ахъ! естьли она и виновна, чего однако не уповаю! однако избавимъ ее отъ ужасу познать ея убійцу, я самъ умру отъ того, и не могу возрѣть на кончину ея! Незнакомой этотъ злодѣй, продолжалъ онъ, конечно слишкомъ казнь заслуживаетъ. Мы возложимъ на него это преступленіе; одинъ ты Форгасъ вѣдаешь о моемъ проступкѣ, будь молчаливъ и не открывай никому обстоятельствъ сего печальнаго произшествія; а я увѣдомлю самъ моего тестя, и донесу ему таковымъ образомъ, какъ нужно для моего намѣренія. Невольникъ клялся ему съ скромности столько сильно, что Князь увѣрился въ немъ совершенно.

ВЕЧЕРЪ LIX.

Буриосилъ, успокоившись молчаливостію *Форгасовою*, велѣлъ ему препроводить себя въ то мѣсто, гдѣ пойманный былъ заперть. Злодѣй! сказалъ онъ ему, что ты сдѣлалъ? и кто ты таковъ? Пойманный старался сколько возможно сокрыть лице свое, чемъ больше возбудилъ въ *Буриосилѣ* подозрѣніе, и принудилъ поднести къ лицу его свѣчу. И такъ увидѣлъ онъ въ немъ того вѣроломнаго жреца, которой возбудилъ его для исцѣленія отъ болѣзни пѣшешествовать въ Дулебы, и которой слѣдовалъ за нимъ до Двора Поляніи. Измѣнникъ! вскричалъ Князь, ты еще живешь на свѣтѣ, за тѣмъ чтобъ наполнять оной злодѣяніями! —— Укротите вашъ гнѣвъ, сказалъ жрецъ съ великимъ равнодушіемъ; я нахожусь въ вашей власти, и безъ ужаса готовъ снести ту казнь, къ каковой меня опредѣлите. Однакожъ выслушайте напередъ, что я вамъ сказать хочу. Я не покушался ни на честь, ни на жизнь Княгини супруги вашей, которую несправедливо вы подозрѣваете. Какъ я безвинно осужденъ былъ отъ васъ въ темницу, и просидѣлъ въ оной пять лѣтъ: это меня оскорбило; я искалъ отмстить вамъ.

намѣреніе мое было разрушить спокойство вашего брака: я постарался произвести въ васъ подозрѣніе и ревность; ибо мнѣ извѣстно, что недовѣрчивость къ милому предмету составляетъ величайшее нещастіе. Вчерашняго дня свѣдавъ, что вы съ охоты возратитесь ночью, спрятался я съ умыслу въ спальнѣ вашей, чтобъ побѣжать вонъ, какъ скоро вы появитесь; бѣгство мое такъ безопасно было разположено, что я могъ бы уйти отнюдь не бывъ познанъ. Но по нещастію въ надеждѣ моей обманулся и остался въ стыдѣ, что предпріятія моего совершить не могъ. Это признаніе, продолжалъ онъ, столько чистосердечно, что и величайшими муками больше ничего извлечь у меня не можно. — О! сказалъ *Бурносилъ*, сего уже довольно, чтобъ наказать тебя съ жесточайшею строгостію!

Между тѣмъ онъ промедлилъ долго, надлежало возвратиться къ Княгинѣ; онъ учинилъ это, терзаясь мученіемъ совѣсти, и тѣмъ больше, что удостовѣрился о невинности и вѣрности своей супруги. Но нещастная сія находилась еще въ великой опасности. Страхъ о томъ приводилъ *Бурносила* въ отчаяніе; едва не совершилъ онъ надъ собою мщенія тою же рукою, которая поразила невинную; и естьли удержалъ себя, то для того единственно, чтобъ

не

не подать подозрѣнія о своемъ поступкѣ; какъ думалъ онъ, въ тогдашнемъ своемъ замѣшательствѣ. Онъ считалъ за необходимо для будущаго спокойствія утаить истинну сего приключенія отъ своей супруги и своего тестя. И такъ пошелъ онъ сперва въ спальню Княгинину, не осмѣливаясь однако подступить къ ней близко; потому что къ исцѣленію ея врачи требовали великаго ея спокойства. Оттуда слѣдовалъ онъ въ чертоги своего тестя; и какъ скоро развѣло, вошелъ одинъ въ его опочивальню. Государь! сказалъ онъ ему печальнымъ видомъ, я прихожу донести вамъ о приключеніи ужаснѣйшемъ и неслыханномъ. Дочь ваша хотя еще жива, но дни ея находятся въ величайшей опасности - - - Что слышу я! вскричалъ Князь со трепетомъ; какимъ случаемъ? — Позвольте мнѣ, подхватилъ *Бурносилъ*, милостивое выслушаніе; я самъ трепещу при донесеніи того, что сказать долженъ.

Тогда разсказалъ онъ ему о случившемся; но чтобъ лучше скрыть обстоятельство вещи, расположилъ онъ донесеніе свое слѣдующимъ образомъ. Онъ началъ входомъ своимъ въ спальню своей супруги; я увидѣлъ, продолжалъ онъ, что при входѣ моемъ выскочилъ вонъ мущина. Я приказалъ *Форгасу* онаго преслѣдовать; и когда приближился

къ

къ постели, о Небо! въ каковомъ состояніи нашелъ я любезную мою супругу! Безчувственну и плавающую въ своей крови. Мнѣ показалось, что она уже мертва, и это ужасное представленіе столько меня поразило, что я безчувственъ упалъ близь постели. Пришелъ въ себя, увидѣлъ я, что спальня Княгинина уже наполнена женщинами Княгиниными и придворными врачами. Рана осмотрѣна и найдена не смертельною: врачи обнадеживаютъ въ ея выздоровленіи; но слабость, въ которой она находится отъ истеченія многой крови, наноситъ мнѣ отчаяніе.

Вздохи и рыданія пресѣкли слова *Бурносиловы*. Князь самъ едва дыхать могъ, и проливалъ потоки слезъ. Продолжайте, сказалъ онъ ему наконецъ; я выхожу изъ терпѣнія, что время отлагается въ наказаніи дерзкаго виновника страшнаго сего дѣйствія. *Бурносилъ* продолжалъ:

Когда слова врачей нѣсколько меня успокоили, тотчасъ бѣжалъ я въ слѣдъ *Форгаса*, которой встрѣтившись, донесъ мнѣ, что злодѣй пойманъ, заключенъ, и что онъ ожидаетъ повелѣнія, что съ нимъ начать. Я не могъ удержаться, чтобъ не самому лично допросить его. Но кого же бы думали вы, Государь, нашелъ я въ этомъ признавшемся преступникѣ? Самаго того вѣро-

роломнаго жреца, которой прежде по сообщничеству съ первосвященникомъ Бужанскимъ заточенъ былъ въ темницу на пять лѣтъ. За самое это хотѣлъ онъ мстить моей супругѣ; ибо она была побудительницею ихъ наказанія. — Тысячу казней, вскричалъ Князь, недостойны воздать ему за столь ужасное преступленіе! да отведутъ его во всенародную темницу, пока изобрѣтена будетъ приличная казнь воздать ему!

Опредѣленіе это справедливо, сказалъ *Бурносилъ* оканчивая; но какъ дѣло это особливаго содержанія, и я пріемлю въономъ столь великое участіе, то и долженъ просить у васъ позволенія слѣдствіе онаго произвести мнѣ; ибо въ домѣ моемъ должны быть участники сего злодѣянія, и мнѣ слѣдуетъ оныхъ узнать. Кончивъ это тайное изысканіе, отдамъ я преступника судіямъ для наказанія по всей строгости законовъ.

Князь согласился на то, чего *Бурносилъ* единственно желалъ; и послѣ того удалился къ *Форгасу*. Они пошли съ нимъ къ заключенному. Я донесъ обо всемъ моему тестю, сказалъ ему *Бурносилъ*, и сей нѣжный отецъ справедливо раздраженъ противу тебя, и опредѣляетъ тебя къ ужаснѣйшей казни. Но можетъ быть я могу оную облегчить, когда откроешь ты мнѣ

того,

того, кто провелъ тебя въ Княгинину спальню. — Нѣтъ! сказалъ жрецъ съ твердостію; это долженъ я сокрыть: мнѣ служили со всякою вѣрностію, и не справедливо будетъ измѣнить - - - Какъ! злодѣй! подхватилъ *Бурносилъ*, вѣдаешь ли, что можетъ надъ тобою верьховная власть? Говори, или сей часъ предамъ тебя жестокимъ мукамъ. Это меня не страшитъ, отвѣчалъ преступникъ безъ всякаго смущенія; я не открою объ моемъ соучастникѣ, естьли не дашь мнѣ обѣщанія даровать жизнь моему соучастнику. И то тебѣ обѣщаю, говорилъ *Бурносилъ*; но не держи меня долѣе. Это младая *Изма*, сказалъ жрецъ; за чемъ скрывать это далѣе? молодость лѣтъ ея можетъ ее защитить.

Бурносилъ сдѣлалъ жрецу еще нѣсколько вопросовъ; послѣ чего взявъ изъ рукъ *Форгасовыхъ* маленькой пирожекъ, сказалъ жрецу: вотъ возьми мзду твоего признанія; малое мужество освобождаетъ тебя отъ тысячи ужасныхъ мукъ. Это неожиданный мною обманъ, сказалъ жрецъ, внѣ себя приведенный; я признался единственно для надежды сохранить мою жизнь, но вы подаете мнѣ смерть изъ рукъ своихъ. Потомъ сей буйный человѣкъ, которой чаялъ быть постоянству своему непоколебимымъ, никакъ не могъ рѣшиться умертвить себя

соб-

собственными руками; онъ рыдалъ, бросался къ ногамъ *Бурносиловымъ*, и столько былъ жалокъ, что можетъ бы умягчилъ его, естьли бы смерть сія не была необходимо нужною для спокойства *Бурносила* и его супруги. Словомъ сказать, нещастной жрецъ проглотилъ приготовленной ему ядъ, и умеръ хотя за преступленіе, но не за то, въ коемъ былъ виновенъ.

Бурносилъ ждалъ до тѣхъ поръ, какъ ядъ возъимѣлъ свое дѣйствіе, которое скоро лишило жреца всѣхъ чувствъ. Тогда вышелъ онъ изъ погреба и закричалъ стражамъ, изъ почтенія поодаль отступившимъ: бѣгите помочь узнику! оной изъ отчаянія, въ нашемъ присутствіи проглотилъ ядъ; дѣйствіе онаго было скоропостижно, и можетъ быть онъ уже мертвъ. Немедленно призваны были врачи, но помощь ихъ оказалась поздно приспѣвшею: ядъ уже умертвилъ его.

ВЕЧЕРЪ LX.

Бурносилъ отъ природы не былъ лютъ; печальное зрѣлище, коего находился онъ причиною и свидѣтелемъ, безпокоило его душу, и одна только необходимость принуждала его быть твердымъ. Но чрезъ нѣсколько часовъ онъ успокоился, видѣвъ себя властителемъ своего таинства.

Но еще и другое обстоятельство могло бы легко послужить противу его свидѣтельствомъ. Охотничій ножь его, найденной окровавленнымъ на постелѣ его супруги, могъ открыть поступокъ его; однакожь въ смятеніи тогдашнемъ никто не взялъ сего въ замѣчаніе. Опасное состояніе Княгини и отчаяніе *Бурносилово* отвело всякія подозрѣнія, такъ что никто и не примѣтилъ, что въ ножнахъ у него ножа не было. Одинъ только *Бурносилъ* помнилъ о томъ; и какъ скоро спомнился, то потребовалъ ножь, сказавъ: подайте мнѣ ужасное орудіе сего страшнаго преступленія, чтобъ оное послужило въ улику поиманному злодѣю.

Когда отвратилъ онъ и послѣднее это подозрѣніе, изчезъ въ немъ весь страхъ. Онъ не боялся уже, чтобъ могли узнать: но со-

совѣсть его ужасно терзала. Но сколь ни велико было стѣсненіе души его, пошелъ однако къ Князю, тестю своему, донести о произшедшемъ. Онъ нашелъ его въ предспальнѣ своей супруги, къ которой входъ онъ всякому запретилъ, и самъ не нарушалъ сего повелѣнія. Смерть жрецова была ему досадна; онъ взиралъ на него какъ на жертву къ удовлетворенію своего мщенія, и огорчался, что не можетъ подробнѣе изыскать о соучастникахъ въ злодѣяніи. *Бурносилъ*, чтобъ лучше успокоить Князя, увѣрилъ его, что изъ сего преступника не могъ ничего вывѣдать. Князь не имѣлъ причинъ не вѣрить словамъ своего зятя; но неизвѣстность о подлинности обстоятельствъ подала случай къ различнымъ мнѣніямъ и заключеніямъ; никогда не могли проникнуть въ истинну, и оная поднесь осталась бы неразрѣшимою, естьлибъ нѣчто не случилось, открывшее это таинство.

Съ того времени занимались только стараніемъ о выздоровленіи Княгининомъ, съ которой произходили разные припадки: въ цѣлые сорокъ дней не дали ей ни трехъ словъ выговорить. *Бурносилъ* когда ни подходилъ къ ней, всегда убѣждалъ ее къ молчанію. Напослѣдокъ мало помалу начала она приходить въ здоровье. Оставшись тогда въ первой разъ на единѣ съ своимъ супру-

пру-

другомъ, просила она его разсказать о приключившемся съ нею, чему она не постигала ни причины ни виновника. То и другое, продолжала она, содержатъ меня въ недоумѣніи, которое вводитъ меня въ подозрѣніе. Вопросъ и безпокойство Княгинины привели было супруга ея въ трепетъ; но чтобы сокрыть свое смятеніе, говорилъ ей, что она еще столько слаба, что не отваживается онъ разсказаніемъ того ее обезпокоить. - - - Ахъ, мой возлюбленной! подхватила она съ таковою нѣжностію, которая совершенно его успокоила, и притомъ до внутренности души тронула; можетель во мнѣ запретить то, чего я больше всего на свѣтѣ желаю? Неизвѣстность о семъ и мое необходимое любопытство наносятъ гораздо больше опасности въ моемъ выздоровленіи.

Бурносилъ видѣвъ себя принужденна удовлетворить ей въ томъ, повторилъ ту же повѣсть, какую разсказывалъ Князю родителю ея. Княгиня возтрепетала, выслушавъ оную: ахъ, проклятой человѣкъ! вскричала она тогда; куда онъ дѣлся? Онъ долженъ мнѣ самъ признаться въ своемъ преступленіи. —— Его нѣтъ уже на свѣтѣ, сказалъ *Бурносилъ*, ядъ, проглощенной имъ, умертвилъ его въ моемъ присутствіи; однакожъ возлюбленная супруга, послѣдуй моему со-

вѣту, забудь, или по крайней мѣрѣ не упоминай о семъ произшествіи, и оставь его въ той неизвѣстности, въ которой оное погребено. Небо за насъ отмстило, и о добродѣтели твоей нѣтъ сомнѣнія; оставимъ дальнѣйшія слѣдованія; потому что умертвившій себя жрецъ самъ мнѣ признался, что имѣлъ одну только соучастницу изъ вашихъ служительницъ, имянемъ *Изму*, которая содержится подъ карауломъ. —— Какъ! возможноли? сказала Княгиня; это ребенокъ —— Самой этотъ ребенокъ, подхватилъ *Бурносилъ*; однакожь она приведена уже въ несостояніе говорить. . . . Но, моя дражайшая супруга! я примѣчаю, что вы приходите въ таковое безпокойство, которое повергаетъ меня въ заботу; перестанемъ говорить о таковомъ дѣлѣ, кое вредитъ вашему здоровью, и которое должно предать вѣчному забвенію. Въ самое это время Князь Голяніи вошелъ къ нимъ, и тѣмъ прервалъ непріятной разговоръ для *Бурносила* Княгиня его послѣдовала его желанію; однакожь по задумчивости, оставшейся во весь остатокъ ея жизни, можно заключить, что она мыслями безпокоилась, и что отъ самаго того ея жизнь прекратилась.

Между тѣмъ, продолжалъ *Становой*, со дня на день уменьшалась ко мнѣ благосклонность *Бурносилова*. Одинъ только Форгасъ

гасъ владѣлъ всею его довѣренностію, и въ таковой степени, что онъ пересказывалъ ему отъ слова до слова всѣ разговоры съ своею супругою; при чемъ живѣйшимъ образомъ давалъ чувствовать, сколько онъ опасается, чтобъ любви достойная его супруга не пожелала проникнуть до основанія въ его тайну.

При таковыхъ важныхъ обстоятельствахъ холодность ко мнѣ моего Государя была мнѣ чрезмѣру чувствительна. Я не былъ простымъ зрителемъ всего произходящаго; я подозрѣвалъ, и чемъ больше разсматривалъ *Бурносила*, тѣмъ больше примѣчалъ, что сноситъ онъ нѣкое тайное мученіе: но мнѣ не можно было проникнуть сквозь темную завѣсу, покрывающую.

По совершенномъ излѣченіи Княгини отъ раны, осталась въ ней задумчивость, которую супругъ ея разогнать не могъ. Онъ безпрестанно находился при ней, оказывалъ величайшіе знаки нѣжности, на кои не получалъ таковаго соотвѣтствія, каковаго бы желалъ. Въ одинъ день увидѣвъ ее въ величайшей предъ обыкновеннымъ задумчивости, отшелъ онъ въ кабинетъ съ своимъ любимцемъ. *Форгасъ*! сказалъ онъ ему, меня до смерти мучитъ холодность ко мнѣ моей супруги; о Небо! не ужь ли и ты можешь мнѣ измѣнить? Опасайся

 сдѣ-

сдѣлаться мнѣ подозрительнымъ! Я можетъ быть слишкомъ отваживаюсь, что позволяю жить свидѣтелю моего преступленія. Ѳто ужасное предложеніе и образъ, съ каковымъ оное было произнесено, привели бѣднаго невольника въ трепетъ; онъ повторялъ свои клятвы, которыя по видимому успокоили *Бурносила*; однакожъ безпокойство невольника возрастало со дня на день, и какъ онъ не зналъ что дѣлать, пришелъ ко мнѣ въ одно утро. *Форгасъ* имѣлъ доброе сердце; неблагодарность казалась ему величайшимъ преступленіемъ, но не могъ онъ далѣе противиться снѣдающему его безпокойству. Смятеніе привело его потребовать у меня совѣту. Вы всегда были моимъ покровителемъ, сказалъ онъ мнѣ; наставьте меня, чемъ могу я избѣгнуть опасности, жизни моей угрожающей. —— Что слушу! подхватилъ я съ великимъ изумленіемъ; ты любимецъ своего Государя, чего тебѣ опасаться? Ахъ, милостивый государь! отвѣчалъ онъ, мнѣ всего надлежитъ опасаться, и со всемъ тѣмъ не смѣю я открыть ввѣреннаго мнѣ Государемъ моимъ таинства.

Слова сіи привели меня въ таковое любопытство, что я употребилъ всѣ способы убѣдить невольника мнѣ открыться. По долгимъ сопротивленіямъ, разсказалъ онъ мнѣ

на-

наконецъ все то, что вы слышали, и какъ уже единожды измѣнилъ тайнѣ, то не забылъ объявить мнѣ и малѣйшихъ подробностей. Ахъ, государь мой! продолжалъ *Станобой Зимену*, я долженъ признаться вамъ въ моей слабости; я завидовалъ благосклонности къ нему Княжей, и обѣщалъ себѣ чрезъ отдаленіе сего невольника столько выгодъ, что при поданномъ ему совѣтѣ взиралъ больше на мои собственныя, чемъ на его выгоды. Повѣренности Государей описалъ я ему всегда опасными; что не рѣдко, опасаясь измѣны, освобождаются смертію отъ своихъ повѣренныхъ, и что малѣйшее подозрѣніе приводитъ въ забвеніе величайшія услуги: признаніе есть для нихъ вещь безпокойная, и учиняется сугубымъ бременемъ, когда должно имѣть оное къ кому нибудь. Сверьхъ того, примолвилъ я, тайна нашего Князя касается до весьма щекотливаго обстоятельства, чтобъ жизнь твоя могла быть притомъ въ безопасности. — И такъ рѣшено! вскричалъ невольникъ въ смятеніи; мнѣ должно избавиться отъ безпрестанно мучащаго меня безпокойства: *Бурносилъ* меня больше не увидитъ.

Я старался притворнымъ образомъ его успокоить; однакожь видѣвъ, что намѣреніе его къ бѣгству твердо, согласился, что нужно оное къ его спасенію. Мы со-

вѣтуя заключили удалиться ему въ Персиду и жить въ самомъ Персеполѣ, чтобъ во многонародіи столичнаго города тѣмъ больше былъ онъ не узнаваемъ. Онъ оставилъ мнѣ множество золота и драгоцѣнныхъ камней съ тѣмъ, чтобъ я по требованію его со временемъ переслалъ къ нему. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ увѣдомляетъ онъ меня, что онъ отъ торговъ разбогатѣлъ; но съ тѣхъ поръ не имѣю извѣстія, что съ нимъ произходитъ и живъ ли онъ.

КОНЕЦЪ V ЧАСТИ.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
31373-0
КП-30552